

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ: УРОКИ ИСТОРИИ

Материалы международной военно-исторической конференции,
посвященной 100-летию начала Гражданской войны в России
(г. Москва, 13 ноября 2018 г.)

МОСКВА – 2019

ББК – ТЗ(2)534я431+Ц35(2)523я431
О 80

Н. И. Бритвин (*научный руководитель*)

Отв. редактор: А. М. Соколов

Редакторы: А. Г. Абрамов, О. В. Власов, С. В. Запорожцева

Научные редакторы: М. А. Селиванов, В. С. Хмельников

Рецензент: доктор исторических наук, профессор В. Н. Хаустов

Модератор конференции – доктор исторических наук,
профессор Ю. В. Рубцов

О 80 **От Первой мировой войны к Гражданской войне в России: уроки истории** // Материалы международной военно-исторической конференции, посвященной 100-летию начала Гражданской войны в России. Москва, 13 ноября 2018 г. – М. : ВУ, 2019. – 252 с.

Сборник подготовлен на основе материалов международной военно-исторической конференции, состоявшейся 13 ноября 2018 г. в Москве. Материалы конференции посвящены 100-летию со дня начала Гражданской войны в России.

В сборник вошли научные статьи, в которых освещаются различные проблемы итогов и последствий великой войны, хода и исхода Гражданской войны в России и современные трактовки событий в России в 1917–1918 гг.

Материалы конференции представляют интерес для историков, работников высшей школы, общественных и политических организаций, курсантов и слушателей, а также читателей, интересующихся военной историей отечества.

Организаторы конференции выражают благодарность Центральному музею Вооруженных сил Российской Федерации, Центральному архиву Министерства обороны Российской Федерации, Российскому государственному военному архиву за организацию и проведение выставок архивных материалов и литературы, за оказание помощи в проведении конференции.

ББК – ТЗ(2)534я431+Ц35(2)523я431

© НИЦ (ФВИП), 2019

© Военный университет, 2019

А. М. Цыганков,
*первый заместитель начальника
Главного военно-политического управления
Вооруженных сил Российской Федерации*

Вступление

Сто лет назад завершилась Первая мировая война, в истоках, содержании и последствиях которой кроются ответы на многие проблемные вопросы дальнейшего развития человечества.

Этот глобальный военный конфликт и порожденные им бедствия стали одной из причин революций 1917 г., военной интервенции стран Антанты, которые в свою очередь привели к Гражданской войне в России – такой жестокой и такой трагичной.

Мы собрались здесь для того, чтобы проанализировать эти масштабные исторические явления и попытаться сформулировать уроки истории, важные для нашего настоящего и будущего.

Генерал А. И. Деникин – один из главных участников национальной драмы 1918–1922 гг. назвал период Гражданской войны «русской Смутой». Оценка образная, яркая, но, пожалуй, не совсем точная. За скобками здесь остаются и глубинные причины конфликта, и фактор иностранного вмешательства.

Системные общественные изменения, вызванные Первой мировой войной, падение монархии в феврале 1917 г., слабость и недееспособность Временного правительства, Октябрьская революция, декреты Советской власти, страх ведущих мировых держав перед опасностью распространения революции – все это стало важными предпосылками военной интервенции и Гражданской войны в России.

Значительная часть исследователей соотносят начало нового «смутного времени» с разгоном большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г., что окончательно лишило надежд на возможность мирного развития событий не только консервативные и либерально-демократические силы, но и «попутчиков» большевиков.

Конечно, в этом утверждении есть немалая доля правды. Но правда состоит в том, что сами большевики стремились избежать Гражданской войны, рассчитывая на то, что сопротивление их политике будет иметь очаговый и кратковременный характер.

Для этих надежд были определенные основания – ведь с конца октября 1917 г. по февраль 1918 г. на большей части территории бывшей Российской империи Советская власть установилась преимущественно мирным путем. Этот процесс в историографии, как известно, часто называют «триумфальным шествием Советской власти».

Первоначальный успех большевиков объяснялся тем, что их политический курс поддержали значительные слои населения – рабочие, крестьяне, солдаты, а также часть интеллигенции. Неудивительно, что долгожданные декреты о мире и земле были восприняты в народе с радостью и благодарностью.

Однако расчеты большевиков на возможность избежать масштабного гражданского конфликта не оправдались. Уже в конце весны 1918 г. ситуация резко изменилась, чему способствовали как собственные ошибки большевистской власти, так и вмешательство внешних сил.

Важной особенностью Гражданской войны стал мятеж Чехословацкого корпуса, фактически обеспечивший успех противникам Советской власти на огромных пространствах страны. Это заставило советское руководство принять самые энергичные меры по мобилизации своих сил и превращению страны в единый военный лагерь, что, в свою очередь, стало необходимой предпосылкой будущих военных успехов красных.

Этап Гражданской войны с ноября 1918 г. по февраль 1919 г. во многом определялся окончанием Первой мировой войны, что позволило странам Антанты сосредоточить свои политические, экономические и военные усилия на вмешательстве в процессы, происходившие на просторах России. Это неизбежно сделало Гражданскую войну более масштабной, длительной и кровопролитной.

Первоначально лидеры стран Антанты рассчитывали свергнуть Советскую власть собственными военными силами при

вспомогательной роли белых армий, однако противоречия между ними, низкий боевой дух войск интервентов, а также непопулярность идеи новой войны у народов европейских государств заставили руководство Антанты в скором времени сократить свое военное присутствие в России и сделать ставку на поддержку в российском белом движении «генеральских диктатур» А. В. Колчака, А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и других.

Решающей частью Гражданской войны, когда стратегическая инициатива на всех фронтах окончательно перешла на сторону красных, стал период с марта 1919 г. по март 1920 г. В это время Красной армии в ходе ожесточенных сражений удалось нанести поражения основным силам Белого движения на всех фронтах.

В ходе завершающего этапа Гражданской войны (весна 1920 г. – осень 1922 г.) Красная армия подавила оставшиеся очаги сопротивления в Крыму, Средней Азии, на Дальнем Востоке.

Продолжавшаяся около пяти лет Гражданская война в России отличалась напряженным характером и большим ожесточением, которые были обусловлены как непримиримыми противоречиями между сторонами конфликта, так и открытым вмешательством иностранных государств.

Проблематика Гражданской войны неисчерпаема. Считаю, что особый интерес для нас представляют следующие вопросы:

- причины победы красных (прежде всего факторы военного и организационного характера);

- опыт военного строительства, приобретенный в это трудное и сложное время;

- опыт организации воспитательной и агитационной работы в Красной армии во имя поддержания высокого морально-политического состояния личного состава, выработки твердой уверенности командиров и красноармейцев в правильности политического курса большевистской власти;

- итоги и уроки Гражданской войны, изучение которых важно для предотвращения рецидивов подобных внутригосударственных конфликтов.

Надеюсь, что все это найдет свое отражение в докладе и выступлениях участников конференции.

И еще одно пожелание. Несмотря на то, что от событий Гражданской войны нас отделяет целый век, мы просто обязаны анализировать ее и извлекать необходимые уроки под углом зрения современных проблем войны и мира, потребностей военной безопасности Российской Федерации, патриотического воспитания молодежи.

В. Н. Воронов,
*руководитель секции Гражданской войны
отделения военной истории Академии военных наук,
доктор исторических наук, профессор*

Гражданская война 1917–1922 гг. в России: уроки истории

Прошел год со столетия Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Однако по-прежнему велик интерес к истории той переломной эпохи, не утихают научные дискуссии, общественные полемика и прения, направленные на выяснение достоверности и оценки событий Гражданской войны, участия народных масс в этом трагическом противостоянии.

Гражданская война... Какое страшное словосочетание. Ведь русский стреляет в русского! Нет такой семьи в России, которая не понесла бы потерь в эти трагические годы, но многие поколения советских людей воспитывались на «героике Гражданской войны».

Понадобилось более семидесяти лет, чтобы постепенно пришло горькое понимание того, что личности и генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина, адмирала Александра Васильевича Колчака, генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова, командира кавказского корпуса Григория Ивановича Котовского, Маршалов Советского Союза Василия Константиновича Блюхера и Михаила Николаевича Тухачевского принадлежат истории России.

В той безумной Гражданской войне у каждого была своя правда. И в жестокой битве за матушку-правду захлебнулись собственной кровью ее бойцы. Никто не хотел уступать!

Гражданская война – вооруженное противостояние между различными группами населения, а также война разных национальных, социальных и политических сил за право завоевать господство внутри страны.

Основные причины Гражданской войны в России:

Общациональный кризис в государстве, который посеял непримиримые противоречия между главными социальными слоями общества.

В 1916–1917 гг. марксизм представлял собой западное увлечение интеллигенции, продукт западной культуры. Был ли он распространен в России среди рабочего класса и крестьянства к началу революции?

Ответ однозначен – нет. Россия была страной самобытной со своим укладом жизни. Партия большевиков опиралась на фабрично-заводской пролетариат, который составлял на момент революции лишь 3,8 млн человек, около 3% населения.

Городской рабочий класс находился в процессе формирования. Его количество в городах не шло в сравнение с наемными рабочими и рабочими из сельских районов. При этом у них был разный уровень сознания.

Приток новых рабочих из крестьян усилил разрыв между немногочисленными квалифицированными и массой низко квалифицированных рабочих. Кроме того, рабочий класс характеризовался непониманием необходимости революции, разным мировосприятием, условиями жизни и быта, оплатой труда.

Следовательно, не весь рабочий класс разделял идеи марксизма, не говоря уже о мещанах и крестьянах.

Необходимо отметить и тот факт, что не везде выдвинутые большевиками лозунги: мир – народам, земля – крестьянам, власть – Советам были значимы, востребованы, поняты.

В Сибири лозунг, особенно о земле, был не актуален: крестьяне не могли понять о какой земле идет речь, так как с момента заселения Сибири землю крестьянам давали в неограниченных размерах, кто сколько мог обработать. Плюс была предусмотрена и приличная денежная компенсация.

Лозунг «Вся власть – Советам» вызывал непонимание и недовольство у казаков. Вспомните произведения М. А. Шолохова.

В то же время преимущественно среди значительной части населения, основу которой составляли дворянство и средний

класс, зрело понимание, что большевики пришли к власти нелегитимно, а значит, с ними следует вести борьбу.

Политическая борьба была проиграна, оставалась только вооруженная.

Какие процессы происходили в армии в этот период?

«Кругом измена, трусость и обман», – записал Николай II в свой дневник сразу после отречения 2 (15) марта 1917 г. В решительный момент его предали те, кому он доверял. Многие из них участвовали в заговоре в целях его свержения.

2 (15) марта 1917 г. все командующие фронтами и флотами прислали императору в Псков телеграммы, в которых они умоляли Николая II «для блага армии и государства» отказаться от власти. Настаивали на этом и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, и командующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский, в штабе которого царь в этот роковой день оказался фактически под арестом.

Произошли свержение Временного правительства, а также разгон Учредительного собрания большевиками.

Положение в стране осенью 1917 г. стремительно ухудшалось, три кризиса потрясли Россию: экономический, социальный и политический. Временное правительство не справлялось со сложившейся ситуацией.

25 октября (7 ноября) 1917 г. большевистская газета «Рабочий путь» (под таким названием выходила тогда запрещенная газета «Правда») публикует статьи, в которых большевики констатируют неизбежность перемен и необходимость свержения Временного правительства.

Первое официальное объявление о Гражданской войне прозвучало во время заседания Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, проходившего с 25 по 26 октября (с 7 по 8 ноября) 1917 г. Обращаясь к делегатам, меньшевик Ю. О. Мартов провозгласил: «Гражданская война началась, товарищи! Первым нашим вопросом должно быть мирное разрешение кризиса. И принципиально и тактически мы обязаны спешно обсудить пути предупреждения гражданской войны. Там на улице стреляют в наших братьев!» [2].

Мартов обращает внимание на мирный путь развития государства и Л. Каменев также на Съезде говорит только о мирном существовании страны. Съездом принимается обращение «К рабочим, солдатам и крестьянам», в котором нет ни одной строчки, призывающей к Гражданской войне.

Совершенно противоположно большевикам действовало Временное правительство. В вечерней газете «Время» от 26 октября (8 ноября) 1917 г. в «Воззвании Временного правительства к армии» отмечалось: «Петрограду грозит опасность оказаться в руках разбушевавшейся стихии гражданской войны и анархии... Дайте решительный отпор изменникам и прекратите бесчинства в тылу» [56]. Временное правительство не будет мириться с «царством большевистских Бонапартов». Стало очевидным, что оно власть мирным путем не отдаст.

К причинам Гражданской войны в России следует отнести и особый характер в антирелигиозной и социально-экономической политике большевиков, которая заключалась в разжигании вражды между группами населения.

Любой шаг большевиков давал им как новую армию сторонников, так и противников. Это привело к организованному вооруженному сопротивлению большевикам.

Большевиками был разложен фронт, захвачена власть, развернут террор. Это не могло не заставить взяться за винтовку тех, кого они использовали, как разменную монету в революционном движении.

Обещанная В. И. Лениным «диктатура пролетариата» оказалась диктатурой Центрального комитета. Издания декретов «Об аресте вождей Гражданской войны» (ноябрь 1917 г.) и «О красном терроре» (сентябрь 1918 г.) позволили большевикам физически устранять оппозицию. Это вызвало ответную жесткую реакцию со стороны эсеров, меньшевиков и анархистов, заставило отвернуться от большевиков кулаков, казачество и буржуазию.

Причинами Гражданской войны являются: попытка буржуазии и дворянства отбить утраченное положение; вмешательство иностранных государств во внутренние дела России.

Противоборствующие советской власти силы формировались во многих регионах бывшей империи (см. табл. 1), их состав был различным.

Таблица 1

Силы и движения, выступившие против Советской власти

Название движения	Место возникновения	Состав и лидер движения
Союз возрождения России	Москва и Петроград	Кадеты, меньшевики и эсеры
Союз защиты Родины и свободы		Эсер-террорист Б. В. Савенков
Казаческое антибольшевистское движение	Дон, Кубань, Урал, Сибирь	Генерал П. Н. Краснов Атаманы А. И. Дутов, Г. М. Семенов
Добровольческая армия	Юг России	Генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов

Весной 1918 г. Германия оккупировала Украину, Крым и часть Северного Кавказа; Румыния – Бессарабию; Англия, Франция и США высадились в Мурманске, а Япония разместила свои войска на Дальнем Востоке. В мае 1918 г. произошло восстание Чехословацкого корпуса.

Советская власть была свергнута в Сибири. На юге Добровольческая армия, заложив фундамент Белой армии «Вооруженные силы Юга России», отправилась в знаменитый «Ледяной поход», освобождая донские степи от большевиков.

Интервенция стала катализатором Гражданской войны, а поддержка странами Антанты белогвардейских войск и правительства во многом обусловила длительность этой войны.

Еще одной из причин Гражданской войны в России стал отказ от сотрудничества эсеров, меньшевиков и анархистов с советской властью.

После разгона Учредительного собрания большевиками нашлись такие, кто не был согласен с этим и был готов бороться. Бежав из Петрограда на территории, неподконтрольные большевикам, в Самару, эсеры сформировали Комитет членов Учредительного соб-

рания. Они объявили себя единственной законной властью и поставили своей задачей свергнуть власть большевиков.

Гражданская война в России включала в себя борьбу социалистических, анархических, буржуазно-демократических, реакционно-монархических сил. Кроме того, в ее ходе обострились национальные и интернациональные политические идеи и течения.

Причины Гражданской войны в России заключаются не в попытках различных партий и группировок захватить (или вернуть) политическую власть, они значительно глубже и кроются в глубинных социально-политических, экономических и духовных процессах, приведших общество к той грани, за которой начался новый этап вооруженного насилия – красный и белый террор.

Поэт Александр Розенбаум так описал сущность красного и белого террора:

*Слева забор, справа забор,
И ничего кроме тьмы.
Красный террор, белый террор –
Пир во время чумы.
Ротмистр – враг. К стенке, моряк,
Ставь его, гада, скорей...*

Подписание Брестского мира с Германией в 1918 г. стало одной из причин, вспыхнувшей Гражданской войны в России. Подписание 3 марта 1918 г. Брестского договора вызвало критику советской власти и большевиков всеми оппозиционными течениями. Социалистическая и буржуазная пресса выступили единым фронтом, жестко критикуя условия мира. На страницах ряда оппозиционных газет появились и аналитические очерки, в которых авторы пытались оценить экономические последствия договора, в особенности его 11 статьи: «Германия сама будет снабжать нас готовыми изделиями и полуфабрикатами, выделанными из нашего же сырья». При этом отмечалось, что Россия отрезана от южных, богатых хлебом районов. Сибирь вряд ли даст зерно большевистской Москве.

Определенную роль в развертывании Гражданской войны сыграли потеря ценности человеческой жизни в период войны и разложение старой армии.

Сложно не согласиться с суждением подполковника Генерального штаба В. М. Пронина, участника корниловского мятежа, который писал: «Горе той стране, армия которой ввергнута в бушующую огненную стихию политической борьбы; она сожжет, испепелит душу армии, обратит ее в многоголового трусливого дракона с бесчисленными когтями, бегущего от врага, но жестоко презирающего свою родину, заливающего ее кровью и ужасом анархии, влекущей за собой гибель страны...» [34, с. 527].

Необходимо отметить, что Гражданская война – прямое следствие поражения России в Первой мировой войне и революции 1917 г.

Лишь на протяжении «года великого отступления», длившегося с августа по ноябрь 1915 г. армия потеряла 1,7 млн чел.

Согласно статистике Главного штаба, на 1 февраля 1917 г. потери русской армии убитыми, ранеными, пропавшими без вести, контуженными, отравленными газами, попавшими в плен, составили 6 млн солдат и свыше 63 тыс. офицеров. К концу войны общее число потерь (рядовых и офицеров) возросло до 8 млн. Таким образом, потери превысили половину мобилизованных мужчин, цвета населения России.

Одной из причин Гражданской войны является и установление диктаторского режима одной партии.

После Октябрьской революции Советское государство официально именовало себя «диктатурой пролетариата». Первая конституция Советской России, принятая в июле 1918 г. и названная «конституцией переходного момента», провозглашала своей основной задачей «установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии...» [61].

Захватив власть, большевики принялись разрушать имеющийся государственный аппарат и уничтожать экономическую основу буржуазного общества для подрыва господства, авторитета, влияния буржуазии. Были национализированы все банки, распущена армия, которая заменялась «вооружением трудящихся». Вся земля объявлялась «общенародным достоянием», все «леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные пред-

приятия» национализировались. Все «фабрики, заводы, рудники, железные дороги, прочие средства производства» переходили в собственность Советской Рабоче-крестьянской республики. Советская власть аннулировала все займы, заключенные старой властью https://dik.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/152811 - cite_note-C1918-18

Для лишения буржуазии и политических партий возможности агитации и «уничтожения зависимости печати от капитала» все типографии и передавались в руки рабочего класса, все независимые газеты закрывались. Все пригодные для проведения собраний помещения отбирались у их владельцев и передавались «в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты». Вводилась всеобщая трудовая повинность – «нетрудящийся да не ест».

Однако многие лидеры большевизма сомневались в «чистоте» созданной диктатуры пролетариата. Так, в одном из своих выступлений в 1921 г. В. И. Ленин отметил, что созданное в России государство является «рабочим государством с бюрократическим извращением».

Сторонники Льва Троцкого и левой оппозиции считали, что власть в Советской России захватила бюрократическая прослойка, которая отстранила от власти рабочий класс. Сторонники левой оппозиции, однако, продолжали считать, что молодая Советская республика остается рабочим государством, но бюрократически деформированным. По их мнению, вернуть себе власть пролетариат мог только через политическую революцию https://dik.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/152811 - cite_note-rev_betр-28

Основные даты и события вооруженного противостояния

Первый этап продлился с октября 1917 г. до весны 1918 г. В данный период вооруженные столкновения носили локальный характер. Против новой власти выступила Центральная Рада Украины. Турция в феврале захватила часть Закавказья. На Дону была создана Добровольческая армия.

Второй этап длился с весны по зиму 1918 г. Были сформированы антибольшевистские центры. Германия захватила Украину, Прибалтику и Крым. Армии стран Антанты вступили на территорию России. Вооруженная борьба приобрела общенациональные масштабы. Создается ряд эсеровских правительств: временное

сибирское правительство в Томске, Комитет членов Учредительного собрания в Самаре, а также Уральское областное правительство в Екатеринбурге. Была создана Уфимская директория, впоследствии распущенная адмиралом А. В. Колчаком, объявившим себя «верховным правителем России» в Омске.

Третий этап длился с января по декабрь 1919 г. Происходили масштабные операции на разных фронтах. К началу 1919 г. в государстве были сформированы три главных центра Белого движения: Урал, Сибирь – армия адмирала А. В. Колчака; Донская область, Северный Кавказ – войска Юга России генерала А. И. Деникина; Прибалтика – вооруженные силы генерала Н. Н. Юденича.

Третий период характеризуется наступлением армии Колчака на Казань и Москву, закончившимся контрнаступлением Красной армии. Вооруженные силы Колчака отступили за Урал, а к концу 1919 г. их полностью разгромили.

В мае 1919 г. генерал Н. Н. Юденич начинает первое наступление на Петроград, которое было отбито. В сентябре 1919 г. генерал Юденич повторно наступает на Петроград. В это же время наступление армии Деникина приводит к захвату части Украины, Донбасса, а также Царицына и Белгорода. Развивая его успехи, Деникин наступает на Москву, но продвинулся лишь до Орла.

В октябре 1919 г. начинается контрнаступление Красной армии под руководством А. И. Егорова и С. М. Буденного против армии Деникина, А. И. Корка против сил Юденича. В результате силы Юденича и Деникина были остановлены и отброшены.

Четвертый этап длился с января по ноябрь 1920 г. В этот период большевики полностью разгромили Белое движение в европейской части России. В этот период начинается советско-польская война. Результатом скоротечной войны стал Рижский мирный договор с Польшей (март 1921 г.). По его условиям к Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия.

В ноябре войсками М. В. Фрунзе начинается освобождение Крыма, которое становится завершающей операцией Гражданской войны в европейской части России.

Пятый этап длился с 1920 г. по 1922 г. В этот период было полностью уничтожено Белое движение на Дальнем Востоке.

В октябре 1922 г. Владивосток был освобожден от японских сил.

Причины победы красных в Гражданской войне:

1. Взвешенное идеологическое обеспечение военных компаний.
2. Широкая поддержка различных народных масс.
3. Ослабленные Первой мировой войной государства Антанты не смогли согласовать свои действия и провести удачное наступление на территории бывшей Российской империи.

4. Привлечение на сторону большевиков крестьянства, которому были обещаны помещичьи земли.

5. Большевикам, в отличие от белогвардейцев, удалось провести мобилизацию всех ресурсов посредством политики «военного коммунизма».

6. Мобилизация военных специалистов царской армии позволило укрепить Рабоче-крестьянскую Красную армию. За годы Гражданской войны было мобилизовано 48,5 тыс. офицеров и генералов, 10,3 тыс. военных чиновников, около 14 тыс. военных врачей [15, с. 214].

Итоги Гражданской войны

Страна фактически была разрушена, переживала глубокий экономический кризис, многие промышленные производства были неработоспособны, сельское хозяйство переживало спад.

Россия утратила часть своих территорий: Эстония, Польша, Белоруссия, Латвия, Литва, Бессарабия, Западная Украина и небольшая часть Армении.

Совокупные потери от голода, войны, эпидемий среди населения составили около 25 млн чел.

Установилась так называемая диктатура пролетариата, в основе управления страной лежали террор и репрессии.

Произошла ярко выраженная марксистско-ленинская политизация всей жизни страны.

Опыт Гражданской войны вместе с опытом Первой мировой войны на многие годы определили основные тенденции военного строительства в нашей стране [16, с. 245].

Уроки Гражданской войны

Первый урок. Любая историческая личность, участвующая в Гражданской войне в составе противоборствующих группировок,

не сможет действовать в рамках общечеловеческих ценностей, как бы к этому ни стремилась, какими бы добропорядочными качествами ни обладала, под какими бы лозунгами ни боролась. В Гражданской войне военная и политическая победа может быть достигнута какой-либо из противоборствующих сторон, но в исторической перспективе победителей и побежденных быть не может, так как в нравственном аспекте проигрывают все, и в будущем это негативно отразится на развитии государства.

Второй урок. Без поддержки общественных сил, умения выдвигать популярные для масс лозунги и претворять их на практике никакие феноменальные способности лидера не смогут обеспечить конечного успеха его деятельности. Важным феноменом здесь выступает идеология, которая должна соответствовать потребности текущего момента.

Третий урок. Абсолютизация силовых методов в достижении целей, неумение консолидировать различные политические силы в своем лагере, отсутствие четкой политической программы, бескомпромиссность, нетерпимость к политическим оппонентам – верный путь к поражению. Кроме того, не следует чрезмерно рассчитывать на зарубежную помощь. Во-первых, она всегда предполагает экономическую и политическую зависимость. Во-вторых, мало шансов, как учит история, что эта помощь будет искренней, без своекорыстных интересов помогающих, без предательства в самый критический момент.

Таким образом, опыт Гражданской войны в России – серьезное предупреждение современным экстремистам правого и левого толка, пытающимся, всемерно нагнетая обстановку, ввергнуть российское общество в жестокую внутреннюю конфронтацию, от которой совсем недалеко и до гражданской войны.

Опыт Гражданской войны в России – информация к размышлению сегодняшнему государственному руководству России относительно судьбы армии и, особенно, офицерского корпуса. Армия – объект государственной политики. Нельзя допустить, чтобы она стала субъектом политической деятельности (как это уже было в истории отечества в 1917, 1991 и 1993 г.).

Д. Н. Филипповых,
*главный научный сотрудник научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор*

Презентация фундаментального многотомного труда «Первая мировая война 1914–1918 гг.»

Позвольте представить вашему вниманию фундаментальный 6-томный труд «Первая мировая война 1914–1918 гг.» [55]. Мне доставляет особое удовлетворение говорить об этом именно сегодня. Ведь именно в эти дни сто лет назад завершились боевые действия на полях сражений Первой мировой войны. 29 сентября перемирие с Антантой заключила Болгария, 30 октября – Турция, 3 ноября – Австро-Венгрия и 11 ноября – Германия. Спустя полгода, 28 июня 1919 г. Германия была вынуждена подписать Версальский договор, составленный государствами-победителями на Парижской мирной конференции, официально завершивший Первую мировую войну.

Разработка фундаментального труда была осуществлена в 2014–2017 гг. в соответствии с решением министра обороны Российской Федерации генерала армии С. К. Шойгу. Реализацией проекта руководила Главная редакционная комиссия под его председательством. По существу, проект стал ответом на общественный запрос, существующий в российском социуме. В этой связи уместным будет привести слова Президента Российской Федерации В. В. Путина, сказанные им в обращении к читателям труда: «Уверен, что этот масштабный, востребованный временем проект, реализуемый при поддержке Министерства обороны и Министерства иностранных дел России, Академии наук и Российского исторического общества, внесет свою лепту в сохранение нашей исторической, национальной памяти».

В фундаментальном 6-томном труде главный акцент сделан на анализе широкого комплекса проблемных вопросов политического, экономического, социального, духовного и собственно военного характера, с учетом того, что может быть востребовано для развития современной России и ее Вооруженных сил.

Труд создавался с учетом требований принципа преемственности. Авторский коллектив, взяв лучшее из того, что ранее было создано предшественниками, предпринял попытку выйти на новое качество понимания проблематики Первой мировой войны.

В труде анализируется не только отечественная историография, но и рассматриваются взгляды современных историков Германии, Австрии, Италии, Турции, Болгарии, Румынии, США, Великобритании, Франции, Японии и ряда других стран. В текстах труда представлены документы и материалы ведущих отечественных и зарубежных архивов.

Помимо познавательных и аналитических задач, данный труд о Первой мировой войне имеет и еще одну важную цель – эффективно противодействовать фальсификациям и искажениям истории, которые получили особенно широкое распространение в связи с активизацией информационной войны, которую ведет сегодня Запад против Российского государства. И здесь лучшее оружие – правда и стремление к максимальной объективности оценок.

Степень научной важности и общественной значимости разработки нового труда по истории Первой мировой войны весьма велика.

Именно Первая мировая война открыла новый пласт нашей национальной истории, создала предпосылки революции, Гражданской войны, социальных экспериментов. Первая мировая война служит водоразделом между преимущественно эволюционным развитием государств и, с другой стороны, выбором революционного пути развития.

Обратимся непосредственно к структуре труда и особенно к тем его главам и разделам, которые раскрывают историческую взаимосвязь, существующую между событиями Первой мировой и Гражданской войн в России.

Первый том «Происхождение и основные события войны» [87]. Здесь излагаются основные проблемы истории Первой мировой войны с акцентом на более детальный анализ в последующих томах Труда. Тема ответственности за развязывание мировой войны подана комплексно и взвешено. Важное место в первом томе принадлежит рассмотрению таких проблем, как политическая борьба за выход России из войны и революции 1917 г. Здесь речь идет и о знаменитом тезисе В. И. Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую, сформулированном им в работе «Социализм и война» в июле – августе 1915 г., т. е. еще в период самодержавия и Первой мировой войны, и о событиях в России после февраля и октября 1917 г. Уже к весне – лету 1918 г. во всей стране большевистские Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов приняли на себя всю полноту власти. В марте 1918 г. В. И. Ленин в работе «Главная задача наших дней» имел все основания писать: «Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в Гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны». Так кому же при таком развитии событий была выгодна дальнейшая эскалация братоубийственной войны в России? И почему именно в этот период – с февраля по июль 1918 г. с разных сторон на территорию Советской России вступили более 1 млн иностранных солдат-интервентов? Ответ на эти и другие вопросы можно найти на страницах первого и последующих томов фундаментального труда.

Второй том «Начало и развертывание войны (1914–1915 гг.)» [87] представляет собой логический переход от общего взгляда на Первую мировую войну к конкретному исследованию хода и отдельных событий войны в 1914–1915 гг. на пространствах Европы и Азии. Том дает полное представление о том, как страны Европы, а затем и значительная часть остальных государств мирового сообщества погружались в пучину мировой войны, как формировались ее фронты и театры военных действий. Естественно, что именно Россия находится в центре внимания как данного тома, так и других томов. Сложный и противоречивый характер предво-

енных межгосударственных отношений показан через призму геополитических и экономических интересов ведущих держав мира. Кстати, именно эти интересы главных авторов Первой мировой войны будут поставлены ими во главу угла в период военной интервенции и Гражданской войны в России.

В третьем томе «Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918 гг.)» [87] рассмотрены вопросы организации и ведения вооруженной борьбы, вплоть до подписания Компьенского перемирия.

В этом томе читатель найдет немало любопытного фактического материала. Подробно раскрывается техническая и организационно-экономическая неготовность России к мировой войне. Эта неготовность страны к войне усиливается борьбой либеральной и радикальной левой оппозиции за государственную власть. Результат борьбы за власть – две революции 1917 г. России пришлось заплатить очень высокую цену. Важно и ценно то, что эти события сложного периода отечественной истории представлены без политико-идеологических пристрастий, которые полностью не утихли и через сто лет. Особый интерес в контексте темы сегодняшней конференции представляет глава «Выход России из войны», в которой подробно на обширном фактическом материале рассматриваются вопросы начала переговоров о заключении мира и демобилизации русской армии, Брестский мир, интервенция Центральных держав на окраинах Российской империи, а также начало интервенции государств Антанты и ее союзников в Россию.

Четвертый том «Война на море» [87] по-своему уникален. В нем проанализировано состояние военно-морских сил противоборствующих коалиций; дана характеристика морских стратегий Великобритании, Германии, Франции и России. Рассмотрены морские сражения и операции войны, действия морской авиации, организация морской блокады Германии и др.

Приведу лишь один небезынтересный факт: вчерашний союзник Российской империи по Антанте – Великобритания только за период с 1918 по 1920 гг. использовала для проведения морских операций против Советской России 238 кораблей и судов своего военно-морского флота!

Конкретный анализ роли флота в Первую мировую войну особо актуален в наше время, когда Россия вновь заявляет о себе, как об океанской державе и в связи с начавшимся интенсивным освоением арктического побережья Северного Ледовитого океана.

В пятом томе «Экономика и оружие войны» [87] рассматриваются основные тенденции развития мировой экономики в конце XIX – начале XX в., дается развернутая характеристика военно-экономического потенциала стран участниц войны, анализируется широкий круг проблем организации и функционирования военной экономики, показывается их влияние на ход и исход вооруженной борьбы. Особую актуальность сегодня приобретают такие разделы тома, как «Роль науки в освоении передовых технологий и развитие военного производства», «Экономическая блокада как способ ведения войны», «Основные экономические противоречия послевоенного мира». Ведь именно они явились одним из основных факторов, приведших человечество ко Второй мировой войне.

Заключительный шестой том «Итоги и последствия войны» [87]. В томе представлена масштабная картина социальных, политических, экономических и духовных изменений общества, порожденных мировой войной. В центре внимания авторов тома находятся такие важнейшие проблемы, как складывание системы послевоенных международных взаимоотношений, уроки войны в сфере международной безопасности, влияние войны на развитие политического и социального кризиса в России, взаимосвязь Первой мировой войны, Гражданской войны и интервенции в России, мировое революционное движение, легионеры Первой мировой войны.

Кстати, о легионерах. В секретной ноте № 25, утвержденной Верховным военным советом Антанты 2 мая 1918 г., подписанной Клемансо, Фошем, Петэнном, Ллойд Джорджем и другими тогдашними лидерами западного мира, о чехословацких легионерах, растянувшихся эшелонами от Волги до Владивостока, указывалось, что «...они могли бы... при необходимости содействовать акции союзников в Сибири».

И еще один весьма показательный факт. Американские исследователи Д. Дэвис и Ю. Трани уже в начале XXI в. в работе «Первая холодная война», основываясь на многочисленных архивных документах, показывают, что нападение чехословацких легионеров на советскую власть в качестве авангарда интервентов Антанты одобрил лично президент США Вудро Вильсон!

Позвольте также мне очень кратко остановиться на некоторых исторических выводах, которые следуют из содержания фундаментального труда.

Европейская гражданская война, каковой в значительной мере и стала Первая мировая война, в огромной степени понизила экономическую, политическую и военную значимость Европы. Выиграли более всего от этой мировой трагедии Соединенные Штаты Америки, ставшие в межвоенный период главным центром мирового экономического развития, что, впрочем, повторилось и в годы Второй мировой войны.

Геополитическая обстановка, складывающаяся вокруг Российской Федерации сегодня во многом созвучна периоду Гражданской войны. Если сравнить карты Российской империи, Советской России в кольце фронтов 1918–1919 гг., СССР и Российской Федерации, то невольно приходишь к мысли о том, что ситуация повторяется. Страны Балтии входят в НАТО, немецкие, английские, американские самолеты и корабли базируются непосредственно у наших западных и северо-западных границ. Продвигается НАТО на восток в Причерноморье, прощупывает Среднюю Азию. Руководство Польши, занимая крайне антироссийскую позицию, принимает у себя американских ракетчиков, как без малого сто лет назад принимало американских летчиков, бомбивших красноармейские позиции в ходе наступления на Киев в апреле 1920 г. Имеется печальный опыт из новейшей истории Югославии, которую в отличие от Советской России западным державам в несколько приемов удалось расчленить полностью. Почти десятилетнее пребывание западных интервентов XXI в. в Афганистане и Ираке также говорит о том, что они «присутствуют» там не только для борьбы с террористами...

Фундаментальный многотомный труд «Первая мировая война 1914–1918 гг.» адресован как широкой научной общественности, так и всем возрастным группам и социальным слоям населения и прежде всего молодому поколению. Он может и должен использоваться в качестве научно-информационной базы для формирования и укрепления исторического сознания граждан России, в патриотической работе.

В причинах, содержании и последствиях Первой мировой войны кроются ответы на многие проблемные вопросы истории XX и XXI в. Их знание и понимание позволяют нам более эффективно противодействовать современным угрозам и вызовам.

Г. И. Письменский,
*профессор кафедры военного искусства ВУНЦ СВ,
Общевойсковая академия Вооруженных сил
Российской Федерации»,
доктор исторических наук, профессор*

Создание Красной армии: опыт и уроки

К одной из важнейших задач Советской Республики после Октябрьской революции 1917 г. относилось строительство Вооруженных сил. Необходимость решения этой задачи определялась потребностями ее вооруженной защиты от вторжения армий иностранных государств и разгрома контрреволюции внутри страны.

Считалось, что строительство Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и Рабоче-крестьянского Красного флота будет осуществляться на добровольных основах, без мобилизации, с выборностью командиров и т. д.

До создания РККА, при подготовке к Октябрьскому вооруженному восстанию и в ходе борьбы с Временным правительством была создана Красная гвардия. Она была малочисленной (вместе с отрядами революционных солдат и матросов около 200 тыс. чел. [18, т. 7, с. 541], из них около 60–70 тыс. чел. красногвардейцы, революционные солдаты и матросы), недостаточно обученной в военном отношении, не имевшей единой организации, формы одежды и вооружения.

Отряды Красной гвардии не имели единой структуры, общероссийского командования, единой формы одежды, создавались и расформировывались решениями партийных и советских органов на местах. На вооружении они имели винтовки, карабины, пистолеты, револьверы, станковые и ручные пулеметы. Отличительными знаками красногвардейцев были красная нарукавная повязка с надписью «Красная гвардия», красная лента на головном уборе, а в отдельных отрядах – нагрудный красногвардейский знак – красный бант. Начавшаяся Гражданская война и угроза иностранной военной интервенции предопределили необходимость строитель-

ства мощной регулярной армии, способной к длительной и упорной борьбе с любым противником.

Строительство Вооруженных сил Республики осуществлялось в обстановке невероятной усталости народных масс от войны, хозяйственной разрухи, слома старой армии, участвующей в Первой мировой войне, Гражданской войны и военной интервенции, мощной оппозиции (левые эсеры), выступавшей за сохранение старой армии в качестве вооруженной силы пролетарского государства, которая по мнению лидеров революции представляла собой «больной организм» [52, т. 3, с. 123].

Ликвидация старой многомиллионной армии заключалась в сломе старого военного аппарата в условиях острой классовой борьбы, контрреволюционных выступлений и их подавления, быстрой и полной ее демократизации (отмена смертной казни на фронте, восстановление свободы агитации, освобождение из под ареста революционных солдат и офицеров), ликвидации власти «реакционного генералитета и офицерства», разрушении всех недемократических учреждений, постепенной демобилизации и роспуске на основе интенсивной политической работы в войсках и их большевизации.

Одной из важнейших перечисленных задач была демобилизация старой армии. Пути ее решения обсуждались и определялись на армейских и фронтовых съездах по демобилизации. 16 (28) декабря 1917 г. состоялся Общеармейский съезд по демобилизации, определивший порядок ее проведения с учетом продолжавшейся Первой мировой войны (невозможно было «оголеть» фронт, так как произошло бы падение советской власти). Одновременно с демобилизацией необходимо было сохранить оружие, имущество, боевую и иную технику. Для руководства демобилизацией был создан специальный комитет под руководством М. С. Кедрова. 25 октября (7 ноября) 1917 г. создается Совет народных комиссаров (СНК) – правительство Советской России (председатель СНК – В. И. Ленин).

26 октября (8 ноября) 1917 г. на II Всероссийском съезде советов принимается обращение «К фронту» на основе которого в армиях создаются революционные комитеты, им подчиняются

командующие, назначаются комиссары советской власти. В соответствии с постановлением съезда был создан высший военный орган – Комитет по военным и морским делам в составе В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко, на который возлагались задачи объединить руководство всех военных и морских ведомств старой армии, поставить во главе военного и морского министерств, всех главных управлений и иных военных управлений революционные коллегии и организовать их работу, овладеть через них всеми связями управления, лишиться власти контрреволюцию, генералитет, взять на себя централизованное управление и Верховное командование действующей армией. В результате проведенной работы к ноябрю 1917 г. армия была уже наполовину большевистской [52, т. 3, с. 266].

Для легитимизации действий большевиков в армии 16(29) декабря 1917 г. СНК принял декреты «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». Отменялись все награды, титулы и воинские звания. Вполне очевидно, что такая армия не могла обеспечить решение всех задач, которые в то время возлагались на вооруженные силы.

В декабре 1917 г. Комитет по военным и морским делам преобразуется в Коллегию народных комиссаров по военным и морским делам. При ней формируется Народный комиссариат по военным делам (председатель – Л. Д. Троцкий). На заседании коллегии 26 декабря 1917 г. было принято решение создать за полтора месяца новую армию численностью 300 тыс. чел., разработать в кратчайшие сроки принципы ее организации и строительства.

15(28) января 1918 г. СНК принял декрет о создании РККА, а 29 января (11 февраля) – об организации Рабоче-крестьянского Красного флота на добровольческой основе.

РККА представляли собой составную часть вооруженных сил Республики и включали в свой состав Сухопутные войска и Военно-воздушные силы (Красный воздушный флот – авиационные и воздухоплавательные формирования – авиационные отряды в армиях и фронтах). Основным родом войск являлась пехота. В структуре РККА имелись конница, артиллерия, броневые силы, инженерные войска, войска связи, железнодорожные и др.

Строительство РККА осуществлялось в два этапа.

Первый этап – с января по май 1918 г. – строительство на добровольных началах. К основным недостаткам строительства РККА на этом этапе относились: наличие слабых центральных органов военного управления, отсутствие местных органов военного управления и единой организации войск; выборность командного состава; низкий уровень воинской дисциплины.

Непосредственное руководство формированием Красной армии осуществлялось Всероссийской коллегией по организации и формированию РККА, созданной 15(28) января 1918 г. при Народном комиссариате по военным делам (фактические руководители – член коллегии Наркомвоена В. А. Трифонов, Верховный главнокомандующий – Н. В. Крыленко, зав. Агитационно-организационным отделом – Л. М. Каганович и др.). Военная организация при Центральном комитете партии большевиков приняла решение о выделении для создания армии агитаторов, организаторов и инструкторов. В это время основной единицей РККА являлся отдельный отряд – воинская часть с самостоятельным хозяйством. Во главе отряда находился Совет в составе военного руководителя и двух военных комиссаров. При нем состояли небольшой штаб и инспекторат. В соответствии с приказом по Петроградскому военному округу от 19 января (1 февраля) 1918 г. началось формирование 1-го корпуса Красной армии. За первые две недели в него записались около 15 тыс. человек. В мае 1918 г. корпус был расформирован, а его личный состав направлен на формирование четырех дивизий в Петроградском военном округе. К концу февраля 1918 г. в Москве записались 20 тыс. добровольцев. Некоторые части и соединения старой армии (5-й Заамурский полк, 12-й Финляндский стрелковый полк), 45-я дивизия, латышские стрелковые полки и др. вошли в состав Красной армии.

Новые вооруженные силы остро нуждались в командных и инженерных кадрах. Поэтому было принято решение о возобновлении работы части военно-учебных заведений старой армии, прежде всего, технического профиля, а также об открытии новых военно-учебных заведений и курсов. Одновременно велась работа по привлечению в Красную армию генералов, офицеров и воен-

ных чиновников старой армии. Для контроля за их деятельностью был сформирован Институт военных комиссаров, которым руководило Всероссийское бюро военных комиссаров, учрежденное в апреле 1918 года. 22 апреля 1918 г. ВЦИК утвердил текст торжественного клятвенного обещания (присяги). Одним из важнейших аспектов военного строительства было политическое просвещение и политическое воспитание. Весь комплекс этих мероприятий представлял собой реализацию партийных установок в войсках, за исключением школ, на которые возлагалась ликвидация неграмотности.

Интенсивное строительство РККА началось с февраля 1918 г., когда было нарушено перемирие и началось германское вторжение. 22 февраля в Петрограде был создан Комитет революционной обороны, началась массовая мобилизация в Петрограде, Москве и отправка сформированных частей на фронт. На 1 апреля 1918 г. численность Красной армии составляла 155 тыс. человек, а на 20 апреля – 200 тыс. [30, с. 297].

Принимались необходимые меры по сохранению и производству вооружения на национализированных предприятиях. Для руководства этой работой был создан центральный орган – «Центроборона», на ряде заводов стали производить автомобили, самолеты и аэростаты.

После заключения Брестского мира 4 мая 1918 г. был упразднен Комитет революционной обороны в Петрограде и образован Высший военный совет (военный руководитель М. Д. Бонч-Бруевич), подчиненный Совнаркому. Формирование, обустройство и обучение войск возлагалось на Всероссийский главный штаб, созданный 8 мая. Одним из первых мероприятий Высшего военного совета было формирование «отрядов завес» вдоль демаркационной линии, отделявшей Советскую республику от оккупированных австро-германскими войсками районов. Во главе завес стояли военные советы, в состав которых входили два комиссара и один военный руководитель – офицер или генерал старой армии с аппаратом управления. Данный опыт работы военных советов позднее был использован при создании революционных военных советов фронтов, армий, округов, флотов и флотилий.

Первые военные формирования Красной армии, как уже отмечалось, не имели единых штатов. В ряде мест основной тактической единицей признавался отряд, состоявший из нескольких сотен, которые делились на десятки, в других местах – батальон или полк. В апреле 1918 г. советским правительством были установлены единые штаты и единая организация частей. К лету 1918 г. в РККА, включая сохранившиеся отряды Красной гвардии, партизанские и продовольственные отряды насчитывалось всего около 450 тыс. человек [52, т. 3, с. 219]. Такая армия, сформированная на добровольческом принципе, была не в состоянии решать все возлагаемые на нее задачи. Поэтому 8 апреля 1918 г. был подписан декрет об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатов, на которые возлагался учет всех военнообязанных, их призыв и обучение, формирование советских войск и обеспечение их всем необходимым.

Кроме этого 22 апреля 1918 г. ВЦИК принял декрет о всеобщем военном обучении трудящихся (Всевобуч), а также декрет «О порядке замещения должностей в РККА», отменявшим выборность командиров. Одновременно велась работа по переходу на новую систему комплектования – на основе всеобщей мобилизации. Декретом СНК от 4 мая 1918 г. территория Советской Республики была разделена на 11 военных округов (Ярославский, Московский, Орловский, Уральский, Беломорский и др.). Войсками, расположенными на территориях округов, руководили военные советы округов, председателями которых являлись командующие войсками округов. Руководство войсками, военными комиссариатами военных округов осуществлялось через штаб, политическое управление округа, начальников родов войск и служб. Количество военных округов с учетом складывающейся обстановки менялось.

Декретом ВЦИК от 29 мая 1918 г. было принято постановление о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в Рабоче-крестьянскую Красную армию. Предписывалось начать мобилизацию с главных промышленных центров и наиболее угрожаемых районов (Приволжский, Уральский, Западно-Сибирский, Петроград и его пригороды и др. места). С этого

времени начался второй этап строительства РККА, который продолжался до середины 1919 г., когда в соответствии с решениями VIII съезда партии в основном завершилось строительство кадровой регулярной армии, способной защищать социалистическое отечество.

Сущность второго этапа заключалась: в строительстве мощной кадровой армии на основе всеобщей воинской обязанности, с опорой на систему территориально распределенных военных комиссариатов и интенсивную агитационно-пропагандистскую работу политических органов различного уровня; в формировании мобилизационного резерва; всеобщем военном обучении населения и в оперативной подготовке командных и военно-технических кадров.

В ходе этого этапа к лету 1918 г. старая армия была в основном демобилизована. В июле 1918 г. состоялся V Всероссийский съезд советов, который одобрил принципы строительства РККА на основе всеобщей воинской обязанности (в случае необходимости все граждане от 18 до 40 лет были обязаны встать на защиту Республики), введение института военных комиссаров в армии и на флоте. С лета 1918 г. стали формироваться политические отделы в армии и на флоте. К концу года они были уже во всех фронтах, армиях и дивизиях.

Основу вооружения РККА составляло оружие старой армии. Форма одежды красноармейцев состояла в основном из униформы старой армии. Кроме этого, пошивочные фабрики шили шинели и полушубки, кожаную обувь. Из обуви на оснащение войск поступали валенки, некоторые красноармейцы из-за недостатка обуви ходили в лаптях. Вводились и знаки отличия – красная звезда, нарукавные знаки и др.

Осенью 1918 г. комитеты бедноты стали помогать мобилизационным органам Красной армии и создавать образцовые полки деревенской бедноты, которые с рабочими полками составляли ее наиболее боеспособные части. К октябрю 1918 г. численность Красной армии составляла около 800 тыс. человек, а к концу осени 1918 г. более 980 тыс. [18, т. 7, с. 541].

Декретом СНК от 19 августа 1918 г. в ведение Наркомата по военным делам были переданы воинские формирования и органи-

зации других ведомств (войска ВЧК, продовольственная армия, войска охраны путей сообщения, пограничная охрана и др.).

В связи со складывающейся внешней и внутренней политической обстановкой 2 сентября ВЦИК объявил Советскую Республику военным лагерем и учредил Революционный военный совет Республики (РВСР), а 30 сентября утвердил положение о нем как о высшем коллективном органе управления Красной армией. Высший военный совет, созданный в марте 1918 г., упразднился. Была введена должность главнокомандующего всеми вооруженными силами (эту должность занимал И. И. Вацетис, затем С. С. Каменев), подотчетного РВСР и как следствие все его приказы должны были визироваться членами этого совета. Положения о РВСР и главнокомандующем определили основополагающий принцип управления войсками – управление осуществляет только коллегиальный орган – РВСР (во фронтах и армиях создавались также Реввоенсоветы). В октябре была поставлена задача довести численность армии до трех миллионов.

Для непосредственного руководства боевыми действиями был создан полевой штаб РВСР. Всероссийский главный штаб выполнял все распоряжения РВСР, касающиеся обороны страны, укомплектования, дислокации и боевой подготовки войск, устройства быта военнослужащих.

Летом и осенью 1918 г. начался процесс формирования армейских и фронтовых объединений во главе с революционными военными советами (РВС), был создан новый род войск – броневые силы РККА. В 1919 г. насчитывалось семь фронтов и в каждом из них от двух до пяти армий.

В ноябре 1918 г. был разработан план формирования войсковых частей и соединений Красной армии. Предусматривалось сформировать 47 стрелковых, 4 кавалерийских дивизии, одну кавалерийскую бригаду. Приказом РВС 13 ноября 1918 г. были установлены штаты стрелковых дивизий (в дивизии три стрелковых бригады в каждой по три полка, девять артиллерийских дивизионов, инженерный батальон, батальон связи, отряд бронемашин, авиационный дивизион, воздухоотряд, три отдельных кавалерийских дивизиона). В декабре 1918 г. был установлен штат кавале-

рийской дивизии. Позднее были сформированы две конные армии. Введение единых штатов способствовало развертыванию массовой регулярной армии. В этом же месяце было утверждено положение о политотделах фронтов и армий.

Совет рабоче-крестьянской обороны (Совет обороны – чрезвычайный высший орган Советской России – главный военно-хозяйственный центр, обладавший всей полнотой власти по мобилизации сил и средств на военные нужды Республики) 18 декабря 1918 г. утвердил план формирования вооруженных сил Республики. Всего по мобилизации с сентября 1918 г. по март 1919 г. было призвано 1487 тыс. рядовых и бывших унтер-офицеров, более 35 тыс. бывших офицеров и военных чиновников, 21 тыс. медицинских и ветеринарных работников. К марту 1919 г. численность Красной армии составляла около 1500 тыс. человек [52, т. 3, с. 321].

Важным направлением строительства вооруженных сил была подготовка пополнения и формирование резервов. К концу 1918 г. в системе всеобщего военного обучения проходили подготовку более 675 тыс. человек. С октября 1918 г. началось формирование запасных батальонов. В марте 1919 г. в них числилось около 129 тыс. человек.

Продолжалось совершенствование системы подготовки командных кадров. В декабре 1918 г. были открыты Советские пехотные командные курсы в Вятке и Владимире, состоялись выпуски из бывшего Алексеевского училища в Орле – около 850 человек. Началась подготовка артиллерийских кадров в Москве. На 1 октября 1918 г. на командных курсах обучалось 3 239 человек, а в январе 1919 г. – 13 тыс. Для подготовки высшего командного состава в декабре 1919 г. возобновила деятельность Академия Генерального штаба РККА, продолжали готовить кадры Артиллерийская, Инженерная, Медицинская, Военно-хозяйственная академии, многочисленные военные курсы и школы.

Повышению боеспособности армии и укреплению в ней дисциплины способствовало принятие уставов. В ноябре 1918 г. были утверждены устав внутренней службы и устав гарнизонной и караульной служб, в декабре – Полевой устав (ч. 1 Маневренная война), в январе 1919 г. – Дисциплинарный устав.

Больше внимания стало уделяться и военной форме одежды. В ноябре 1918 г. была утверждена единая форма одежды для всех военнослужащих – на головном уборе (шлеме), кителе или гимнастерке – пятиконечная красная звезда с изображением на ней перекрещивающихся молота и плуга. В январе 1919 г. были установлены знаки различия родов войск – петлицы различного цвета и знаки различия командного состава.

Важная роль в укреплении Красной армии и подъеме ее боевого духа отводилась награждениям воинских частей революционными знаменами, а командиров и красноармейцев – орденами Красного Знамени. Первый революционный знак боевого отличия – Орден Красного Знамени был утвержден 16 сентября 1918 г. декретом ВЦИК.

Продолжали совершенствоваться и политические органы. 18 апреля 1919 г. Всероссийское бюро военных комиссаров было заменено Политотделом РВСР, а 15 мая на его основе было сформировано Политуправление РВСР с соответствующими задачами. Для подготовки высших военно-политических кадров в 1920 г. был открыт Красноармейский университет.

Особо следует отметить наличие в Красной армии интернациональных формирований, состоявших из бывших военнопленных и иностранных граждан. Наиболее крупными из них были Западная пехотная дивизия, сформированная в Москве в сентябре 1918 г. из польских добровольцев, стрелковые и кавалерийские бригады, в составе соединений действовали около 30 моно- и многонациональных полков. Общее число интернациональных формирований с 1917 по 1922 г. составляло 370, а военнослужащих в них – 250 тыс.

Вследствие того, что РККА по численности была значительно меньше, то особых проблем с ее вооружением не возникало. В годы Первой мировой войны в Россию было поставлено значительное количество иностранных пулеметов, в основном британских систем Виккерса и Льюиса. С 1914 по 1917 г. общее количество закупленных Россией пулеметов превысило число произведенных в самой стране (32 тыс. против 28 тыс.). Большая часть патронов и

артиллерийских снарядов для русской армии в Первую мировую войну также поступила из-за границы.

К концу 1920 г. в РККА насчитывалось 5,5 млн человек. Из-за недостатка вооружения, обмундирования и снаряжения боевой состав армии не превышал 700 тысяч человек, было сформировано 33 армии, 174 дивизий (из них 35 кавалерийских), 61 авиаотряд (300–400 самолетов), артиллерийские и броневые части (подразделения). За годы войны 6 военных академий и более 150 курсов подготовили из рабочих и крестьян 60 тысяч командиров всех специальностей. В инженерных войсках числилось 117 тыс. чел., в войсках связи – 120 тыс., в железнодорожных – 47,7 тыс. [30, с. 301].

Таким образом, строительство РККА осуществлялось в два этапа. Первый этап – строительство на добровольческом принципе комплектования – январь – май 1918 г. Второй этап – строительство на основе воинской обязанности (по призыву) – июнь 1918 г. и до середины 1919 г. Строительство РККА на добровольческом принципе, с одной стороны, было вынужденной мерой, с другой – необходимостью избавиться от старой армии, заменив ее всеобщим вооружением народа. Однако жестокие жизненные реалии вынудили советское правительство создать мощную регулярную армию на основе всеобщей воинской обязанности.

При создании регулярной армии и поддержании ее в постоянной боевой готовности важная роль отводилась военным комиссариатам, которых к концу войны было: губернских – 88, уездных – 617; непрерывной подготовке командных и военно-технических кадров; систематической агитационно-пропагандистской работе; подготовке и постоянному пополнению резервов; привлечению на службу военных специалистов, а также своевременному производству боевой техники и оружия, оснащению ими войск, систематическому приведению их организации в соответствии с потребностями вооруженной защиты Отечества.

Обобщение опыта строительства РККА позволяет извлечь из него следующие уроки.

Первый урок – строительство вооруженных сил должно вестись с учетом внешних и внутренних факторов-условий на

принципах, соответствующих реальным условиям обстановки, с переходом в итоге на принцип всеобщей воинской обязанности, при жестком централизованном государственном и военном управлении.

Второй урок – строительство вооруженных сил должно вестись с опорой на мобилизационную систему – территориально распределенную систему военных комиссариатов.

Третий урок – строительство вооруженных сил должно вестись с проведением мощной агитационно-пропагандистской и воспитательной работы, политорганами различного уровня и командирами всех степеней.

Четвертый урок – в условиях мирного и военного времени должно быть всеобщее военное обучение.

Опыт строительства РККА необходимо углубленно изучать и учитывать при реорганизации и определении направлений строительства современных вооруженных сил.

П. С. Казарин,
*научный сотрудник Научно-исследовательского института
(военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооруженных сил Российской Федерации,
кандидат военных наук*

Организация и осуществление стратегического руководства вооруженной борьбой в годы Гражданской войны в России

Сложность темы и регламент конференции не позволяют в одном выступлении в полной мере осветить на все вопросы заявленной темы.

Поэтому остановимся только на наиболее характерных чертах организации и осуществления стратегического руководства вооруженной борьбой в годы Гражданской войны в России.

В Советской России все наиболее актуальные проблемы в стране, в том числе и военные, рассматривались и решались под непосредственным руководством Центрального комитета РКП(б) и его Политбюро.

Вопросы, связанные с подготовкой и проведением операций по разгрому армий Белого движения и войск интервентов, постоянно рассматривались на заседаниях Политбюро и на пленумах Центрального комитета партии. Деятельность органов стратегического руководства военными действиями Красной армии жестко контролировалась через ВЦИК, Совнарком, Совет рабочей и крестьянской обороны, а также через членов партии большевиков в армии и на флоте. В состав органов стратегического руководства на постоянной основе входили члены ЦК в качестве уполномоченных Центрального Комитета.

Большую работу по мобилизации всех сил и средств страны в интересах обороны проводил Совет обороны, созданный постановлением Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 30 ноября 1918 г. Возглавлял Совет обороны В. И. Ленин. Решения Совета обороны были «безусловно, обязательными для

всех центральных и местных ведомств и учреждений, для всех граждан».

Непосредственное руководство вооруженной борьбой в Советской России осуществляли специально созданные органы военного управления, в развитии которых можно выделить три этапа. Первый – конец октября 1917 г. – начало марта 1918 г., второй – начало марта – начало сентября 1918 г. и третий этап – начало сентября 1918 г. – конец 1922 г.

Первый этап характерен тем, что была сделана ставка на децентрализацию руководства вооруженной борьбой и создание коллегиальных органов военного управления. Так, Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской Республики 14 ноября 1917 г. назначается генерал-лейтенант Н. Н. Духонин. При нем создается Ставка. 8 ноября образуется Комитет (в последующем Совет) по военным и морским делам из трех человек, в который вошли В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко.

Буквально через неделю, 22 ноября 1917 г. генерал Духонин за отказ предложить перемирие всем воюющим странам был уволен. Его сменил Н. Крыленко. Народным комиссаром по военным делам назначается Н. И. Подвойский, народным комиссаром по морским делам – П. Дыбенко. Народным комиссаром по борьбе с контрреволюцией на Юге России – Антонов-Овсеенко. Непосредственное руководство и управление армией сосредоточивается в Комиссариате по военным делам в созданной при нем особой Всероссийской коллегии. В целом система стратегического руководства сложилась к февралю 1918 г. Ее характерной чертой было наличие различных органов военного управления, которые не были тесно связаны между собой и часто дублировали друг друга.

Кроме того, на должности стратегического звена управления были назначены люди, не обладавшие достаточными знаниями и умениями в военно-стратегической области. Антонов-Овсеенко был бывшим подпоручиком, Крыленко – прапорщиком, Дыбенко – матросом. Это сказалось на эффективности руководства вооруженной борьбой уже в конце 1917 – начале 1918 г.

Поэтому на втором этапе, начавшемся в марте 1918 г., была проведена существенная перестройка системы стратегического руководства.

Так, 3 марта 1918 г. Совет народных комиссаров Республики учредил новый коллегиальный орган военного управления – Высший военный совет. Он был поставлен, как отмечалось, «во главе дела обороны страны» и руководил «всеми военными операциями» с подчинением ему «всех без исключения военных учреждений и лиц».

Должность Верховного главнокомандующего была упразднена, а народным комиссаром по военным делам назначен Л. Д. Троцкий, который возглавил Высший военный совет, а в последующем одновременно и Наркомат по морским делам.

Структура органов стратегического руководства также претерпела изменения. В ее составе были созданы Всероссийский главный штаб, Наркомат по военным делам, штаб Высшего военного совета.

Штаб Высшего военного совета возглавил бывший генерал-майор Н. И. Раттэль. Он решал вопросы, связанные с мобилизацией, формированием, обучением войск, разработкой штатов, уставов, инструкций и положений.

Наркомат по военным делам через свой оперативный отдел организовывал борьбу против сил Белого движения.

Высший военный совет решал в основном задачи, связанные с организацией борьбы против войск так называемого Четверного союза (Германии и ее союзников – Австро-Венгрия, Турция и Болгария).

Однако к концу августа 1918 г. стало очевидным, что созданная система не обеспечивала единое руководство вооруженной борьбой. Высший военный совет и оперативный отдел Наркомата по военным делам во многом дублировали друг друга. Начался третий этап совершенствования системы стратегического руководства. По предложению председателя Высшей аттестационной комиссии А. И. Егорова 2 сентября 1918 г. ЦИК принимает постановление о превращении Советской Республики в военный лагерь и образовании нового коллективного органа военного управле-

ния – Революционного военного совета Республики (РВСР), как особо подчеркивалось, «с одним главнокомандующим».

В Положении о РВС было записано, что он является органом высшей военной власти в стране. В его распоряжение предоставлялись «все силы и средства народа для нужд обороны границ Республики». Председателем РВС был назначен нарком по военным и морским делам Л. Троцкий.

В соответствии с Положением о главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики от 5 декабря 1918 г. он был признан «боевым начальником всех сухопутных и морских вооруженных сил Республики, входящих в состав действующей армии». При этом главнокомандующий пользовался полной самостоятельностью во всех вопросах оперативно-стратегического характера.

Однако приказы и директивы Главкома без подписи хотя бы одного из членов Революционного военного совета считались недействительными.

Главнокомандующий получал директивы непосредственно от Политбюро ЦК РКП(б), председателя Совнаркома и Совета обороны В. И. Ленина или через председателя Реввоенсовета Республики. В результате этих решений оперативность в работе Главного командования Красной армии несколько повысилась.

Оперативным рабочим органом Реввоенсовета Республики и Главкома являлся штаб Реввоенсовета, переименованный 2 октября в Полевой штаб.

Еще одним важным достижением на пути совершенствования стратегического руководства стало образование 11 сентября 1918 г. оперативно-стратегических объединений Северного, Восточного, Южного фронтов.

В последующем в эту систему вносились изменения и дополнения, которые, однако, не затрагивали ее принципиальных основ. Так, 24 апреля 1920 г., с учетом удаленности театра военных действий в Сибири, была введена должность помощника главкома по Сибири.

В ходе Гражданской войны органы стратегического руководства вооруженной борьбой Советской России в целом успешно решали возникающие проблемы, в том числе связанные со стратегическим развертыванием Вооруженных сил.

Характерной чертой стратегического развертывания в то время являлось то, что оно осуществлялось не по заранее разработанному плану, а проводилось распорядительным порядком на театрах военных действий. Только после более или менее четкого географического размежевания сторон оно приобрело относительно планомерный характер.

Однако и в дальнейшем каких-либо ярко выраженных граней между составными элементами развертывания – отобилизованием, перегруппировкой войск (сил) на театры военных действий и оперативным развертыванием – не проявилось. Все эти задачи решались параллельно, зачастую одновременно. Они проводились и в центре страны, и на периферийных территориях, и в угрожаемых районах, и в зонах военных действий.

В годы Гражданской войны был приобретен значительный опыт *стратегического планирования операций*.

В начале войны оно не всегда было возможным, так как органы стратегического руководства находились еще в начальной стадии формирования. Не было подготовленных кадров, отсутствовал опыт планирования военных действий в крупных масштабах.

В последующем детальным планированием стратегических операций и организацией их всестороннего обеспечения занимался Полевой штаб Реввоенсовета. Он разрабатывал планы, директивы и распоряжения фронтам, отдельным армиям, центральным и главным управлениям.

Планировались и проводились мероприятия по созданию стратегических группировок и их всестороннему обеспечению, организации и проведению межтеатровых и межфронтных перегруппировок, подготовке стратегических резервов, организации стратегического взаимодействия и решению других задач.

При подготовке и проведении межтеатровых и межфронтных стратегических перегруппировок характерным являлось то, что в первую очередь на угрожаемые направления перебрасывались стратегические резервы из военных округов и запасной армии Республики. Затем при необходимости осуществлялись перегруппировки войск, снимаемых с второстепенных участков других фронтов.

Так, летом 1920 г. с Кавказского фронта своим ходом на Юго-Западный фронт была перегруппирована 1-я конная армия.

Всего за годы войны 70% всех дивизий Красной армии были переброшены с одного фронта на другой. 52% дивизий выполняли задачи на двух, а 18% – на трех – четырех и даже на пяти фронтах. Некоторые дивизии перегруппировывались с одного фронта на другой по пять – семь раз и более.

При создании, накоплении и использовании стратегических резервов характерным для Советской России было то, что применялись два способа: вневойсковой (обязательное военное обучение рабочих и крестьян – Всевобуч) и войсковой.

При использовании вневойскового способа (Всевобуча) за два года с сентября 1918 по сентябрь 1920 гг. были обучены свыше 3,5 млн человек. Были сформированы и переданы Красной армии: одна стрелковая дивизия, одна бригада, шесть стрелковых, один конный и девять пехотных полков, 27 рот и 24 команды лыжников-разведчиков.

Однако этих формирований оказалось недостаточно для усиления фронтов. Поэтому основным источником накопления резервов стал войсковой способ – путем создания запасных и резервных формирований Главного командования. Создавались запасные части в военных округах, фронтовые и армейские запасные формирования. Проводилась местная мобилизация.

Стратегические резервы применялись как для создания ударных группировок, так и для решения важных задач в ходе стратегического наступления или обороны. Основная их масса использовалась, как правило, на главных направлениях в целях наращивания усилий войск.

Основным содержанием стратегического взаимодействия являлось согласование усилий видов вооруженных сил и родов войск, а также тех фронтов и армий, которые проводили операции на различных театрах военных действий или на стратегических направлениях одного театра.

В зависимости от конкретных условий вооруженной борьбы организация стратегического взаимодействия осуществлялась путем: согласования действий двух и более фронтов и родов войск,

действовавших на одном театре или стратегическом направлении и решавших единую задачу; согласования действий Красной армии с партизанско-повстанческими формированиями.

Например, при разгроме войск адмирала Колчака было организовано взаимодействие между Северной и Южной группами войск Восточного фронта, а при борьбе с вооруженными силами Юга России – между Юго-Западным и Кавказским фронтами.

В оборонительных операциях при организации взаимодействия особое внимание обращалось на согласование усилий войск, наносивших контрудары или оборонявшихся на смежных направлениях. В большинстве случаев в ходе стратегических операций удавалось поддерживать устойчивое взаимодействие. Но были и примеры, когда оно нарушалось. Это наглядно проявилось в действиях Западного и Юго-Западного фронтов в 1920 г., которые наступали на двух расходящихся направлениях – львовском и варшавском.

В годы Гражданской войны свое развитие получила и система органов руководства вооруженной борьбой противников Советской России.

В лагере Антанты была создана многоуровневая система стратегического руководства, не закреплённая какими-либо нормативными правовыми актами. Наиболее важные вопросы, касающиеся военной интервенции в России, решались:

- на конференциях глав правительств стран Антанты с участием министров иностранных дел;
- на двусторонних встречах глав правительств или министров иностранных дел или военных министров и Верховного главнокомандующего союзными армиями в Европе маршала Ф. Фоша;
- путем переписки между главами правительств, министрами иностранных дел, в том числе и с лидерами Белого движения, а также проведением консультаций и переписки между послами стран Антанты в России со своими министерствами иностранных дел (государственным департаментом США) или военных министров с представителями военных миссий при армиях Белого движения и с главнокомандующими союзными войсками в России;
- на Парижской мирной конференции, проходившей с перерывами с января 1919 по январь 1920 г.;

- на заседаниях Верховного союзного совета стран Антанты.

Для непосредственного решения вопросов ведения войны в России державы Антанты в ноябре 1917 г. образовали Высший военный совет, исполнительным органом которого стал Межсоюзный (исполнительный) комитет, образованный 2 февраля 1918 г. в составе четырех постоянных военных представителей под председательством маршала Фоша. В апреле на него как на Верховного главнокомандующего союзными армиями было возложено непосредственное руководство вооруженной борьбой в России.

Планирование операций против Красной армии осуществлял генеральный штаб Верховного главного командования союзными армиями в Европе. Для управления войсками непосредственно на театрах военных действий были назначены командующие союзными войсками.

Столь сложная система органов руководства вооруженной борьбой оказалась неспособной объединить усилия стран Антанты. Главной причиной этого стали непримиримые противоречия между ними по вопросам будущего государственного устройства России и сфер своего влияния на ее территории. Сыграло свою роль в этом и стремление командующих союзными армиями к автономии.

Лидеры Белого движения создавали свои собственные органы руководства вооруженной борьбой. Они координировали свои действия с главными командованиями (командованиями) стран Антанты на театрах военных действий. Верховным правителем Российского государства и Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России с ноября 1918 г. номинально считался адмирал А. В. Колчак.

Однако каждый главнокомандующий (командующий) вооруженными силами Белого движения действовал по собственному усмотрению под воздействием представителей тех стран Антанты, которые имели наибольшее влияние в том или ином регионе России. С адмиралом Колчаком в определенной мере взаимодействовали назначенные им же главнокомандующий войсками Северного фронта генерал Е. К. Миллер и главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Н. Н. Юденич.

Главкомандующий вооруженными силами Юга России генерал А. И. Деникин, хотя и считался заместителем адмирала Колчака, осуществлял независимое от него руководство вооруженной борьбой.

В отличие от Красной армии стратегическое развертывание армий Белого движения и войск интервентов осуществлялось в районах, в тылу которых имелись морские коммуникации. Это позволяло обеспечивать их снабжение материально-техническими средствами за счет поставок стран Антанты.

Кроме того, на Восточном и Южном театрах военных действий стратегическое развертывание армий адмирала Колчака и генерала Деникина проходило вдоль важнейших путей сообщения, пересекавших сельскохозяйственные регионы, где имелась прочная опора в лице зажиточных крестьян и казачества.

Командование армиями Белого движения в основном умело осуществляло межармейские и межтеатровые перегруппировки. Например, осенью 1919 г. с Кавказа в Донбасс были переброшены кавалерийские соединения и части для усиления Добровольческой армии. Однако эта переброска, несмотря на ряд насильственных мобилизаций в прифронтной полосе и в глубоком тылу, не смогла сформировать ни крупные силы, ни стратегические резервы. В качестве резервов использовались части и соединения, которые снимались с фронта и отводились в тыл для отдыха и пополнения личным составом.

В целом следует отметить, что в годы Гражданской войны система органов стратегического руководства Советской России была более эффективной, чем у ее противников. Централизация руководства позволяла успешно решать проблемы, связанные с управлением вооруженной борьбой на два фронта.

Использованный термин «вооруженная борьба на два фронта» является в данном контексте обобщающим понятием. Подразумевается, что вооруженная борьба одновременно или последовательно развертывалась на двух или нескольких стратегических направлениях. Решение данной проблемы было особенно актуально для Советской России, занимавшей срединное географическое положение по отношению к своим противникам.

Организация ведения вооруженной борьбы на два фронта осуществлялась не заблаговременно, а в ходе военных действий. Последовательность, темпы развертывания, боевой и численный состав группировок войск, формы и способы их действий зависели от степени угрозы противника на том или ином стратегическом направлении или театре военных действий.

Инициатива в определении важнейшего фронта принадлежала ЦК РКП(б). До образования Реввоенсовета Республики и введения должности главнокомандующего решение вопроса о том, какой фронт на данный момент считать главным, находилось в ведении Совнаркома. В последующем этим занимался Главком, определявший главный фронт в своих докладах правительству и Реввоенсовету.

Во всех случаях главнокомандующий и высшее политическое руководство Советской России стремились строить свои расчеты на противоречиях между различными группировками противника, разгроме их по частям с быстрой переброской сил с одного театра военных действий на другой.

Все это позволило добиться значительных успехов и разгромить армии Белого движения и войска интервентов. Это было обусловлено тем, что в основу стратегического руководства вооруженной борьбой Советской России была положена коллегиальная форма управления при полной самостоятельности Главного командования Красной армии в решении вопросов оперативно-стратегического характера.

Опыт, полученный в годы Гражданской войны, был использован при создании и совершенствовании системы органов стратегического руководства в последующие годы развития Советского государства.

Н. В. Илиевский,
*старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации*

Интервенция и Гражданская война в России: аспекты взаимосвязи

Вот уже более века минуло после начала Октябрьской революции и Гражданской войны в России. Очевидно, что эти масштабные события тесно взаимосвязаны, а их генезис имеет общую природу.

Как известно, под «гражданской войной» принято понимать наиболее острую форму разрешения социальных противоречий внутри государства, крупномасштабное вооруженное противостояние различных организованных социально-политических сил за реализацию своих коренных интересов.

История человечества, начиная с древних времен, дает многочисленные примеры гражданских войн самых различных форм и типов. Среди них: религиозные, крестьянские, партизанские войны; войны, вызванные расколом правящих элит; войны, порожденные социальными революциями и др.

Гражданские войны всегда отличаются особым ожесточением. Так, например, в ходе гражданской войны в США 1861–1865 гг., погибло больше людей, чем Соединенные Штаты потеряли в двух мировых войнах и последующих военных конфликтах, вместе взятых.

Характерной чертой подавляющего большинства гражданских войн является явное и скрытое насильственное вмешательство в их ход со стороны иностранных государств. Собственно, термин «интервенция» в переводе с латыни как раз и означает «вмешательство». Его целями выступают «захват территорий, установление своего политического доминирования, экономического подчинения, приобретения разного рода привилегий и т. п.».

Назову в качестве примеров гражданские войны в Англии, Франции, США, Мексике, Китае.

Гражданская война в России не стала исключением из этого правила. Масштабность и длительность этого конфликта в значительной степени были predeterminedены активным вмешательством в его ход со стороны иностранных государств, которое осуществлялось в политической, экономической, идеологической и собственно военной формах.

Широкомасштабная Гражданская война в России началась в мае 1918 г., что непосредственно связано с мятежом Чехословацкого корпуса – частей составленных из бывших солдат австро-венгерской армии, эвакуируемых во Францию через Владивосток. Поскольку корпус подчинился французскому командованию, за скоординированное выступление его частей против Советской власти прямую ответственность несет руководство Антанты. В июле 1918 г. Верховный союзный совет оставил корпус в России, развернув его движение с восточного направления, ориентированного на эвакуацию во Францию, на западное – в центр России.

29 июля 1918 г., выступая на расширенном заседании ВЦИК, В. И. Ленин заявил: «...Война гражданская у нас теперь... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое... Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну» [72, т. 37, с. 277].

Основные причины вооруженной интервенции:

- стремление подавить революцию в России и предотвратить распространение революционного процесса за ее пределы;
- желание ослабить Россию как своего политического и экономического конкурента в послевоенном мире;
- расчет на территориальные приобретения и получение экономических выгод;
- защита иностранного имущества и довоенных инвестиций в экономику России.

Цели государств Антанты и Четверного союза в отношении России, совпадая в своей основе, имели и определенные различия.

Первоначально оба воюющих блока продолжали рассматривать Россию как один из театров военных действий продолжавшейся мировой войны, что являлось причиной как сохранения значительного военного присутствия в России германских войск, так и создания военного присутствия войск Антанты.

Отношение стран Четверного союза к новому российскому правительству было сложным и как минимум двойственным. Разумеется, ни о каких симпатиях и тем более союзнических отношениях речи не шло, но антивоенная позиция большевиков возвращала германскому блоку шанс на победу в войне. В Берлине, Вене, Стамбуле это хорошо понимали.

Германия, Австро-Венгрия и Османская империя воспользовались Брестским миром 1918 г. не только для того, чтобы перебросить войска на запад, но и для оккупации Украины, Прибалтики, Финляндии, части Белоруссии и Закавказья. Вопреки условиям мира, их войска продолжили движение и вглубь РСФСР. Германия стремилась к установлению контроля над восточным побережьем Черного моря и в апреле 1918 г. немцы вступили в Крым, 1 мая взяли Таганрог, а 8 мая – Ростов. Под Батайском германские войска столкнулись с силами входившей в РСФСР Кубано-Черноморской республики, но после нескольких дней боев захватили город. 25 мая 1918 г. немцы высадились в Поти и с согласия властей Грузинской демократической республики заняли Грузию. Турецкая армия развернула наступление на Баку, контролировавшийся Бакинской коммуной и затем Центрокаспием. 15 сентября 1918 г. город был взят. 8 ноября 1918 г. турки заняли Порт-Петровский (Махачкалу).

Германия, формально признавая Советское правительство, в то же время оказывала поддержку контрреволюционным организациям и группировкам, что в сильной степени затрудняло положение Советской России. Немцы ликвидировали советскую власть в Прибалтике и на Украине (широкая поддержка гетмана Украинской державы П. П. Скоропадского), оказывали помощь «белофиннам» и содействовали формированию очага Белого движения на Дону (Донская армия генерала П. Н. Краснова).

Германские оккупационные войска в России насчитывали более 1 млн чел. [67, с. 24] и оставление столь значительных сил на

востоке рассматривается рядом историков как стратегическая ошибка Берлина и одна из причин поражения Германии в Первой мировой войне.

В соответствии с секретным протоколом к Компьенскому перемирию от 11 ноября 1918 г., германские войска должны были оставаться на территории России до прибытия войск Антанты, однако ввиду их полного разложения и фактического бегства, в большинстве случаев их сменили части Красной и Украинской советской армий. Однако в таких важных городах, как, например, Одесса и Севастополь, германские части были заменены английскими, французскими и греческими войсками.

С осени 1918 г. Германия перестала играть заметную роль в событиях вокруг Советской России. Причиной тому стала Ноябрьская революция и поражение в мировой войне. Правда, летом 1919 г. Берлин предлагал Антанте присоединиться к ее борьбе против России в обмен на смягчение условий Версальского мирного договора, но получил отказ.

Из стран Антанты первой против Советской России выступила Румыния. 26 декабря 1917 г. (8 января 1918 г.) румынские войска перешли Прут, но встретили сильное сопротивление. 8 (21) января 1918 г. румынские войска развернули наступление в Бессарабии. 13 (26) января 1918 г. они заняли Кишинев, после чего СНК РСФСР разорвал отношения с Румынией. В дельте Дуная развернулись бои между румынскими и российскими кораблями вокруг Вилково. Взяв Бендеры 7 февраля 1918 г. румынские войска расстреляли захваченных защитников города. В феврале шли бои между советскими и румынскими войсками на Днестре. 5–9 марта 1918 г. было подписано советско-румынское соглашение, в соответствии с которым Румыния обязалась вывести войска из Бессарабии в течение двух месяцев. Однако в условиях австро-германского наступления на Украине, которую оставили советские войска, Румыния сочла возможным нарушить соглашение и захватить Белгород-Днестровский. 9 апреля 1918 г. Румыния аннексировала Бессарабию.

Руководство ведущих стран Антанты враждебно восприняло установление Советской власти, что имело под собой известные основания – большевики изначально негативно относились к «им-

периалистической войне», настойчиво и последовательно требовали ее прекращения, немедленно после захвата власти приняли декрет «О мире». Таким образом, Антанте стало ясно, что в дальнейшей борьбе с центральными державами Россия ей не помощник.

Британский военный кабинет уже 7 декабря 1917 г., т. е. спустя всего два месяца после октябрьских событий, рассмотрел планы военной интервенции в Россию. 10 (23) декабря 1917 г. было заключено англо-французское соглашение о разделе сфер влияния (зон ответственности) в России. Франция получила права на Украину, Крым и Бессарабию, Великобритания – на Кавказ. Было заявлено, что соглашение направлено исключительно против центральных держав; прямых столкновений с большевиками предполагалось избегать.

Начало британской интервенции относится к марту 1918 г. 6 марта небольшой британский отряд с согласия Л. Д. Троцкого и Мурманского совета высадился в Мурманске с английского линейного корабля «Глори» для охраны имущества Антанты от возможного нападения прогерманских сил. 18 марта на рейде Мурманска появился французский крейсер «Адмирал Об», высадивший отряд, а 27 мая – крейсер ВМС США «Олимпия». В июне в Мурманске высадились еще 3,5 тыс. британских и 100 американских солдат и офицеров. Представители Антанты склонили на свою сторону руководство Мурманского совета, которое, получив деньги и продовольствие, не препятствовало занятию края войсками Антанты и даже формированию белогвардейских частей. 1 июля глава Мурманского совета А. Юрьев был объявлен Совнаркомом «врагом народа».

В августе 1918 г. американцы, англичане и французы заняли Архангельск. После эвакуации советских войск к власти в городе и области пришло военное правительство и был образован Северный антибольшевистский фронт. Все силы интервентов на Севере находились под британским командованием.

В середине ноября 1918 г. Англия и Франция издали новую декларацию, в которой прямо заявили о своем вступлении в Россию для «поддержания порядка» и для «освобождения» ее от «узурпаторов-большевиков». Еще 27 октября глава французского правительства Ж. Клемансо известил французского главнокомандующего

союзными армиями на Ближнем Востоке генерала Л. Де Эспере о принятом «плане экономического изолирования большевизма в России с целью вызвать его падение». На юге России предполагалось задействовать 12 французских и греческих дивизий, но из-за волнений во французских частях этот план был сорван. Тем не менее в течение ноября – декабря 1918 г. десантные части интервентов захватили Новороссийск, Одессу, Феодосию, Евпаторию, Ялту, Керчь, Симферополь и Севастополь, где расположилось морское и сухопутное командование войсками Антанты. В начале февраля 1919 г. войска Антанты взяли под свой контроль Николаев и Херсон. К этому времени командование Антанты располагало на Юге России двумя французскими и 1,5 греческими дивизиями, а также английскими, румынскими, сербскими и польскими частями (всего до 60 тыс. чел.).

Военно-морские силы Антанты общей численностью 18 крейсеров и дредноутов, 10 миноносцев, 18 транспортных судов сосредоточивались в Севастополе, Одессе и в Керчи. Часть эскадры Антанты вошла в Азовское море и заняла порты Мариуполя, Бердянска. Однако боеспособность войск Антанты быстро падала, под влиянием большевистской пропаганды росли антивоенные настроения среди солдат и матросов, которые требовали немедленного возвращения на родину. В таких условиях французское командование приняло решение прекратить отправку в Россию дополнительных войск.

10 марта советские войска взяли Херсон и уже спустя четыре дня интервенты эвакуировались из Николаева. В апреле французское командование было вынуждено оставить Одессу и Севастополь из-за недовольства среди матросов флота. Однако и после вывода войск интервентов из европейской части России поддержка государствами Антанты Белого движения продолжилась. В октябре 1918 г. – октябре 1919 г. только Великобритания поставила Белому движению около 100 тыс. тонн оружия, снаряжения и обмундирования (в частности Деникин во второй половине 1919 г. получил более 250 тыс. ружей, 200 орудий, 30 танков и др. оружие и технику).

В сентябре 1919 г. руководство Антанты приняло решение о срочной эвакуации своих войск Севера России. Причинами тому

стали успехи Красной армии, возрастающее недовольство в войсках, волнения в самих странах-интервентах (так, например, в Великобритании массовые забастовки проходили под лозунгом «Руки прочь от России!»). В спешном порядке британские войска снимались с передовых позиций, и уже к 27 сентября последний британский корабль покинул Архангельск.

На Дальнем Востоке военная интервенция началась 5 апреля 1918 г. Поводом стало нападение «неизвестных лиц» на отделение японской торговой конторы «Исидо» во Владивостоке, в результате которого погибли два японских гражданина. В этот же день со стоявших на рейде кораблей военно-морских сил Японии и Великобритании высадились две роты японских пехотинцев и полурота английской морской пехоты под предлогом защиты иностранных подданных. По американским данным, на 15 сентября 1919 г. интервенционистские силы Антанты на Дальнем Востоке насчитывали в своих рядах более 60 тыс. японских, 9 тыс. американских, 1,5 тыс. английских, 1,5 тыс. итальянских, 1,1 тыс. французских и 60 тыс. чехословацких солдат и офицеров. Кроме того, имелись китайские, румынские и польские воинские части.

В 1920 г. красные разгромили Белое движение в Сибири, и было образовано буферное государство – Дальневосточная республика. Летом 1920 г. было подписано Гонготское соглашение, в соответствии с которым японские войска эвакуировались из Забайкалья. В июне войска США и Великобритании эвакуировались через Владивосток; единственной оставшейся в регионе иностранной силой были японцы, пытавшиеся удержать за собой контроль над российским Дальним Востоком. Но эти планы не только не соответствовали реалиям ситуации, но и противоречили американской политике. В итоге, к 15 июля 1920 г. было достигнуто соглашение об эвакуации японских войск. Однако его выполнение всячески затягивалось японской стороной. Только в 1922 г. под давлением США Япония была вынуждена вывести свои войска. Северный Сахалин был возвращен России лишь в 1925 г.

Интервенция стала важным фактором расширения масштабов Гражданской войны в России. В отечественной историографии су-

существуют различные оценки ее роли и содержания. Однако их общей чертой является признание того факта, что интервенты преследовали свои собственные интересы. И Антанта, и Центральные державы стремились к выведению из-под юрисдикции центральной российской власти окраинных земель, при этом их интересы часто сталкивались. Так, например, США противодействовали попыткам Японии аннексировать российский Дальний Восток.

Интервенция имела главной целью ослабление России и в этом смысле задача ликвидации Советской власти была производной. Ведущие державы Антанты надеялись, что в России возникнет зависимое от них либеральное правительство (или несколько правительств), сопредельные с Россией государства от Румынии до Японии рассчитывали захватить часть ее территории, так называемые «новые государства», стремились за счет России отодвинуть свои границы как можно дальше на восток.

«Общество содействия жертвам интервенции», созданное в 1924 г., собрало к 1 июля 1927 г. свыше 1 млн 300 тыс. заявлений от советских граждан, зафиксировавших более 111 тыс. случаев гибели людей, ответственность по которым несли интервенты.

В военной интервенции, так дорого обошедшейся России, участвовали: Великобритания, Австралия, Канада, Индия, США, Франция, Италия, Греция, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Япония, Китай, Польша, Румыния, Финляндия, Германия, Австро-Венгрия, Османская империя.

На Украине действовали около 80 тыс. интервентов, на Дальнем Востоке – более 150 тыс. На севере России – около 40 тыс. С учетом Закавказья, Средней Азии, Юга совокупные силы интервентов только стран Антанты превышали 300 тыс. чел. Общая численность войск интервентов, включая силы Центральных держав, превышала 1 млн человек.

С. Д. Половецкий,
*ведущий научный сотрудник Института стратегии
развития образования Российской академии образования,
доктор исторических наук, профессор*

Политическая работа в Красной армии в годы Гражданской войны

В историческом плане необходимо подчеркнуть, что проблема ведения политической работы в вооруженных силах впервые была поставлена не большевиками, не командованием Красной армии в годы Гражданской войны, а на столетия раньше.

В исторической литературе содержатся сведения о том, что политические эмиссары появились еще в XVIII в. в армиях государств Западной Европы: в Италии и Франции. Так, во времена французской революции 1789 г. по решению Конвента назначались комиссары и направлялись в районы боевых действий. Далее, институт военкомов, ведущих военно-политическую работу, вводился на определенный исторический период в вооруженных силах некоторых стран, к примеру, в XIX в. в армии США.

Значительное внимание политической работе уделялось в армии и на флоте Российской империи. За ее ведение под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество» несли ответственность командиры и начальники всех степеней, а духовно-нравственное воспитание возлагалось на разветвленный и многочисленный аппарат войсковых и флотских священнослужителей.

После Февральской революции направляемые на фронт в качестве комиссаров представители Временного правительства выступали на собраниях в воинских частях, убеждали вести войну до победного конца. Причем такие выезды в действующую армию были непродолжительными – несколько дней или недель. Безусловно, они не могли повлиять на ситуацию на фронте, которая к осени 1917 г. становилась катастрофической.

Принципиальный недостаток деятельности военкомов Временного правительства заключался в том, что она не имела какой-

либо нормативно-правовой основы, комиссары не обладали необходимыми полномочиями для организации практической работы в войсках. Не стремился навести порядок в этом деле и военный министр А. И. Гучков.

Только к осени 1917 г. в штате военного ведомства было создано Политическое управление, в котором имелось подразделение военных комиссаров. В действующую армию направлялись: военный комиссар в Ставку верховного главнокомандующего, комиссары в штабы округов, фронтов, армий, соединений и частей. Комиссары в Ставку и на фронты назначались Временным правительством, армейские и окружные – военным министром, корпусные и бригадные – фронтовыми комиссарами.

Говоря о результативности деятельности военкомов Временного правительства, следует подчеркнуть следующее. Они с главной задачей реализации государственной политики в вооруженных силах и восстановления правопорядка в войсках не справились, поскольку выдвинутые Временным правительством революционные лозунги не находили понимания у солдат, уставших воевать. Безуспешные попытки наладить в войсках политическую работу в интересах продолжения войны потерпели полный крах. В результате неудач на фронте, массовой антивоенной агитации и пропаганды левых партий широкий размах приняло массовое дезертирство. По оценкам историков с июня по октябрь 1917 г. части, находящиеся на фронте, покинули более 2 млн солдат. Возвращение дезертиров в родные края привело к активизации политической жизни тыла, к обострению классовых противоречий, созданию предпосылок для дальнейших революционных событий.

Следует отметить, что партия большевиков всегда придавала большое значение проведению военной работы в армии и на флоте. Еще во время подготовки и проведения Октябрьской революции Петроградский военно-революционный комитет делегировал в части Петроградского гарнизона, на Балтийский флот, другие объекты военного назначения своих комиссаров.

После победы Октябрьской революции при строительстве армии нового типа партия большевиков особое внимание обратила на создание системы политической работы в вооруженных силах,

основанной на господстве коммунистической идеологии и руководящей роли большевиков в ее проведении. В. И. Ленин так определил значение политической работы в условиях Гражданской войны «...где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров... там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед» [72, т. 39, с. 56].

Позвольте обратить внимание участников конференции на один, очень важный аспект этой многогранной темы – создание и совершенствование структур, непосредственно проводящих политическую работу в РККА.

Процесс создания аппарата для ведения политической работы носил объективный характер. Как известно, после подавления левоэсеровского мятежа в июле 1918 года, перехода оппозиционных партий в лагерь Белого движения, большевики стали единственной политической силой, возглавившей борьбу за победу советской власти в стране.

На первом этапе Гражданской войны в апреле 1918 г. было создано Всероссийское бюро военных комиссаров (Всебюровоенком) как структура, обеспечивающая руководство практической деятельностью военных комиссаров в РККА. Возглавил бюро К. К. Юренев – революционер, активный участник строительства новой армии, впоследствии дипломат.

С весны – лета 1918 г. на Восточном фронте, который постоянно пополнялся членами партии большевиков, организовывались первые политорганы. Одним из них стал политотдел Северо-Урало-Сибирского фронта, созданный в июне 1918 г. Затем был учрежден политотдел 3-й армии Восточного фронта, а с начала осени 1918 г. создавались политотделы в дивизиях этой армии.

В октябре 1918 г. Всебюровоенком был переподчинен Реввоенсовету Республики и стал единым органом по руководству политработой как на фронте, так и в тылу, а также в погранохране и органах контрразведки. В декабре 1918 – январе 1919 г. при непосредственном и активном участии Всебюровоенкома были подготовлены и утверждены основные документы, определившие структуру и порядок ведения политической работы в армии и на флоте, статус, права и обязанности политорганов, партийных организаций

и военных комиссаров: Положение о политотделах РВС фронтов и Инструкция ЦК РКП(б) партийным ячейкам красноармейских частей фронта и тыла.

В целях усиления централизации руководства партийно-политической работой в Красной армии и на флоте, на основе решений VIII съезда РКП(б) в апреле 1919 г. Всебюровоенком был преобразован в Политотдел Реввоенсовета Республики (РВСР), которому перешли в подчинение все партийно-политические структуры Красной армии. В мае 1919 г. Политотдел РВСР был значительно укрупнен и преобразован в Политуправление РВСР, которое имело двойное подчинение – Реввоенсовету и ЦК РКП(б). Поэтому назначаемый Реввоенсоветом начальник ПУРа исполнял как приказы Реввоенсовета, так и указания ЦК РКП(б). На протяжении всей войны начальником ПУРа являлся И. Т. Смилга – известный партийный работник, член ЦК РКП(б) и Реввоенсовета Республики.

С осени 1919 г. в ротах и равных им подразделениях вводились должности политического руководителя (политрука), которые составили самый многочисленный отряд политработников в армии и на флоте. В январе 1920 г. РВСР утвердил организационно-штатную структуру политоторганов фронтов, армий, дивизий. Центр тяжести политработы постепенно был перенесен в армии и дивизии.

Партия регулярно проводила персональные и массовые мобилизации своих членов в действующую армию. Общеизвестный факт: в годы войны на фронте насчитывалось около 300 тыс. членов партии большевиков, т. е. половина всей численности партии. Около 50 тыс. из них погибли в ходе войны.

Институт военных комиссаров и политические органы постоянно укреплялись наиболее подготовленными партийными кадрами. Непосредственным руководством политической работой в армии занимались видные большевики А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, М. И. Калинин, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, М. В. Фрунзе, Н. М. Шверник и др.

Партия большевиков развернула широкую массовую агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительную работу в войсках, прифронтной полосе и в тылу. Ее масштабы впечатляют.

Так, в октябре 1919 г. в Красной армии насчитывалось 3 800 школ политграмоты, около 2 400 библиотек, 800 изб-читален, свыше 1 300 клубов, 250 театров, более 100 кинематографов, издавалось свыше 90 газет и журналов, миллионными тиражами выпускалась пропагандистская литература и периодические издания [110].

Возрастание уровня проводимой политической работы признавали и противники красных. Так, по оценке разведки вооруженных сил Юга России (ВСЮР), политическая работа противника стала более наступательной: если раньше пропаганда красных была «выдачей обещаний на будущее» и указаниями на то, что «будет сделано впереди», то теперь в РККА предметно и постоянно указывается на «фактически, что сделано властью для трудящихся масс» [60, № 2 (62), с. 120].

Особо важным участком политической работы был контроль за деятельностью военспецов. За годы Гражданской войны в Красную армию было мобилизовано 48,5 тыс. офицеров и генералов, 10,3 тыс. военных чиновников, около 14 тыс. военных врачей бывшей царской армии [15, с. 214]. Об эффективности создаваемой системы подготовки «своих» командных кадров из числа рабочих и крестьян свидетельствует тот факт, что в армии постоянно снижалась доля военных специалистов в общей структуре командного состава. Так, если в 1918 г. военные специалисты составляли 75% командного состава Красной армии, в 1919 г. – 53%, в 1920 г. – 42%. [30, с. 107]. 5 ноября 1919 г. был открыт Учительский институт Красной армии им. Н. Г. Толмачева, ныне Военный университет Министерства обороны России.

Особое внимание уделялось подбору, расстановке и воспитанию кадров политсостава. Уже в мае 1918 г. при Всебюровоенкоме начали работу курсы по подготовке пропагандистов, а с октября – военных комиссаров. Большинство политработников ротного и полкового звена готовили на фронте – на курсах при политотделах фронтов, армий и дивизий. К осени 1920 г. в тылу и на фронте действовали 224 различных курсов и партийных школ.

Была широко развернута работа с населением в прифронтной полосе. С декабря 1918 г. по конец 1920 г. действовали пять специальных агитпоездов. Ими было организовано 1 890 митин-

гов с участием 275 тыс. чел., распространено около 3 млн экз. газет и листовок [30, с. 24].

Таким образом, сила партии большевиков заключалась в ее сплоченности, дисциплинированности и организованности, способности привлечь народные массы на свою сторону. Народ в конечном итоге и определил ход, исход и результаты Гражданской войны. Красная армия одержала победу в войне, потому что имела поддержку большинства народа, опиралась на единство фронта и тыла, армии и народа. Это положение лаконично и четко сформулировал В. И. Ленин: «Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь» [72, т. 41, с. 21]. Для ведения политической работы в РККА был создан мощный и разветвленный партийно-политический аппарат.

Представляется доказанным, что процесс создания органов, проводящих партийно-политическую работу, носил объективный характер, стал закономерностью создания армии нового типа. Проводимая работа была одним из источников боевой мощи Красной армии, обусловившим ее победу в войне. Опыт Гражданской войны вместе с опытом Первой мировой войны на многие годы определили основные тенденции военного строительства в нашей стране [16, с. 245]. Он был творчески применен во время Великой Отечественной войны, получил свое развитие в послевоенный период, его целесообразно учитывать при реализации задач современного военного строительства.

Таким образом, предпринятая нами попытка рассмотрения партийно-политической работы в Красной армии в годы Гражданской войны еще раз подтверждает точку зрения современных исследователей относительно того, что история строительства Красной армии в эти годы требует развития имеющихся и разработки современных подходов и оценок. Недостаток полностью выверенных оценок Гражданской войны, других, не менее важных исторических событий, явственно прослеживается и в учебной литературе, посвященной военной истории нашего государства.

М. С. Полянский,

*главный научный сотрудник научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации,
доктор педагогических наук, профессор*

Гражданская война в России: особенности массового сознания противоборствующих сторон

Тема нашего выступления посвящена проблеме массового сознания и его влияния на население страны и непосредственных участников боевых действий в ходе Гражданской войны в России.

Гражданские войны в своем большинстве – это войны и вооруженные конфликты, обусловленные отстаиванием идей и ценностей, с одной стороны, устоявшихся жизненных укладов и традиций в обществе, с другой – противниками существующего образа жизни и принятых норм и ценностей. Как правило, гражданские войны идут до победного конца и физического истребления противника, мирных договоров не заключается, как в войнах между странами и коалициями государств.

Гражданская война в России представляла собой вооруженные конфликты и противостояния политических, социальных, национально-этнических, государственных и военных образований на территории бывшей Российской империи.

Причинами Гражданской войны выступили обострившиеся противоречия в социальных, политических и национальных отношениях в российском обществе в ходе Февральской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков в результате Октябрьской революции 1917 г.

Использование насилия, в том числе вооруженного, для достижения политических целей было обусловлено и формированием агрессивных психических состояний, и разрушением укладов и стереотипов мирной жизни в результате больших потерь в ходе

мировой войны, крушением надежд на ожидаемую близкую победу над противником.

Участие интервентов во внутренних делах выступило катализатором особой ожесточенности и увеличения длительности противоборства Красной армии и Белого движения в Гражданской войне в России.

В отечественной историографии выделяют три этапа вооруженной борьбы между красными и белыми. Каждый этап характеризуется определенными изменениями массового сознания противоборствующих сторон. В первую очередь значимым фактором вооруженного противостояния в ходе Гражданской войны выступают формирование в массовом сознании значительной части населения установки на решение обострившихся противоречий силой оружия и утрата ранее сформированных морально-этических ценностей.

На первом этапе вооруженной борьбы (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г. – разгон Учредительного собрания, формирование вооруженных сил противоборствующих сторон и основных фронтов между ними) массовое сознание формировалось и проявлялось под воздействием Октябрьской революции, результатов Первой мировой войны, подписания явно несправедливого для России Брестского мира.

Второй этап (ноябрь 1918 г. – март 1920 г.) характеризуется главными сражениями между Красной и Белой армиями. В этот период завершилась мировая война и сократилось участие интервентов в Гражданской войне. К осени 1919 г. основной контингент союзных войск был выведен с территории России. *В массовом сознании сформировались радикальные установки у всех участников Гражданской войны.*

Третий этап (март 1920 г. – октябрь 1922 г.) – основная борьба проходила на периферии страны.

8 января 1918 г. появился декрет Совета народных комиссаров «Об организации Рабоче-крестьянской Красной армии». 22 апреля 1918 г. была утверждена Военная присяга, основу которой составили идеологические и дисциплинарные требования к защитнику Отечества.

Военное управление в Красной армии было представлено одним военным руководителем и двумя военными комиссарами, при этом военный комиссар не мог вмешиваться в оперативные вопросы военных специалистов. Во Всероссийском бюро военных комиссаров был учрежден Агитационно-просветительский отдел, который включал подотделы – культурно-просветительский и литературно-библиотечный. Проведенные организационные мероприятия существенно влияли на формирование массового сознания военнослужащих армии и населения, сориентированного на положительное восприятие советской власти.

В новых условиях вызревало понимание, что ни один военный комиссар не заменит настоящего и подготовленного в военном отношении командира, но самый лучший военный специалист не мог быть вождем революционной армии ввиду отсутствия у него опоры на социально-политическую базу и знание настроений рядового состава. Взяв на вооружение опыт французских якобинцев и используя знания и опыт ведения боевых действий офицеров царской России, большевистское правительство сумело создать уникальную систему командования, которая довольно быстро наладила политическую работу и пропаганду в армии, что в конечном счете влияло на массовое сознание.

После революционных событий 1917 г. большинство населения находилось в растерянности и плохо понимало, что происходит в стране, так как информации о политической жизни в стране явно было недостаточно. В таких условиях руководству новой России удалось повлиять на массовое сознание благодаря более оперативному и убедительному разъяснению в первую очередь в армейской среде основных позиций политического руководства.

Руководство Красной армии очень точно уловило момент в деле привлечения офицеров и генералов русской армии, прошедших мировую войну, униженных Временным правительством и разночинно-эсеровской властью и распоясавшимися комитетчиками от солдатской массы.

Большевики сумели заинтересовать, в том числе и экономическими средствами, на службу в Красную армию большое количество офицеров и генералов царской армии. Всего в Красной ар-

мии служило около 43% наличного к 1918 г. офицерского состава, а в Белой армии – 57% (примерно 100 тыс. человек) [55, с. 117].

Заметен тот факт, что из «самой ценной и подготовленной части офицерского корпуса русской армии – корпуса офицеров Генерального штаба» в Красной армии оказались 639 (том числе 252 генерала) человек, что составляло 46% [55, с. 181].

В войне участвовала и третья сила в лице «зеленых» и анархистов – это воинские и добровольческие формирования, лидерами которых выступали Н. Махно и Д. Антонов. Численность данных формирований доходила до 50 тыс. штыков и сабель в каждом формировании.

Большевики оценили значение политической работы и пропаганды на собственном опыте и существенно ее усилили в условиях Гражданской войны. Для этого в каждом подразделении, воинской части создавались коммунистические организации за счет мобилизации коммунистов из наиболее сознательных рабочих. Многие из них выполняли обязанности агитаторов, инструкторов и организаторов в среде бойцов и командиров.

Причиной побед Красной армии наряду с раздробленностью и разобщенностью Белого движения выступила поддержка значительной части населения лозунгов и политики большевиков. Белое движение в массовом сознании воспринималось как возвращение старой власти, царя и помещиков. Важным аргументом в пользу советской власти было то, что Белое движение не имело признанного лидера.

Жители национальных окраин не могли принять лозунг «Единой и неделимой России», они поверили Декларации «О праве наций на самоопределение».

В массовом сознании Белая армия воспринималась как носитель грабежей, погромов, карательных экспедиций, насилия в гораздо большей степени, чем действия представителей советской власти.

В целом можно сделать вывод, что массовое сознание выступило одной из форм социально-психологических предпосылок взаимной ненависти и вражды в годы Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, которая носила бескомпромиссный, антагонистический характер и принесла разрушительные последствия как для страны в целом, так и для ее населения.

Г. М. Ипполитов,
*профессор кафедры философии
Поволжского государственного университета
телекоммуникаций и информатики,
доктор исторических наук, профессор*

Моральный дух группировок красных войск на юге России и его укрепление в 1918 году: взгляд сквозь столетие

Опыт отечественной военной истории свидетельствует, что в 1918 г. в ходе развернувшейся в России Гражданской войны органы государственной власти и военного управления молодого Советского государства уделяли пристальное внимание решению проблемы укрепления морального духа армии. Особенно во второй половине 1918 г. после того, как перешли в строительстве РККА от принципа добровольчества к всеобщей воинской повинности. Не являлись здесь исключением и группировки красных войск на Юге России, которые постоянно наращивались в процессе боевых действий.

Данная деятельность строилась исходя из разработанных В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и другими концептуальных основ укрепления морального духа РККА. Бралась в расчет и динамика перманентно менявшейся военно-политической, стратегической, оперативно-тактической обстановки. Кроме того, учитывались также следующие обстоятельства: зависимость уровня морального духа войск от характера боевых действий (особенности ТВД, климатических условий, соотношение сил и средств противоборствующих сторон и др.); наличие армий как основных оперативных объединений, сведенных 11 сентября 1918 г. в Южный фронт, очаговый характер обороны у белых, ее слабое инженерное оборудование; маневренный характер операций; низкие тактические плотности при большом размахе действий в наступательном бою; изменение роли огня, маневра, удара, по сравнению с Первой мировой войной.

Анализ источников и литературы по рассматриваемой проблеме показывает, что группировки красных войск на Юге России не отличались (даже во второй половине 1918 г.) высоким уровнем морального духа. В них по-прежнему наличествовали элементы смешанного комплектования войск, мобилизации проводились хаотично, без согласования с центром. Отсутствовал элементарный учет личного состава. В докладе командования Северо-Кавказского военного округа (СКВО) о состоянии войск от 8 июня 1918 г. отмечается уникальный факт: численность отрядов установить трудно. Она постоянно меняется... «к моменту выдачи жалования отряд увеличивается, а затем уменьшается» [42, т. 1, с. 257].

Возникло много проблем со снабжением войск, которое не соответствовало в полном объеме требованиям к обеспечению боевых действий. Например, 11-я армия в конце 1918 г. была исключительно плохо снабжена обмундированием. В своем донесении член Реввоенсовета (РВС) армии Я. Полуян сообщал, что из-за отсутствия достаточного количества обмундирования «армия тает не по дням, а по часам». Кроме того, красноармейцы не были удовлетворены денежным довольствием за июль, сентябрь, октябрь.

В красных частях и соединениях по-прежнему царил партизанщина. Причем, она усиливалась из-за деструктивной позиции военачальников А. И. Автономова, вступившего в конфронтацию с местными органами советской власти, а также и И. Л. Сорокина, который в конечном итоге был расстрелян за «моральное разложение и заговор против советской власти» [97. Ф. 100. Оп. 3. Д. 60. Л. 17].

Ясно, что в таких условиях красные войска не могли обладать уровнем морального духа, обеспечивающим успешное ведение боевых действий. Например, в директиве главного командования командованию 8-й армии от 26 ноября 1918 г. отмечалось, что за последнее время армия запятнала себя позорным непрерывным отступлением [97. Ф. 100. Оп. 3. Д. 12. Л. 262]. В ноябре 1918 г. главное командование Красной армии вынужденно было признать, что на Южном фронте имеют место «беспорядки и хронические мятежи» [97. Ф. 100. Оп. 3. Д. 60. Л. 67].

В таких сложных условиях все-таки проводилась определенная работа по укреплению морального духа красных войск. Был

взят курс на проведение жестких репрессий среди личного состава в целях укрепления воинской дисциплины и обеспечения неукоснительного выполнения боевых приказов. Например, член Реввоенсовета 11-й армии Я. Полуян доложил 17 ноября 1918 г. в РВС Южного фронта о том, что для поднятия революционной дисциплины в армии, и прежде всего командного состава, РВС пришлось расстрелять командующего Таманской армией Матвеева «за неисполнение боевого приказа» [97. Ф. 100. Оп. 3. Д. 60. Л. 10]. Расстреливались и рядовые бойцы, и командиры низовых тактических звеньев. Так, после подавления мятежа в Вольской дивизии (конец 1918 г.) 10-й армии были расстреляны 38 человек на месте и 23 человека – по суду в Царицыне [97. Ф. 100. Оп. 3. Д. 14. Л. 1]. И это принесло определенную пользу. В докладе члена РВС 11-й армии отмечалось, что результаты репрессий оказали положительное воздействие: приказы стали «выполняться точно и беспрекословно, настроение армии улучшилось» [97. Ф. 100. Оп. 3. Д. 60. Л. 10].

Вместе с тем было бы неправильным считать, что деятельность красного командования по укреплению морального духа войск сводилась лишь к репрессиям. Проводилась также соответствующая организаторская и воспитательная работа.

Одним из основных ее направлений стала практика откомандирования коммунистов в части и соединения, находившиеся в непосредственном соприкосновении с противником. Анализ политсводки политотдела Южного фронта от 3 декабря 1918 г. позволяет уяснить, что через политотдел прошло 1 100 коммунистов, распределенных по всем армиям. Причем для всех вновь прибывших коммунистов прочитали цикл лекций «по определенной программе применительно к нуждам фронта». Явно виден не механический подход, а творческий.

Практиковалась мобилизация коммунистов по всей фронтовой полосе. Как следствие, в 8, 9, 10-й армиях было создано 60 партийных ячеек с общим количеством в 1 500 коммунистов и 1 000 сочувствующих. Тенденция роста числа коммунистов и партийных ячеек обозначилась довольно рельефно. Согласно политсводке политотдела Южного фронта от 14 декабря 1918 г. на конференции

коммунистов 10-й армии присутствовало 1 000 делегатов с решающим, а 25 – с совещательным голосом. Они представляли 89 ячеек и 51 сочувствующую организацию [86, с. 247, 249]. Характерно, что политотдел Южного фронта предпринимал меры, чтобы обеспечить партийное влияние на всех участках. Например, в конце 1918 г. из 391 коммуниста, распределенных в 8-ю армию, были назначены: комиссарами – 86; красноармейцами – 194; на иную политическую работу – 111 [98. Ф. 17. Оп. 4. Д. 53. Л. 1].

Имеются оригинальные прецеденты использования потенциала «сочувствующих партии большевиков». Здесь обозначена тенденция опоры на них в деле укрепления морального духа войск. Судя по докладу работника политотдела Южного фронта о партийной работе в 14-й стрелковой дивизии, расценивается исключительно как положительный факт в деле мобилизации личного состава на активные боевые действия то, что в составе дивизии есть полк, состоящий исключительно из казаков Новохоперского округа, который весь, «как один человек, можно считать сочувствующим нашей партии» [86, с. 250].

Привлечение коммунистов в качестве рядовых бойцов, как показывает анализ политсводок, повышало боеспособность частей, укрепляло морально-психологическое состояние личного состава.

В целом мероприятия, освещенные выше, позволили несколько улучшить моральный дух красных войск. Иначе политотдел Южного фронта не стал бы оценивать настроение в некоторых частях, имеющих солидную партийную прослойку, в конце декабря 1918 г. как твердое, так как партийные ячейки внесли «новую струю, политическое сознание поднимается, влияние партии растет» [29. Ф. 130. Оп. 2. Д. 592. Л. 190].

Другим направлением деятельности красного командования по укреплению морального духа войск являлось кропотливое разъяснение целей и задач борьбы с противником и мобилизация на этой основе на качественное выполнение боевых приказов. С учетом малограмотности контингента красноармейцев большое внимание уделялось устной политической агитации, построенной на жестких принципах классового подхода, советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Широко использовались организаци-

онные возможности лекторов (как правило, наиболее подготовленные политработники аппаратов политорганов всех звеньев) и агитаторов (готовились из числа рядовых бойцов, как правило, коммунистов). Лекции несли в себе целенаправленный материал в плане подъема морального духа войск. Судя по докладу председателя организации РКП(б) 5-го Заамурского конного полка в политотдел Южного фронта, личному составу «были устроены лекции» на следующие темы: «Интернационал и война», «Культурное развитие человечества», «Капитализм и социализм», «Какие условия необходимы для воцарения советской власти в Европе» [86, с. 248].

В устной политической агитации практиковались различные формы и методы. Наиболее распространенной формой стало проведение массовых митингов в частях. В докладе председателя организации РКП(б) 5-го Заамурского конного полка в политотдел Южного фронта отмечается, что даже в условиях тяжелых боев полка редко, но все же удавалось, «урвать часок-другой для проведения митинга». В период оперативной паузы, когда полк был отведен на отдых, за две недели было проведено несколько митингов [97. Ф. 100. Оп. 2. Д. 103. Л. 16].

Характерно, что устная политическая агитация подкреплялась активной культурно-просветительной работой. В части приглашались артистические труппы, присылались подвижные кинематографы. Работали библиотеки частей: в 8-ю армию политотдел Южного фронта послал «10 полных библиотек, 450–500 экз. каждая».

Проводилась пропаганда и агитация посредством печатного слова. Текстологический анализ листовок, предназначенных для воздействия на умы и сердца красных бойцов и командиров на Юге России, показывает, что в них до предела понятным малограмотной массе языком изложены постулаты большевистской идеологии, преломленные к конкретно-исторической обстановке и адаптированные к решению текущих задач. А именно: убедить красноармейцев в святости борьбы за советскую власть и мобилизовать на этой основе на активные и решительные боевые действия «против классового врага».

При этом необходимо подчеркнуть, что многие обобщения в листовках составлены по канонам информационно-психологичес-

кого противоборства с противником. Так, в листовке «Белые и красные» (1918 г.) утверждается: «Не только в России, а во всем свете, во всех странах мира идет борьба – между белыми и красными. Белые – это помещики, которые хотят держать в своих руках всю землю, чтобы жить в роскоши трудами крестьян» [88, с. 35]. С позиций современного уровня накопления исторических знаний, становится ясной абсурдность такого тезиса. Однако в 1918 г. подобная фальсификация имела сильное воздействие на полуграмотного красноармейца – вчерашнего малоземельного крестьянина.

Благодаря проведенной работе по укреплению морального духа войск, губительные процессы разложения личного состава красных частей и соединений были несколько локализованы. Не случайно, генерал А. И. Деникин, давая в целом негативную оценку морально-психологическому состоянию противостоящей ему во Втором Кубанском походе группировки красных войск, был вынужден признать, что в Красной армии Северного Кавказа имелось немало сильных в военном отношении и тяготеющих к советской власти частей [39, т. 3, с. 159]. Как следствие – успехи, достигнутые в конце 1918 г.: в результате двухнедельных непрерывных боев 9-я армия вклинилась в глубину обороны противника на отдельных направлениях от 30–40 до 80–100 км [42, т. 1, с. 610].

Таким образом, в 1918 г., особенно к его концу, уже достаточно рельефно прослеживаются основные направления деятельности командования красных по укреплению морального духа войск: обеспечение неукоснительного выполнения боевых приказов; укрепление партийной прослойки среди личного состава частей и соединений; широкая устная и печатная пропаганда и агитация в войсках, носящая целенаправленный массовый характер, проводимая по канонам информационно-пропагандистского противоборства в войне, а также репрессии в целях наведения должного порядка в войсках. Однако впечатляющих успехов в деле укрепления морального духа красных бойцов и командиров все-таки достигнуто не было.

О. В. Кепель,
*научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории
(исследования проблем морально-психологической подготовки)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации,
кандидат исторических наук, доцент*

Воинская дисциплина и моральный дух в русской армии в годы Первой мировой войны

События столетней давности – Первая мировая война, революции, Гражданская война – продолжают и сегодня находиться в центре внимания современных исследователей, будоражат общественность. И это не случайно, подобного рода проблемы перед российским государством стоят и сегодня. И сегодня руководство страны работает в сложных условиях внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуаций. В связи с этим только серьезный, без политической ангажированности анализ событий прошлого позволит современным политическим деятелям избежать ошибок прошлого, правильно, без шараханый решать задачи настоящего, иметь четкие представления о перспективах государственного развития.

Одним из проблемных современных вопросов является военный вопрос. Не секрет, что в условиях обострения международной ситуации (а оно сегодня налицо) роль Вооруженных сил как надежного гаранта внешней безопасности Российского государства возрастает, что требует в свою очередь усилий по дальнейшему усилению боеспособности армии. Речь идет не только об обновлении парка военной техники и повышении профессионализма военнослужащих, но и об их морально-психологическом состоянии, готовности сознательно выполнять свой воинский долг.

Важным шагом на пути решения задач укрепления морально-го духа войск и дисциплины, преодоления негативного воздействия информационной среды на умы военнослужащих является решение Президента Российской Федерации о введении в Воору-

женные силы Российской Федерации института военно-политических органов. Однако, этого еще недостаточно. Для сплочения воинских коллективов в интересах поддержания боеготовности армии и флота на высоком уровне нужна эффективная государственная идеология, грамотные и продуманные экономические и политические действия руководства страны. Исследование исторического опыта 100-летней давности, правильные выводы и уроки будут способствовать оптимальному решению военного вопроса на современном этапе, позволят избежать ошибок прошлого, приведших в 1917 г. к резкому падению уровня морально-психологического состояния и дисциплины в армии, и в конечном итоге, к ее разложению.

В этой связи на первый план выдвигается вопрос – кто виноват в разложении русской армии в годы Первой мировой войны? От правильного ответа на него зависит объективность сформулированных уроков и выводов, эффективность действий государственных и военных органов Российской Федерации по обеспечению высокой морально-психологической боеготовности российской армии в условиях реальной многопартийности.

Логично будет предположить, что виновников разложения армии следует искать либо в «партии власти», либо в тех партиях, которые на тот момент предпринимали попытки взять эту власть. Сегодня в связи с модой на критику идей и практики Февральской и Октябрьской революций очень часто даже в среде профессиональных историков и политиков принято всю вину за падение дисциплины в русской армии возлагать на большевиков. Вместе с тем детализация событий 100-летней давности позволяет утверждать, что это далеко не так. Рассмотрим их несколько подробнее.

В значительной степени армия была разложена еще до Февральской революции 1917 г. Результатами этого разложения являлись:

1. Низкий боевой дух солдат: зафиксирован, например, в мемуарах царских офицеров. «Можно сказать с уверенностью, что в 1916 г. русская армия уже не хотела сражаться» [33, № 5, с. 94], – пишет в своих мемуарах полковник И. И. Вацетис.

2. Значительно выросло количество дезертиров и уклонистов: до 1–1,5 миллионов человек по исследованиям кандидата

исторических наук А. Б. Асташова» [94, № 4, с. 44–52]. Причем мощная волна дезертирства началась с осени 1916 г. – т. е. в период, предшествующий Февральской революции. К началу 1917 г. для поимки дезертиров направлялись целые дивизии. Массовое дезертирство неизбежно порождало и другие проблемы: мародерство в тылу и расшатывание дисциплины, о чем свидетельствует телеграмма от 22 сентября 1915 г. штаба верховного главнокомандующего возглавляющему Юго-Западного фронт генералу Н. И. Иванову: «От Министерства внутренних дел получены сведения о чрезвычайном развитии мародерства в тылу армии, особенно Западного фронта. Сообщают о случаях неповиновения офицерам, даже с убийством в Барановичах. Князь Щербатов лично наблюдал 16 сентября в Орше картину невероятной распущенности двух с половиной тысяч выздоровевших нижних чинов. На железных дорогах увеличивается число солдат без документов. Эти самовольно отлучившиеся смущают народ вымышленными сведениями, порочащими командный состав. Сведения о растущей распущенности в войсках производят угнетающее впечатление внутри империи» [99. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 811. Л. 151–152].

3. Случаи братаний с врагом, которые с каждым годом становились все более массовыми вопреки строгим запретам и суровым наказаниям. Почему-то, когда говорят о массовых братаниях в 1917 г., забывают, что им предшествовали массовые братания, происходившие еще до революции. А. Б. Асташов приводит данные о том, что на Пасху весной 1916 г. с врагом братались десятки полков. Фронтовое начальство не смогло пресечь массовое братание также и на Рождество.

Анализируя причины и источники вышеперечисленных симптомов разложения армии, следует подчеркнуть, что их появление не связано с деятельностью большевистских организаций. Еще весной 1915 г. штаб Верховного главнокомандующего приказал очистить армию от политически неблагонадежного элемента. Скандалы по поводу политической пропаганды в войсках случались очень редко. Например, один такой случай описан в письме генерала А. А. Брусилова начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего

генералу М. В. Алексееву 22 ноября 1916 г. При этом Брусилов замечает, что это первый на его памяти подобный эпизод.

Массированная политическая пропаганда в войсках началась уже после Февральской революции. Получается, что большевиков невозможно обвинить в дореволюционном разложении армии.

Исследование всей совокупности фактов обозначенного периода позволяют сформулировать следующие причины резкого падения морального духа и дисциплины в русской армии в дореволюционный период.

Во-первых, одной из важнейших причин разложения армии стала существовавшая в ней глубочайшая пропасть между солдатским и офицерским составом. Если до войны и в ее начале эта пропасть носила в основном социальный характер, то уже в 1916 г. сюда добавилось кардинальное различие взглядов на цели войны. Патриотически настроенные представители образованного сословия рассматривали войну с геополитических позиций (германская агрессия, долг перед союзниками, Константинополь и Проливы). Но для большинства солдат эти понятия были пустым звуком: война шла на чужих территориях (Румыния, Галиция, Польша и Литва), а к иностранцам, что немцам, что англичанам, русский мужик привык априори относиться с недоверием.

Ситуация усугублялась тем, что к третьему году войны в связи с огромными потерями офицерского состава началось массовое производство младших офицеров из отличившихся солдат или из получивших хоть какое-то образование мобилизованных представителей «нецензовых» сословий. Это вызвало «размытие» офицерского корпуса – все больше младших командиров теперь разделяло точку зрения солдатской массы, то есть у этой массы появились потенциальные лидеры. В таких условиях продолжающееся участие России в войне стало представлять угрозу для стабильности не только режима, но и самого государства. Тем не менее большинство высокопоставленных военных этого не понимало и ориентировалось на продолжение войны, на выполнение обязательств перед союзниками.

Во-вторых, высокие потери в пехотных частях, невозможность восполнить число кадровых солдат и офицеров. Полковник царской армии Я. А. Слащов в 1922 г. писал: «Первые же шаги на

войне повлекли поражение на Восточно-Прусском и Варшавском фронтах и победы с такою большой кровью на Австрийском фронте, что кадровый состав на 3/4 выбыл из строя. Прибывало комплектование из забывших уже свою службу людей, совершенно «несколоченных», и из ратников ополчения, совершенно необученных... Итак, в 1915 году старая армия окончательно превратилась в ополчение без опытного комсостава, без способных вождей и без духа. Ничто не воодушевляло эту массу людей, и только привычка повиноваться заставляла ее кое-как нести боевую службу» [109, № 8, с. 30–33].

Об этой же проблеме пишет генерал А. А. Брусилов: «За три с лишком месяца с начала кампании большинство кадровых офицеров и солдат выбыли из строя... Прибывавшие на пополнение рядовые в большинстве случаев умели только маршировать, да и то неважно; большинство их и рассыпного строя не знали, и зачастую случалось, что даже не умели заряжать винтовки, а об умении стрелять и говорить было нечего... Чем дальше, тем эти пополнения приходили в войска все хуже и хуже подготовленными, невзирая на все протесты, жалобы и вопли строевых начальников» [9, с. 100–101].

В-третьих, перебои снабжения: нехватка винтовок, снарядов, обмундирования, продовольствия. Проблемы с нехваткой оружия и боеприпасов были характерными для первых лет войны, а проблемы с поставкой продовольствия с каждым годом усугублялись все больше. По воспоминаниям генерал А. А. Брусилова, о продовольственных проблемах в армии накануне Февральской революции: «Питание также ухудшилось: вместо трех фунтов хлеба начали давать два фунта строевым, находившимся в окопах, и полтора в тылу; мяса вместо фунта в день давали сначала три четверти, а потом и по полфунта. Затем пришлось ввести два постных дня в неделю, когда клали в котел вместо мяса рыбу, в большинстве случаев селедку; наконец, вместо гречневой каши пришлось зачастую давать чечевицу. Все это начало вызывать серьезное недовольство солдат» [9, с. 184].

В-четвертых, неустроенность тыла. Длительная война привела к серьезному росту цен. В военно-цензурных отчетах зафиксировано большое количество писем, в которых солдаты возмущаются

высокими ценами и наживающимися на войне спекулянтами: «Мы же не из дерева сделаны и не будем хладнокровно смотреть, как будут разорять наши семейства». Генерал А. И. Деникин пишет об этом следующим образом: «Своего рода естественной пропагандой служило неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фронта» [39, т. 1, с. 98].

В-пятых, недовольство правительством и властью. На правительство возлагали ответственность за проблемы снабжения армии, за неустроенность тыла и высокие цены.

Но, кроме того, недовольство солдат и офицеров вызывали императрица Александра Федоровна и ее фаворит Распутин, которых обвиняли в связях с немцами и в измене отечеству. Генерал Н. Н. Головин пишет: «Слухи об измене императрицы Александры Федоровны, о грязной роли Распутина, хотя и ложные, сыграли особенно разлагающую роль. Самое убийство Распутина членами Царской Семьи объяснялось в солдатских массах как доказательство справедливости циркулирующих слухов. Дезорганизация, наблюдаемая в тылу, недостаток в снабжении, расстройство транспорта, озлобленная критика правительства во всех слоях интеллигенции, с другой стороны – отталкивание общественных сил самим правительством, министерская чехарда и самое ничтожество выдвигаемых на эти посты лиц – все это широко проникало в гущу солдатской массы и атрофировало в ней всякое чувство доверия и уважения к правительственной власти» [28].

Об этом же пишет генерал Деникин: «Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 г. привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты» [102, с. 45–46].

Таким образом, мы видим картины серьезного разложения русской армии еще до Февральской революции. Это разложение про-

исходило исключительно по вине царского правительства. Царская власть, с одной стороны, создала тяжелые условия для солдат и их семей, с другой стороны, не могла убедительно объяснить солдатам, за что они должны терпеть лишения и проливать кровь.

Как известно, поводом для начала Февральской революции стали волнения в Петрограде, однако свергли царя не восставшие горожане, а его ближайшее окружение. Генералы Ставки принимали в этом активное участие: накануне отречения, командующие фронтами отправили Николаю II телеграммы, в которых просили его отказаться от престола в пользу наследника. После падения монархии в стране устанавливается двоевластие между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Разложение армии, начавшееся еще до революции, теперь происходит еще более стремительными темпами. Фактически за период с марта по октябрь 1917 г. русская армия оказалась большей частью разложена и небоеспособна. Свидетельств разложения русской армии в мемуарной литературе более чем достаточно. К примеру, генерал П. Н. Краснов в своих воспоминаниях писал: «Как только казаки дивизии соприкоснулись с тылом, они начали быстро разлагаться. Начались митинги с вынесением самых диких резолюций. Требования отклонялись, но казаки сами стали проводить их в жизнь. Казаки перестали чистить и регулярно кормить лошадей. О каких бы то ни было занятиях нельзя было и думать. Масса в четыре с лишним тысячи людей, большинство в возрасте от 21 до 30 лет, т. е. крепких, сильных и здоровых, притом не втянутых в ежедневную тяжелую работу, болтались целыми днями без всякого дела, начинали пьянствовать и безобразничать» [65, т. 1, с. 7].

Сохранились письма генерала М. В. Алексева, в которых он пишет Военному министру А. И. Гучкову, предупреждая о надвигающейся катастрофе, о том, что «волна разложения уже докатывается до окопов».

В другом письме он описывает моральное состояние армии: «Положение в армии с каждым днем ухудшается; поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению.

1. Дезертирство не прекращается: в армиях Северного и Западного фронтов дезертировало с 1 по 7 апреля 7 688 солдат как с передовых позиций, так и из запасных и ополченских частей, подчиненных фронтам; в армиях Юго-Западного и Румынского фронтов только с передовых позиций за то же время дезертировало 347 солдат. Цифры эти фактически явно и значительно преуменьшены. Это зло, с которым необходимо начать борьбу теперь же, так как нет возможности далее откладывать этот острый вопрос, постыдно лежащий на русский народ, в котором уснуло сознание долга...

2. Дисциплина в армии с каждым днем падает все больше и больше; виновные в нарушении воинского долга относятся к грозящим им уголовным карам с полным равнодушием, основанным, по-видимому, на ожидаемой безнаказанности.

3. Авторитет офицеров и начальников пал, и нет сил восстановить его. В среде офицеров под влиянием незаслуженных оскорблений и чинимых над ними насилий, под угрозой устранения их от фактической власти над своими подчиненными или передачи таковой под контроль солдатских комитетов, при невозможности восстановить подорванное в корне доверие и устранить все более и более разрастающуюся рознь дух офицерского корпуса падает все более и более.

4. В армиях развивается пацифистское настроение. В солдатской массе зачастую не допускается мысли не только о наступательных действиях, но даже и о подготовке к ним, на каковой почве происходят крупные нарушения дисциплины, выражающиеся в отказе солдат от работ по сооружению наступательных плацдармов...

5. Пораженческая литература и пропаганда свили себе прочное гнездо в армии...» [93, с. 61].

Излагая причины возникновения вышеперечисленных фактов, следует отметить, что после Февральской революции власть в стране принадлежала уже Петросовету и Временному правительству. Какие их действия повлияли на состояние армии?

1. Демократизация армии. Это и изданный Петросоветом «Приказ № 1», и работа «Поливановской комиссии» Временного правительства по «реорганизации армии на демократических началах». С одной стороны, начинается повсеместное создание солдатских

комитетов, солдаты начинают обсуждать приказы начальства. В армии появляются политические газеты и агитаторы разных партий, солдаты проводят митинги и собрания. С другой стороны, офицеры лишаются возможности производить репрессивные действия в отношении нарушающих дисциплину солдат.

2. Потеря единоначалия. Если раньше солдаты подчинялись офицерам, то теперь в армии появляются связанные с Петросоветом солдатские комитеты и комиссары Временного правительства. Деникин прямо пишет, что появление комиссаров было связано с недоверием Временного правительства к командному составу. Такое же недоверие часто проявляли и сами солдаты. В итоге офицер оказывался в странном положении, когда любой его приказ может быть оспорен. Более того, негодные офицеры могли быть подвергнуты аресту или убиты своими солдатами. Генерал Деникин описывает это следующим образом: «1 марта Советом рабочих и солдатских депутатов был отдан приказ № 1, приведший к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников, – приказ, имеющий такую широкую и печальную известность и давший первый и главный толчок к развалу армии» [102, с. 55].

3. Массовое увольнение из армии большого числа старших офицеров. Крайне негативно оценивают роль Военного министра Гучкова генералы Верцинский и Бонч-Бруевич. Они обвиняют министра в том, что он уволил из армии большое число негодных офицеров и заменил их на собственных фаворитов, раздавая должности не по заслугам, а за лояльность.

4. Противоречия внутри политических кругов, захвативших после февраля власть. Как известно, отречения царя потребовали две силы – армейская верхушка и Временное правительство. В таких условиях генералы почувствовали вкус власти и не собирались от нее отказываться. В последующем Временное правительство не доверяло высшему военному руководству, боялось его и поэтому приложило все усилия для лишения военного командования дисциплинарных полномочий.

В результате за несколько месяцев после революции порядок в русской армии был разрушен. Невозможно воевать частями, в

которых солдаты не слушаются офицеров, не исполняют своевременно приказы или не исполняют их вовсе. Остается вопрос: какую роль во всем происходящем играли большевики?

Если говорить о появлении «Приказа № 1», то его текст составили солдаты восставших гарнизонов, а утвердил его исполком Петросовета. По воспоминаниям участников тех событий, причиной принятия «Приказа № 1» было недоверие к Временному правительству – боязнь того, что офицеры разоружат восставшие гарнизоны и задавят революцию. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что у них были причины для таких опасений. Из пятнадцати человек, входивших первоначальный состав исполкома, лишь двое были большевиками. Большевики поначалу не обладали ни достаточной численностью, ни влиянием в Петросовете. Наибольшее влияние в этот период имели эсеры и меньшевики. Более того, до приезда В. И. Ленина и принятия партией его «апрельских тезисов» в качестве программы дальнейших действий большевики в вопросе о войне не расходились радикальным образом с позицией других социалистических партий.

Таким образом, можно логически заключить, что большевики не могут нести единоличную ответственность за развал армии после Февральской революции. Наибольшую роль в появлении «Приказа № 1» сыграли социалисты других партий. Кроме того, факты подтверждают, что в резком снижении дисциплины в армии значительную роль сыграли разрушительные действия Временного правительства. По словам генерала Деникина: «Ни один будущий историк русской армии не сможет пройти мимо поливановской комиссии – этого рокового учреждения, печать которого лежит решительно на всех мероприятиях, погубивших армию. С невероятным цинизмом, граничащим с изменой Родине, это учреждение, в состав которого входило много генералов и офицеров, назначенных Военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило тлетворные идеи и разрушало разумные устои военного строя» [40, с. 207].

К февралю РСДРП(б) была довольно малочисленной и вдобавок вплоть до апреля лишена руководства, находившегося в эмиграции. Тем более слабы были ее позиции в армии. То есть в первые два месяца после революции большевики имели крайне мало

возможностей широко воздействовать на солдатские массы. К примеру, первая большевистская газета на Северном фронте, «Окопная правда», начала выходить только с 30 апреля 1917 г.

На совещании высшего генералитета 16 июля 1917 г., где разбирались причины снижения дисциплины в армии, А. Ф. Керенский ожидал, что генералы прежде всего укажут на большевиков, о которых в эти дни писали все газеты. Однако в числе основных причин разложения армии были названы другие. «Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю, – решительно заявил Деникин. – ...Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени, люди, не понимающие быта и условий существования армии» [64, № 6, с. 12].

Поддержка братания, судя по всему, была вызвана популярностью этого явления на фронте, ставшего творчеством самих солдатских масс как с русской стороны, так и со стороны противника – германцев и австрийцев.

Интересен факт, что после подавления корниловского мятежа, большевистские комитеты все чаще начали противодействовать распаду армии, а военные формирования, в которых преобладали побольшевистски настроенные солдаты и матросы, мужественно сражались на полях битв в отличие от царских генералов, практически без боя сдавших Ригу. Об изменении отношения большевиков к военным действиям В. И. Ленин позднее писал: «Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в «Правде» воззвание, которое Крыленко, тогда еще преследуемый, опубликовал по армии... Он сказал: «К бунтам мы вас не зовем». Это не было разложением армии. Разлагали армию те, кто объявил эту войну великой... Мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт...» [72, т. 36, с. 114–115].

Да, большевики были против войны, и эта позиция была последовательной, обозначенной еще в 1914 г., а не вызванной политической конъюнктурой. Большевики были единственной партией, выступавшей за скорейшее прекращение войны, – и это обеспечивало им потенциальную поддержку солдатской массы. Но реально большевики начали свою активную агитацию за мир во чтобы то ни стало «без аннексий и контрибуций» в апреле 1917 г., когда

дисциплина в армии была значительно подорвана действиями Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

После провала попытки установить диктатуру «центра» стало ясно, что тоже самое попытаются проделать как «правые», так и «левые». Но ситуация цугцванга опять сыграла свою роль. Первый шаг (корниловский мятеж) был сделан правыми – и оказался провальным. Но подавление мятежа лишило Временное правительство сколь-нибудь серьезной опоры в армии, тем самым расчистив дорогу большевикам.

Таким образом, факты свидетельствуют, что морально-психологическое состояние и дисциплина русской армии в ходе Первой мировой войны имели тенденцию к постоянному снижению, что в конечном итоге привело к ее полному разложению в ходе Великой русской революции. Причиной этому явились неспособность сначала самодержавия, а затем и Временного правительства создать нормальные политические, экономические и идеологические условия функционирования русской армии в условиях многопартийности и нарастания революционного движения в стране. Существующая в современном историческом сообществе Российской Федерации политически ангажированная тенденция – во всех проблемах 100-летней давности, в том числе в падении царского самодержавия и разложении царской армии, винить большевиков, не соответствует реальным событиям в обозначенный исторический период. Такой подход вредит объективному взгляду на события прошлых лет, не позволяет видеть реальных причин падения дисциплины армии, связанных в первую очередь с недостатками в деятельности «партии власти». Только знания действительного хода событий, основанные на изучении архивных и документальных источников, позволят не допустить повторения событий столетней давности в современных условиях, позволят выстроить оптимальный базис российского общества и соответствующую ему надстройку, обеспечить поступательное мирное развитие Российского государства в современных условиях.

В. Н. Суряев,
*ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Вооруженных сил Республики Беларусь,
кандидат исторических наук*

Особенности Гражданской войны на территории современной Беларуси (1917–1920 гг.)

Представляется верной точка зрения, трактующая Гражданскую войну в России, главным образом как вооруженное противоборство военно-политических структур и государственных образований, условно определяемых как «белые» и «красные» на территории бывшей Российской империи. В войне участвовали также те, кого можно назвать «третьей силой», чьи структуры возникали стихийно (отряды повстанцев, партизан, даже партизанские республики); кроме того, происходило вмешательство войск интервентов.

Исходя из подобного понимания, главной особенностью событий тех лет на территории современной Беларуси, по нашему мнению, являлось то, что Гражданской войны в устоявшемся понимании этого явления как вооруженного противоборства между белыми и красными здесь почти не было. Несмотря на то, что военные действия, безусловно, велись.

Так случилось главным образом потому, что Белого движения как ведущей силы антибольшевистского лагеря в Беларуси не возникло, соответственно, оно не получило значительного развития. Единственным воинским формированием, которое можно отнести к Белому движению, был Пинско-Волынский добровольческий батальон. До конца 1919 г. он вел бои с красными войсками на белорусской территории, а затем влился в состав вооруженных сил Юга России и в январе 1920 г. прибыл в Крым [41, с. 35]. Остальные антисоветские формирования в Беларуси к белым отношения не имели.

В свое время всех врагов Советской власти – и белогвардейцев, и националистов, стремившихся к отделению от Советской России, и формирования различных социалистических партий, кроме большевиков, и иностранные войска без разбора называли «белыми». Так возникли белофинны, белочехи, белокитайцы и прочие экзотические названия. Однако все они выступали под совершенно иными, нежели у белых, лозунгами и преследовали собственные цели, отличавшиеся от целей Белой гвардии.

Например, к белым причисляли 1-й Польский корпус, называя к тому же его командира генерал-лейтенанта И. Р. Довбор-Мусницкого «мятежником». Но этот человек не присягал на верность ни красным, ни белым. Бывший генерал русской императорской армии, этнический поляк, с большевиками никогда не сотрудничал, воевал с ними на территории белорусских губерний и выступал за создание суверенной Польши. Боевые столкновения войск Довбор-Мусницкого с красными частями в январе – феврале 1918 г. и занятие ими Минска в феврале того же года можно назвать скорее польско-советским вооруженным конфликтом, нежели эпизодом Гражданской войны.

«Белым» в свое время называли и другого известного деятеля тех лет – С. Н. Булак-Балаховича. Однако он выступал то на стороне красных, то на стороне белых, то действовал вместе с польскими войсками, то провозглашал создание Белорусского государства. Он был типичным порождением революционных лет, не имевшим твердых политических принципов. Поэтому назвать его части (так называемую русскую народную добровольческую армию) «белыми» невозможно. Антисоветское восстание на Гомельщине весной 1919 г. («стрекопытовщина»), когда против власти большевиков выступили два красноармейских полка, проходило под эсеровскими лозунгами, и тоже никак не могло относиться к Белому движению.

Никакого отношения к «белым» не имели и участники известного Слуцкого восстания 1920 г., выступавшие под лозунгами независимости Беларуси. Региональные политические деятели Слуцка заявили о своем намерении восстановить в уезде власть

БНР и отстаивать суверенитет как перед польской, так и перед советской стороной. Удалось сформировать два полка, которые на протяжении месяца вели бои с наступающей Красной армией. Когда у них закончились боеприпасы, они перешли на польскую территорию и были интернированы.

Отсутствию Белого движения на территории Беларуси способствовали два фактора. Во-первых, Западный фронт русской армии, находившийся на белорусской территории, был наиболее большевизированным фронтом Первой мировой.

О поддержке советской власти уже в период с 26 по 31 октября 1917 г. заявил Военно-революционный комитет 3-й армии Западного фронта, съезд представителей солдатских комитетов 10-й армии того же фронта, 2-й съезд Гренадерского корпуса, собрание солдат 69-й пехотной дивизии, 4-й Сибирской тяжелой полевой артиллерийской бригады, 267-го пехотного Духовщинского полка [11, т. 2, с. 34–35, 46, 57–61, 64–65, 67–68] и т. д.

Это обусловило переход власти после октября 1917 г. в руки сторонников советской власти, а в начале 1918 г. воспрепятствовало образованию крупных антисоветских структур.

Во-вторых, свою роль сыграли германский, а затем – польский оккупационные режимы. Оккупанты поддерживали на занятой белорусской территории определенный порядок, так как не были заинтересованы в войне на захваченных ими землях.

В то же время Белое движение в известном смысле зародилось именно на белорусской земле, а точнее в небольшом городе Быхов Могилевской губернии. Осенью 1917 г. здесь находились в заключении генералы Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, С. Л. Марков, И. Г. Эрдели, А. С. Лукомский, И. П. Романовский и другие участники корниловского выступления в августе 1917 г. Именно здесь зародилась идея создания Добровольческой армии, которая была реализована на Дону.

По воспоминаниям одного из «быховских сидельцев», на общем собрании заключенных был поднят вопрос: продолжать борьбу или считать дело оконченным? Все единогласно признали необходимым продолжать. Возник спор о формах дальнейшей

борьбы. Нашлось немало защитников создания «корниловской политической партии». Однако было решено, что имя Корнилова должно стать знаменем, вокруг которого соберутся общественные силы, политические партии, профессиональные организации – все те элементы, которые можно объединить в русле общенационального движения в пользу восстановления государственности. Решено было также, став в стороне от всяких политических течений, объявить строго деловую программу – не строительства, а удержания страны от окончательного падения.

В Быхове была принята утвержденная Л. Г. Корниловым так называемая «корниловская программа»:

1. Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких «безответственных организаций» – впредь до Учредительного Собрания.

2. Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.

3. Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России.

4. Создание боеспособной армии и организованного тыла – без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.

5. Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления эффективной работы фабрик и заводов. Упорядочение продовольственного дела с привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6. Разрешение основных государственных, национальных и социальных вопросов откладывалось до Учредительного Собрания [38, с. 120–121].

Нельзя не заметить, что программа, намеченная в Быхове, во многом совпадала с тем, что говорилось Л. Г. Корниловым и его сторонниками в период их выступления в августе. Еще в июле, вскоре после его назначения Верховным главнокомандующим в

Ставке была подготовлена записка, которую генерал вручил А. Ф. Керенскому. В ней предлагалось:

- определить точную компетентность войсковых комитетов всех уровней перед законом, их ответственность за превышение власти;

- восстановить строжайшую дисциплину в армии и на флоте, с применением смертной казни за ряд тягчайших преступлений;

- объявить железные дороги на военном положении, в крупных узловых центрах учредить военно-революционные суды;

- объявить на военном положении угольные копи, а также все заводы, работающие на оборону;

- запретить на заводах митинги и собрания, установить контроль над производительностью труда [118, с. 40–42].

Очевидно, что предлагавшиеся Корниловым и его сторонниками меры затрагивали лишь вопросы повышения боеспособности армии и укрепления военного потенциала страны.

Однако записка на рассмотрение правительства представлена не была. А. Ф. Керенский и Временное правительство придерживались иных взглядов и не придали значения предложениям Л. Г. Корнилова.

Генерала Корнилова обвиняли в стремлении к личной диктатуре, но он не ставил диктатуру самоцелью. В силу этого окончательное решение вопроса ставилось в полную зависимость от хода событий: будет достигнуто соглашение с Керенским и изменение курса государственной политики – тогда возможно устройство власти в порядке сговора, возможны и коллективные формы ее; не будет достигнуто соглашение, и, следовательно, исчезнут всякие надежды на спасение страны, – предстояло насильственное устранение представителей верховной власти, после чего рисовалась одна перспектива – личная диктатура. По сути происходил поиск мучительного искания наилучшего и наиболее безболезненного разрешения кризиса власти [38, с. 41, 42].

Видимо, не случайно, в некоторых трудах советского времени отмечалось, что ближайшее окружение генерала утверждало: Корнилову была совершенно чужда идея объявления себя единоличным диктатором.

Между тем, ситуация в стране накануне характеризовалась стремительным нарастанием хаоса в общегосударственном масштабе, развалом вооруженных сил и бессилием официальной власти. Генерал Корнилов как патриот России решил силовыми методами изменить власть в стране, считая, что тем самым можно остановить развал государства. Именно поэтому в конце августа он двинул войска на Петроград. Один из историков русского зарубежья писал, что ставилась задача прежде всего преобразовать Временное правительство в сильную национальную власть.

Чем закончилось корниловское выступление в августе, общеизвестно.

Отметим лишь, что после его провала, когда стало известно о грядущем аресте лиц, возглавлявших выступление, Л. Г. Корнилов принял решение не оказывать вооруженное сопротивление отряду правительственных войск, двигавшихся, чтобы занять Ставку. Мотивировалось это тем, что сопротивление даст повод Временному правительству подтвердить его версию о «мятеже» и стремлении к диктатуре, а также тем, что Ставка в любой ситуации должна заниматься своими прямыми обязанностями – управлением войсками на фронтах.

После Октябрьской революции ситуация в стране резко изменилась и Гражданская война, по нашему мнению, становилась неизбежной. Представляется, что одним из ее первых дней в Беларуси, да и на территории всей бывшей Российской империи можно считать 20 ноября 1917 г. В этот день в Могилеве был убит без суда и следствия исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего русской армии генерал-лейтенант Н. Н. Духодин. В этот же день произошли первые боевые столкновения красных отрядов и будущих белых под г. Жлобин. Находившийся в городе 2-й Оренбургский ударный батальон вышел из Жлобина навстречу большевикам, разобрал пути у станции Красный Берег и целый день отбивал атаки бронепоезда и 60-го Сибирского полка, прикрывая отход других ударных частей. Пролилась первая кровь Гражданской войны на белорусской земле. С этого дня начались многие необратимые процессы, отзвуки которых слышны

и сегодня. В этот же день, 20 ноября вместе с Текинским полком ушел на Дон Л. Г. Корнилов; остальные его соратники стали добираться на Дон железнодорожным транспортом.

Выводы

1. Использование силовых методов для решения социально-политических проблем может способствовать началу Гражданской войны, что неизбежно приведет к ослаблению страны в целом, огромным жертвам среди населения и большим материальным потерям.

2. Гражданская война не может полностью разрешить противоречия, возникшие в обществе, она лишь консервирует их и через определенное время может побудить наследников проигравших к попытке взять реванш. Но даже в условиях, когда реванш невозможен, раскол среди населения страны может сохраняться в течение многих поколений.

3. Важным обстоятельством, способствовавшим началу Гражданской войны, стало то, что не было концепции развития государства, соответствовавшей интересам большинства населения, и не реализовывался принцип социальной справедливости. Результатом стали вооруженное гражданское противостояние, огромные жертвы и материальные потери. События в некоторых сопредельных странах свидетельствуют, что подобное возможно и в XXI в.

4. Гражданский мир в обществе и стране возможен только в случае, если обе стороны – власть и оппозиционные силы – проводят действительно ответственную политику, учитывают всю совокупность внутренних и внешних факторов, влияющих на выработку оптимального курса развития государства и общества.

В. П. Зимонин,
*профессор кафедры военного регионоведения
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*

Интервенция Антанты на Дальнем Востоке

В азиатской части территории России военные действия иностранных вооруженных формирований, ведущую роль в которых с согласия держав Антанты взяла на себя Япония, были активными и масштабными.

Сибирь и Дальний Восток географически и по своему природному потенциалу оказались одними из самых привлекательных «кусков российского пирога». По решению Парижской конференции руководящих кругов Антанты, 9 (22) декабря 1917 г. Дальний Восток становился «зоной действия» (зоной ответственности) США и Японии при ведущей роли последней. Однако участвовать в военной интервенции здесь не отказались и другие страны Антанты – Великобритания, Франция, Италия, Румыния, Польша, Китай, хотя большинство из последних государств участвовали в интервенции почти символически.

16 марта 1918 г. в ходе Лондонской конференции премьер-министров и министров иностранных дел стран Антанты Военный совет союзников по предложению премьер-министра и военного министра Франции Ж. Клемансо принял решение о «союзной интервенции в Восточной России» при поддержке со стороны США и с привлечением Японии, за которым вскоре последовала высадка на Дальнем Востоке японских и других войск стран «Согласия» [82, т. 2–3, с. 171], что уже никак нельзя было связать с противодействием германскому вторжению в Россию. Истинной целью интервенции, конечно же, было оказание помощи тем силам, которые встали на путь борьбы с большевиками, поддержка различного рода правительств, возникавших на территории бывшей

Российской империи и установления в России так называемого «законного и прочного правопорядка».

Интервенция Антанты на Дальнем Востоке происходила в три этапа. С 1918 по март 1920 г. в ней участвовали все вышеперечисленные государства Антанты. С апреля 1920 г. по октябрь 1922 г. – на материковой части Восточной Азии и на Северном Сахалине – только одна Япония, заинтересованная прежде всего в новых территориальных приобретениях, которые она не получила после Русско-японской войны 1904–1905 гг., и, вплоть до начала 1925 года, по той же причине – на Северном Сахалине. Речь шла не только о российских землях на берегах Тихого океана, но и о территориях вплоть до Забайкалья.

Уже в начале ноября 1917 г. официальные представители США (госсекретарь США Р. Лансинг) и Японии (японский посол в Вашингтоне К. Исии) заключили между собой соглашение по «проблеме» бывшего царского, а теперь советского Дальнего Востока. В историю дипломатии этот договор вошел как «соглашение Лансинг – Исии». По соглашению, за Токио признавались его «особые интересы» в Китае и одновременно решались общие организационные вопросы военной интервенции на Востоке России.

Однако Вашингтон, имевший собственные интересы на Дальнем Востоке, не был склонен отдавать судьбу этого региона преимущественно в руки японцев. Великобритания, как и другие европейские страны – члены Антанты, связанные продолжавшейся войной с Четверным блоком, были не прочь переложить ответственность за проведение политики «Согласия» на освободившуюся от участия в военных кампаниях Первой мировой войны Японию. Это соответствовало желаниям официального Токио. В поддержку интервенции уже в декабре 1917 г. выступили русофобы во главе с министром иностранных дел Японии Мотоно, считавшими, что в Россию можно послать войска и без согласия союзников. Поэтому в январе 1918 г. британский министр иностранных дел А. Бальфур предложил – по просьбе Токио – поручить именно Японии оккупацию Транссибирской железной дороги. Это вызвало тревогу в США. Президент В. Вильсон боялся, очевидно, одного – как бы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не оста-

лись там... «Их военные руководители, вероятно, не придавали бы интервенции большого значения, считал он, если бы они не рассчитывали, что ее результатом будет их контроль над Восточной Сибирью» [14, с. 56, 57].

18 февраля 1918 г. после ряда согласований Верховный военный совет Антанты принял решение об оккупации японскими войсками Владивостока и Харбина, а также КВЖД.

Американский посол в России Д. Френсис еще 21 февраля телеграфировал государственному секретарю США Р. Лансингу: «Я серьезно настаиваю на необходимости взять Владивосток под наш контроль, а Мурманск и Архангельск передать под контроль Великобритании и Франции». Это требование вскоре нашло практическую реализацию. 1 марта во Владивостокский порт вошел американский крейсер «Бруклин». На «Бруклине» держал свой флаг главнокомандующий Азиатским флотом США адмирал Найт. В конце декабря 1917 г. и в начале января 1918 г. на Владивостокский рейд прибыли японские крейсера «Асахи» и «Ивами», а также английский крейсер «Суффолк».

На всех этих кораблях Антанты находились десантные силы, готовые по первому приказу сойти на берег. Нужен был только повод для этого. Такой повод первыми нашли японцы. 4 апреля 1918 г. якобы «неизвестные лица» совершили вооруженное нападение на Владивостокское отделение японской торговой конторы «Исидо», как было объявлено японцами, в целях ограбления. В ходе этой акции, устроенной японскими спецслужбами, были убиты два гражданина Японии. Эскадра кораблей стран Антанты сразу же пришла в движение и оказалась теперь уже не на внешнем рейде Владивостока, а у причалов с внутренней гавани – бухты Золотой Рог. 5 апреля во Владивостоке высадились две роты японских пехотинцев и полурота английских морских пехотинцев, которые заняли важные пункты в порту и центре города. На следующий день с японских кораблей на берег высадился новый десантный отряд из 250 моряков. Японцы захватили о. Русский с его крепостными укреплениями и артиллерийскими батареями, военными складами и воинскими казармами.

Командовавший японским крейсерским отрядом адмирал Х. Като, по приказу которого во Владивостоке был высажен десант, обратился к городскому населению с воззванием. В нем он извещал, что Япония в его лице берет на себя охрану общественного порядка во Владивостоке и его окрестностях. Указывалась и причина такого решения: обеспечение личной безопасности многочисленных иностранных граждан, проживавших в портовом городе. Так, без ружейной пальбы и грохота артиллерийских залпов начиналась вооруженная интервенция Антанты на российском Дальнем Востоке [68, с. 20].

Вслед за японскими и британскими десантами последовали американские, французские и итальянские войска. Но если, например, американцев было всего 7 500, то японцев – более 70 тыс. человек [17, т. 2, с. 248].

У Японии в действительности были не столько антибольшевистские, сколько экспансионистские намерения. В начале 1918 г. японские интервенционистские силы, создавая на территории Монголии и Китая одну за другой белогвардейские банды, стали засылать их на советскую территорию и зону КВЖД, а с апреля 1918 г., совершив во Владивостоке провокацию, начали открытую интервенцию.

В марте 1918 г. Япония заключила с прояпонским пекинским правительством Дуань Цижуя соглашение «о военном сотрудничестве», направленном против Советской России. В целях борьбы с «большевистской опасностью» японские войска получили право дислоцироваться в ряде пунктов на территории Китая. В сентябре 1918 г. Япония заключила новое военное соглашение с китайским правительством, направленное против Советской России.

Начало высадки войск Антанты на юге Приморья послужило сигналом для наступательных действий белых войск. В апреле развернул новое наступление на юге Забайкалья атаман Г. М. Семенов (в его Особом Маньчжурском отряде насчитывалось 600 набранных с разрешения японских властей из числа отслуживших в армии Японии резервистов-«добровольцев», в том числе артиллеристов, ставших главной боевой единицей отряда), активизировал свои действия атаман Уссурийского казачьего войска И. М. Кал-

мыков. И тот, и другой получили от Японии и других интервентов помощь оружием и боеприпасами.

Семеновские войска продвигались вдоль железной дороги, нацеливаясь на город Читу. В мае 1918 г. атаман Семенов на станции Борзя объявил себя, кадета С. А. Гаскина и генерала И. Ф. Шильникова (близких ему людей) «Временным Забайкальским правительством». Это «правительство» только с весны до осени 1918 г. получило от Японии военной и финансовой помощи почти на 4,5 млн рублей. За этот же период Франция оказала помощь атаману Семенову на сумму свыше 4 млн рублей, Великобритания – в размере 500 тыс. рублей.

20 июня власть во Владивостоке захватили поддерживаемые Антантой белочехи. К этому времени там находились около 15 тыс. солдат и офицеров. Председатель исполнительного комитета Владивостокского совета К. А. Суханов и другие члены совета – большевики – были расстреляны. К власти пришла городская дума, в которой большинство мест имели правые социалисты-революционеры (эсеры) и меньшевики. Однако в начале лета 1918 г. войска Красной армии и партизаны нанесли поражение отрядам атаманов Семенова и Калмыкова, а так же частям белочехов, попытавшимся развернуть наступление на север Приморья. Это заставило Антанту (прежде всего Японию) усилить свое военное присутствие в Приморье, а американского президента В. Вильсона принять решение о посылке своих экспедиционных войск на российский Дальний Восток для его оккупации. Адмирал Х. Като получил указание расширить зону действия японских экспедиционных сил. Он решил прежде всего овладеть устьем реки Амур. 2 августа 1918 г. в город Николаевск-на-Амуре в сопровождении четырех миноносцев прибыло несколько японских транспортов с десантными войсками.

Во Владивосток начали прибывать все новые войска интервентов. 3 августа там высадился переброшенный из Гонконга английский 25-й Миддлсекский полк в главе с полковником Дж. Уордом, 9 августа – французский батальон, 12 августа – 12-я японская пехотная дивизия численностью около 16 тыс. человек, 16 августа – американский экспедиционный корпус из двух полков и вспомогательных подразделений (около 9 тыс. человек). 18 авгу-

ста верховным главнокомандующим союзными войсками Антанты на российском Дальнем Востоке назначается японский генерал К. Отани. Под его командование попадали все интервенционистские силы. Принятые Антантой меры обеспечили тем не менее лишь временный успех.

К началу осени 1918 г. советская власть сохранилась в основном в центральных районах России и на части территории Туркестана. Всего к февралю 1919 г. на территории России находились союзные войска общей численностью 202,4 тыс. солдат и офицеров, в том числе – 44,6 тыс. английских, 13,6 тыс. французских, 13,7 тыс. американских, 80 тыс. японских, 42 тыс. чехословацких, 3 тыс. итальянских, 3 тыс. греческих, 2,5 тыс. сербских [82, т. 2–3, с. 194].

В конце 1918 г. ЦК РКП(б) и правительство РСФСР на основе предложений РВСР и главкома И. И. Вацетиса приняли кардинальные меры по укреплению Красной армии. В постановлении ЦК от 26 ноября 1918 г. требовалось установить на фронте революционную диктатуру и развить с наивысшей энергией наступление на всех фронтах, в т. ч. в Сибири и на Дальнем Востоке, что и было сделано в последующие месяцы.

Поражения «белых» армий к концу 1919 г. вынудили «союзников» пойти на сворачивание интервенции: 16 декабря англичане, французы и американцы решили отозвать войска с Дальнего Востока и из Сибири, что и было сделано в начале 1920 г. Японцы не спешили следовать их примеру и продолжили военную интервенцию на материке вплоть до 1922 г., а с захваченного ими в 1918 г. Северного Сахалина ушли только в 1925 г.

Н. С. Кирмель,
*действительный член Академии военных наук,
доктор исторических наук, профессор*

Сотрудничество и противостояние белогвардейских контрразведывательных органов и разведслужб интервентов

После Октябрьской революции 1917 г. территория расколотой Российской империи стала ареной борьбы за власть, сферы влияния, природные ресурсы и рынки сбыта как внутренних, так и внешних сил. Поэтому повышенное внимание к белогвардейским государственным образованиям, боровшимся «за единую и неделимую», проявляли не только Советская Россия и Германия, но и союзники – Великобритания, США, Франция и Япония. Шпионажем против белых занимались все державы, участвовавшие в Гражданской войне в России.

Деятельность разведывательных служб интервентов на территориях, подконтрольных белым армиям, отечественной исторической наукой изучена слабо, причина в источниковой базе: в архивах сохранилось мало документов контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий, работавших против разведок союзников. В западной историографии деятельность спецслужб интервентов рассматривается сквозь призму борьбы разведок стран Антанты с большевиками. При этом историки не затрагивают вопросы разведывательной деятельности Великобритании, США и Франции против белогвардейских режимов, тем самым замалчивая геополитические цели интервенции.

С учетом вышеперечисленных обстоятельств и лимита времени ограничимся фрагментарным отражением данной темы.

После захвата интервентами Архангельска в августе 1918 г. было образовано Верховное управление Северной области. Параллельно с белогвардейской контрразведкой функционировали английское, французское, американское и бельгийское отделения

военно-регистрационной службы. Их главной задачей было очищение Северной области от лиц, запятнавших себя сотрудничеством с Советской властью. Белогвардейская контрразведка находилась практически в полной зависимости от интервентов, в первую очередь – англичан. По этой причине они не могли проводить каких-либо контрразведывательных мероприятий против союзников, чувствовавших себя хозяевами в регионе. Тем не менее по возможности белогвардейские органы безопасности фиксировали враждебные России действия «партнеров». Так, контрразведка вскрыла проводимую англичанами операцию по выкачиванию при помощи военнослужащих валюты у местного населения. Агент Журун 26 ноября 1918 г. докладывал начальнику военно-регистрационного бюро в Мурманске, что им при негласной проверке установлен факт сотрудничества железнодорожного мастера станции Сорока К. П. Бриже с французской спецслужбой.

Обстановка на Юге была несколько иной, нежели на Севере. Генерал А. И. Деникин считал англичан и французов союзниками в борьбе с большевиками и полагал, что их войска будут играть вспомогательную роль в осуществлении его планов. Контрразведка вооруженных сил на Юге России, взаимодействуя с разведслужбами союзников в борьбе с красными, в то же время вела за ними наблюдение. Органам безопасности Юга России удалось выявить английскую разведывательную организацию, действовавшую под флагом «Красного креста».

Американцы активно вели разведку в Сибири. К разведывательной работе ими привлекались консульства во Владивостоке, Харбине, Чите, Иркутске, Красноярске, Томске, Омске, Екатеринбурге, а также военные представители и общественные организации.

В поле зрения особого отделения управления 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем попал кадровый разведчик армии США майор Слоутер, действовавший под прикрытием военного представителя. В докладе начальника особого отделения второму генерал-квартирмейстеру при ВГК о поездке американца на фронт Сибирской армии 23 июня – 3 июля 1919 г. говорится следующее: «...внимательно относился к железнодорожному движению, каждый день делал пометки в записной

книжке, в штабе Сибирской армии и Северной группы изучал расположение частей и знакомился с последними оперативными распоряжениями. Все донесения, имеющие важное значение, направляются Слоутером в Вашингтон».

Находившихся вместе с американцами колчаковских офицеров поразила их осведомленность. Так, 25 июня 1919 г. консул в Екатеринбурге Фермер сообщил Слоутеру о том, что 26 июня готовится удар красных на Пермь. И в этот же день белые части были атакованы.

Чтобы воспрепятствовать утечке информации о реальной ситуации на фронтах, начальник особого отделения предлагал в момент тяжелых боев не разрешать поездки иностранцам в район боевых действий. Пожалуй, это единственная мера, которую мог позволить себе зависящий от поставок союзников колчаковский режим. Пойти на более радикальные шаги, например, арест и высылку за пределы Сибири американских разведчиков, белогвардейские спецслужбы не решались.

В апреле 1919 г. на Дальнем Востоке была установлена связь американской разведки с большевистскими и эсеровскими организациями, представители которых являлись ее агентами. С весны колчаковская контрразведка стала регулярно получать данные о том, что американские военные передают партизанам оружие, снаряжение и боеприпасы. В ходе нападений повстанцев американские гарнизоны почти никогда не оказывали им сопротивления, в свою очередь красные предпочитали их не трогать. По данным белых контрразведчиков, между ними существовало тайное соглашение «о содействии».

Во избежание возможных осложнений с союзниками белогвардейская контрразведка не предприняла мер к окончательной ликвидации одновременно всех участков организации, а намеревалась произвести аресты в пути. Для проверки имеющихся сведений и ликвидации соучастников прогнозируемого контрразведкой восстания во Владивосток, Иркутск и другие города были командированы специальные агенты.

В сентябре 1919 г. владивостокские контрразведчики, ссылаясь на достоверные источники, сообщали в Омск об усиленной

политической и военной разведке, начатой местным штабом американских войск. Для того чтобы себя не компрометировать, американцы пригласили на руководство спецслужбой чеха поручика Муравца, ранее служившего в немецкой контрразведке.

Для колчаковских спецслужб остался неизвестным чешский тайный агент Джон (оперативный псевдоним), внедренный в ближайшее окружение генерала М. К. Дитерикса. Он регулярно докладывал своему куратору майору Марино о разговорах начальника штаба Верховного главнокомандующего с адмиралом А. В. Колчаком, с офицерами своего штаба и даже женой. По отчетам Джона можно судить, что он встречался со многими высокопоставленными лицами, в частности с командующим 1-й Сибирской армией генералом А. Н. Пепеляевым, по своим взглядам близко стоявшим к эсерам и выступавшим за демократизацию колчаковского режима. В январе 1920 г. он направил Марино рапорт о составе советских органов власти в Иркутске, а в марте уже докладывал об обстановке в Чите.

На кого работал Джон в то время, когда чешские части под ударами Красной армии бежали на восток вместе с награбленным в России добром? Этот вопрос остается для нас без ответа, поскольку колчаковская контрразведка к тому времени лежала под обломками режима, которому верно служила. Зато спецслужбы интервентов продолжали свою работу, поэтому ответы можно найти в архивах одной стран-союзниц адмирала А. В. Колчака.

Из вышесказанного следует, что разведорганы интервентов, с одной стороны, оказывали поддержку белогвардейским спецслужбам в борьбе с большевиками, а с другой – проводили разведывательные мероприятия в основном политического и экономического характера, поддерживали сепаратистские течения, эсеровские выступления и т. д.

Приведенные выше примеры в очередной раз свидетельствуют о том, что на территории России интервенты преследовали свои цели, а не защищали интересы белогвардейских государственных образований. Это должно послужить уроком тем силам, кто пытается решить свои проблемы, прибегая к помощи Запада.

А. С. Русак,

*заместитель начальника (по идеологической
работе и военно-социальным исследованиям)
Научно-исследовательского института
Вооруженных сил Республики Беларусь*

К вопросу о Гражданской войне в белорусских губерниях бывшей Российской империи

Через горнило страшной Гражданской войны прошли практически все страны современного постсоветского пространства. В тот период белорусская земля также не избежала боевых действий и человеческих жертв, но Гражданской войны в общепринятом понимании, как вооруженного противоборства между белыми и красными, здесь практически не было.

После Октябрьской революции 1917 г. власть на белорусской территории в восточных губерниях перешла к большевикам, в то время как западные остались под германской оккупацией. О победе вооруженного восстания в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г. стало известно в Минске. В тот же день исполком Минского совета депутатов издал указ № 1, в котором говорилось: «В Минске власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, который обратился ко всем революционным организациям и политическим партиям с предложением немедленно приступить к организации временной революционной власти на местах» [11, т. 2, с. 30–31].

Действия Минского совета поддержал областной комитет Советов Западной области (Витебская, Минская, Могилевская и часть Виленской губернии).

О поддержке советской власти заявили также Гомельский совет рабочих и солдатских депутатов, Советы Лунинца, Докшиц, Замирья, Несвижа и других населенных пунктов Минской губернии, Центрального бюро профсоюзов Минска, собрание рабочих и служащих Витебского железнодорожного узла и др. [11, т. 2, с. 34–35, 46–65, 67–6, 4–5, 116–117].

Аналогичную позицию заняли большинство частей и соединений Западного фронта, являвшегося наиболее «большевизированным».

Однако образовавшийся 27 октября (9 ноября) 1917 г. в Минске из представителей ряда социалистических партий и эсеро-меньшевистского фронтового комитета Западного фронта Комитет спасения революции отказался признать Советскую власть.

Наступило своего рода двоевластие, но вскоре ситуация изменилась. 1 (14) ноября 1917 г. в Минск из района Барановичей прибыли отряды революционных солдат и бронепоезд под командованием В. Пролыгина. Скоро к Минску с фронта подошли и другие воинские части. Их прибытие изменило соотношение сил в пользу большевиков, и Военно-революционный комитет Западного фронта издал приказ № 5, объявлявший Комитет спасения распущенным. Весомым фактором стало и то, что в поддержку Советской власти высказалось большинство делегатов съездов армий Западного фронта – 2, 3 и 10-й армий, проходивших в ноябре 1917 г.

Таким образом, победа Советской власти на территории восточной Беларуси не вызвала противодействия среди местного населения и была поддержана основной массой фронтовиков. Кроме того, социальная база для организации массового Белого движения на территории современной Беларуси отсутствовала.

Первые боевые столкновения красных отрядов и будущих «белых», тогда еще таковыми не называвшихся, произошли под г. Жлобин 20 ноября 1917 г.

Находившийся в г. Жлобине 2-й Оренбургский ударный батальон под командованием полковника А. Н. Блейша вышел из города навстречу большевикам, разобрал пути у станции Красный Берег и целый день отбивал атаки бронепоезда и «большевизированного» 60-го Сибирского полка, прикрывая отход других ударных частей. Знамена с обеих сторон были красными, только на знамени ударников еще была надпись: «Долой анархию». В ночь на 21 ноября оренбуржцы последними ушли из Жлобина.

Таким образом, именно 20 ноября 1917 г. – день захвата большевиками Ставки, убийства Н. Н. Духонина, боя на станции Крас-

ный Берег и ухода на Дон Л. Г. Корнилова – может считаться днем начала Гражданской войны в Беларуси.

В дальнейшем ситуация на белорусской земле сложилась иначе, чем в сопредельных России, Украине, Литве, Латвии. Как ни парадоксально, белорусскую землю во многом уберегла от широко-масштабной гражданской войны германская, а затем и польская оккупация, которые поддерживали на захваченной территории установленные ими порядки. Кроме того, в Беларуси не возникло мощных, охвативших большую часть народа настроений, связанных с идеей создания собственного государства. Сторонники Советской власти считали, что грядущая победа мировой революции приведет к отмиранию государства, следовательно, образование новых государств бессмысленно и вредно. Поэтому, считали они, необходимо оставаться в составе Советской России.

Идея создания белорусского государства оставалась уделом относительно небольшой группы интеллигенции. Свидетельством тому являлось, например, то, что в ноябре 1918 г., когда в г. Вильно начали формироваться добровольческие 1-й и 2-й Белорусские пехотные полки, в них пожелали служить всего около 100 человек. В январе – марте 1919 г. был образован 1-й Белорусский пехотный полк в г. Гродно, численностью всего около 800 офицеров и солдат. 22 октября 1919 г. создание белорусских частей разрешили польские оккупационные власти. По всей белорусской территории были развернуты мобилизационные пункты, в г. Слониме открылись курсы для офицеров. Но, несмотря на это, записалось в такие части менее 500 человек.

Вернемся к истории Белого движения на белорусской земле. «Белых» воинских формирований на территории Беларуси практически не было, несмотря на то, что в одном Минске в конце 1917 г. находилось до 10 тыс. одних только офицеров. Одной из причин этого было то, что воевать за недееспособное Временное правительство, которое привело страну к катастрофе, они не желали. Кроме того, как уже отмечалось, Западный фронт был самым «большевизированным» фронтом. Именно поэтому на белорусской территории не произошло никаких боев во время захвата власти сторонниками большевистской партии.

В то же время впоследствии случаи сопротивления со стороны приверженцев иных, нежели у большевиков, взглядов, встречались. Самый яркий пример – история Пинско-Волынского добровольческого батальона, сформированного в Пинске в октябре 1918 г. под руководством местного уроженца капитана А. И. Бохенского. После отступления немцев из Пинска в январе 1919 г. батальон в одиночку оборонял город от Красной армии и двух Полесских повстанческих коммунистических отрядов, однако под давлением превосходящих сил отступил к населенному пункту Антополь. Здесь отряд соединился с польскими войсками и 17 марта вернулся в г. Пинск. До конца 1919 г. батальон вел бои с красными войсками, а затем в январе 1920 г. прибыл в Крым и вошел в состав вооруженных сил Юга России [44, с. 35].

К малоизвестным страницам Белого движения в Беларуси можно отнести и антибольшевистские подпольные организации, существовавшие в первые годы Советской власти. Известно, что в 1919 г. в г. Минске и г. Могилеве действовали ячейки офицерского союза «Наша Родина» во главе с полковником Зубрицким.

К «белой борьбе» можно отнести и те вооруженные стычки, которые случались на территории БССР в 1920 г. Тогда польско-советскую границу многократно переходили вооруженные формирования Русского общевоинского союза, объединявшего находившихся в эмиграции сторонников Белого движения.

Остальные противники Советской власти исходили из других, чем у белых, целей и идеологических установок. В их числе находились части бывшего генерала русской императорской армии И. Р. Довбор-Мусницкого, выступавшие за создание польского государства. Известный деятель тех лет С. Н. Булак-Балахович не придерживался определенной идеологии и не имел четких политических целей, однако создал ряд крупных военных формирований и боролся против Советской власти.

Против Советской власти боролись и те, кто выступал за создание независимого белорусского государства. Так, 14–15 ноября 1920 г. проходил Первый Белорусский съезд крестьянских представителей Слуцкого региона, на котором была избрана Рада во главе с В. Прокулевичем. Большинство членов Рады придерживались

эсеровских взглядов и поддерживали правительство Белорусской Народной Республики во главе с А. Луцкевичем. 17 ноября в Слуцке и подконтрольных Раде территориях была объявлена всеобщая мобилизация в целях создания антибольшевистской армии. Вооружение и финансовые средства обеспечивались Польшей. Однако удалось сформировать лишь 1-ю Слуцкую стрелковую бригаду под командованием А. Антиповича в составе двух полков. Согласно договору между Советской Россией и Польшей, польские войска должны были оставить Слуцк и передать его под контроль Красной армии. Во время наступления большевиков с 28 ноября по 31 декабря 1920 г. бригада с переменным успехом оказывала им сопротивление, но в итоге была вынуждена отступить в Польшу.

В то же время необходимо отметить, что среди выходцев из Беларуси было немало известных деятелей Белого движения. Так, умиравший во время Сибирского похода генерал В. О. Каппель передал командование генералу С. Н. Войцеховскому, уроженцу Витебска. В армии А. В. Колчака он командовал 2-м Уфимским корпусом и 2-й армией. После Гражданской войны С. Н. Войцеховский переехал в Чехословакию, где занимал высокие военные посты и получил чин генерала армии. Он был единственным генералом чехословацкой армии, который выступал за оказание сопротивления армии нацистской Германии во время событий 1938–1939 гг. Необходимо отметить, что в 1997 г. президент В. Гавел посмертно наградил его орденом Белого Льва как национального героя Чехии.

Другой фигурой крупного масштаба в Белом движении был В. З. Май-Маевский, уроженец Могилевской губернии. В. З. Май-Маевский во время Гражданской войны руководил Добровольческой армией на пике ее успехов, в те месяцы, когда белые взяли Орел и Курск и до Москвы оставалось всего около ста километров. Широкой известностью в рядах Белого движения пользовались генералы А. К. Кельчевский, Я. Д. Юзефович, П. С. Махров, Н. М. Киселевский, Ю. Ю. Белозор и другие, занимавшие высокие посты в белых армиях.

Уроженец Гродненщины – полковник М. А. Жебрак-Русакович зарекомендовал себя человеком исключительной храбрости не толь-

ко во время мировой войны, но и во время похода дроздовцев из Румынии на Дон.

В завершение необходимо отметить, что история Гражданской войны на территории современной Беларуси изучена недостаточно, серьезные научные труды по данной проблематике практически отсутствуют, и предстоит большая работа по изучению противоречивых и трагических событий тех лет.

Выводы

1. Гражданская война на территории современной Беларуси имела черты, отличавшие ее от аналогичных событий в других регионах бывшей Российской империи. Главная особенность событий тех лет в белорусских губерниях состояла в отсутствии широкомасштабного вооруженного противостояния между белыми и красными.

2. Большая часть сил, боровшихся против Красной армии и Советской власти на территории Беларуси, выступала с позиций создания или польского, или белорусского государства. Другая их часть придерживалась идеологической платформы партии эсеров и выступала с точки зрения отстранения от власти именно большевистской партии, считая, что построение социализма требует совершенно иных подходов, нежели у РСДРП(б).

3. Несмотря на своеобразие событий тех лет в белорусских губерниях и отсутствие широкой социальной базы для Белого движения, оно, в определенном смысле, зародилось именно на белорусской территории.

А. А. Зданович,
*ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского
института (военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооруженных сил
Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор*

Военный переворот в Москве в 1919 г. Реальны ли были планы Колчака и Деникина?

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1938 г. была учреждена юбилейная медаль XX лет РККА. Согласно Положению об этой медали, ею награждались лица командного и начальствующего состава Красной армии и Военно-Морского флота, 20 лет прослужившие в РККА и ВМФ к 23 февраля 1938 г. При этом в выслугу лет засчитывалось членство в отрядах и дружинах Красной гвардии и Красных партизанских отрядах. Надо понимать, что обязательно должен был присутствовать элемент добровольности. За достаточно редким исключением принудительно мобилизованные в новую армию не попадали в списки награждаемых. А это были в основном бывшие царские офицеры и генералы. Даже двадцать лет, прошедших со времени объявления мобилизации, не изменили отношение советских властей к указанной категории военнослужащих.

Одной из причин такого избирательного подхода были памятные события периода Гражданской войны, когда имелось достаточно много случаев перехода бывших офицеров на сторону белых войск, участия в разного рода антисоветских организациях. Одной из таких подпольных структур являлся «Штаб Добровольческой армии московского района» (ДАМР), созданный в 1919 г. по указаниям генерала А. И. Деникина и адмирала А. В. Колчака.

Зачастую о ДАМР историки вспоминают тогда, когда описывают деятельность антисоветской политической организации «Всероссийский национальный центр» и указывают на подчинен-

ность ей военных из подпольных структур. Ко многим историкам советского периода, а также и пишущим о Гражданской войне в последние годы и посвятившим специальные сюжеты указанной выше теме, к такой трактовке присоединился и американский исследователь Р. Пайпс [85, № 2]. С ним и иными авторами нам пришлось вступить в полемику, поскольку есть серьезные основания для иной трактовки событий конца лета 1919 г. В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых критических замечаниях по книге доктора исторических наук А. В. Ганина – одного из ведущих исследователей истории такой важной категории командного состава русской императорской армии, как офицеры Генерального штаба, их роли в Гражданской войне. Его труд вышел несколько лет назад под интригующим названием: «Мозг армии» в период «русской Смуты» [23].

Сразу оговорюсь, что в целом книга А. Ганина достаточно интересная и содержит много новых фактов, найденных историком в российских и зарубежных архивах. Мы не даем рецензию на весь авторский текст, а предлагаем свой взгляд лишь на ту его часть, которая посвящена раскрытию в 1919 г. сотрудниками Особого отдела ВЧК двух подпольных организаций в советской столице: «Всероссийского национального центра» и «Штаба Добровольческой армии Московского района». Но прежде чем перейти к рассмотрению данного раздела книги, где описывается этот исторический сюжет, следует сделать несколько общих замечаний.

Во-первых, нам не раз приходилось в личных дискуссиях и с трибун конференций поправлять отдельных исследователей в трактовке некоторых действий специальных служб, которые они расценивали как заведомо провокационные. Здесь имеется в виду конкретная сфера оперативно-розыскной деятельности аппаратов госбезопасности императорской России – РСФСР – Советского Союза. Мы исходим из того, что далеко не все исследователи истории нашей страны по каким-то своим причинам стремятся к объективности, когда речь заходит о тайных операциях советских чекистов и даже деятелей царской разведки, контрразведки и политического розыска. При всем их нежелании увидеть что-либо

положительное в работе спецслужб, нельзя тем не менее допускать подмену понятий, вкладывать в них иной смысл, искажать существо проводимых мероприятий.

К моему сожалению, А. Ганин оказался в числе обозначенной выше группы историков. И вот снова, уже в тексте рассматриваемого раздела книги, автор не раз употребляет термин «провокация». Поэтому напомним, и конкретно для автора тоже: «провокация – это разновидность подстрекательства, склонение одним лицом другого к совершению преступления (уголовно наказуемого деяния) путем уговора, подкупа, угрозы или иным способом» [81, с. 119]. Никаких подобных фактов автор не приводит, а вот знак равенства между агентурной разработкой (в данном случае Особого отдела ВЧК) и провокацией «ничтоже сумняшеся» ставит.

Во-вторых, когда А. Ганин дает в разделе о раскрытии «НЦ» и подпольной военной организации подраздел с заголовком «Заговор или изощренная провокация?», то читатель вправе ожидать и аргументированного ответа на поставленный вопрос. Но такового в тексте не содержится. Может быть, это от неопределенности автора в более общем вопросе, а именно: было ли в реальности активное сопротивление руководителей и рядовых членов «Добровольческой армии Московского района», да и «Национального центра» большевистскому режиму? От решения данного вопроса зависит оценка репрессий в отношении арестованных по этим делам военных и гражданских лиц: то были справедливые или, наоборот, необоснованные меры?

При этом заметим, что в 1919 г. советского процессуального и уголовного кодексов с четкими определениями в первом – всех следственных и судебных процедур, а во втором – диспозиции, т. е. четкого описания преступных деяний (составов преступлений) еще не существовало. Все органы новой власти, включая и ВЧК, действовали на основе разного рода декретов и по принципу «революционной целесообразности». Ровно так же (на основе принципа «контрреволюционной целесообразности») проводили свою работу и спецслужбы белых армий. В случае захвата ими Москвы, Петрограда или иных городов, расправы с большевиками и их сподвижниками были бы не менее масштабными и жестоки-

ми. Контрразведывательные и полицейские аппараты белых правительств и их армий активно пользовались агентурой и не гнушались реальных провокаций в своей деятельности. Таких примеров в годы Гражданской войны было немало.

После таких общих замечаний приступим к рассмотрению исторического очерка доктора исторических наук А. Ганина. Начнем с того, что автор совершенно справедливо указывает на переписывание большинством авторов уже давно известных фактов, связанных с раскрытием подпольных антибольшевистских организаций в Москве. С этим нельзя не согласиться. Более того, скажем, что не надо иметь историографической подготовки для такого утверждения. Достаточно просто просмотреть несколько материалов в Интернете. Ведь первые статьи появились в советских центральных газетах практически через месяц после раскрытия «Национального центра» и «Добровольческой армии Московского района» – в августе – октябре 1919 г. И написали эти статьи известные большевики – М. Н. Покровский (тогда заместитель наркома просвещения РСФСР) и член ЦК РКП(б), а также председатель исполкома Московского Совета Л. Б. Каменев. Следует, кстати говоря, особо обратить внимание на следующие слова последнего, предваряющие статью: «Комитет Обороны г. Москвы...счел необходимым точно ознакомиться со всеми материалами, находящимися в распоряжении ВЧК, в связи с раскрытым военным заговором в Москве. Соответствующее поручение было дано Комитетом Обороны мне. Ознакомившись с материалами, я представил свой доклад в Комитет Обороны, который по соглашению с ВЧК постановил этот доклад отпечатать в советской и партийной печати» [49, 1919. 9 окт.].

Отсюда ясно, что его статья основана на реальных оперативных и следственных материалах, которые были предоставлены автору непосредственно членом того же Комитета Обороны – председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским (он же и председатель Особого отдела ВЧК с 18 августа 1919г. – *Прим. ред.*). Поэтому следует признать, что текст статьи в Известиях ВЦИК достаточно точно отражает реальную картину произошедшего. Вместе с тем не возникает сомнений относительно оперативной составляющей проведенных мероприятий. О них Л. Б. Каменев практически не упо-

минает, а где нельзя было вообще обойтись без пояснений, он предпочел сослаться на якобы имевшие место инициативные сообщения в ВЧК неких граждан о подозрительном поведении фигурантов дела. А таковые, кстати говоря, действительно были наряду с активными действиями чекистских секретных сотрудников.

Для исследователей деятельности белогвардейского подполья в столице, а тем более – истории органов государственной безопасности, основную ценность, конечно же, представляли и представляют сейчас фактические данные, приведенные в статьях, а не их идеологическое обрамление. С учетом того, что историкам до сегодняшнего дня недоступны в полном объеме архивные материалы по делам «Национального» и «Тактического» центров, они используют публикации разных лет, включая и соответствующие сборники документов, изданные как до 1991 г., так и в постсоветский период [22]. Если вынести за скобки вводные статьи и подготовленные опытными сотрудниками-архивистами достаточно подробные комментарии и биографические указатели в таких сборниках документов, как «Всероссийский национальный центр» и «Тактический центр», то мы увидим, что они представляют собой лишь расширенную, дополненную материалами Государственного архива Российской Федерации и Центрального архива ФСБ России версию опубликованного во втором томе «Красной книги ВЧК» в 1922 г. [63]. Поэтому неудивительно, что и А. Ганин активно использует именно второе (1989 г.) издание этой книги. Четвертая часть всех постраничных ссылок в соответствующем разделе труда А. Ганина именно на нее.

Как и некоторые другие историки, негативно относящиеся к деятельности отечественных органов госбезопасности, А. Ганин попадает в своеобразную ловушку. Если репрессии в отношении тех, к кому эта группа исследователей и публицистов относится с симпатией (в данном случае генштабисты и другие бывшие офицеры), признаются необоснованными, а тем более спровоцированными, а уголовные дела на них – сфальсифицированными, то, следовательно, «подпольщики» не боролись с советской властью, честно и сознательно ей служили, пусть и за «продовольственный паек». Но такое объяснение не устраивает моих оппонентов, по-

сколько они настроены резко критически к практике большевизма и, соответственно, к тем, кто помогал им хоть в чем-то реализовать принятые решения. А если подпольщики активно противостояли советской власти? В таком случае А. Ганину и иже с ним придется принять утверждение о правомерности репрессивных мер со стороны чекистских органов и трибуналов. Тогда можно вести речь и дискутировать лишь на тему о степени суровости примененного к заговорщикам наказания. Здесь еще раз упомяну, что уголовного и процессуального кодексов не имелось, а меру наказания определяли на основе «революционного правосознания».

Более взвешенно подошел к исследованию темы о военных подпольных организациях в Москве в 1919 г. кандидат исторических наук С. С. Войтиков. В монографии «Высшие командные кадры Красной армии» он рассматривает организацию и деятельность «Штаба Добровольческой армии московского района», а также и операцию Особого отдела ВЧК по ее нейтрализации. Этому посвящено более тридцати страниц [20].

В сюжете о ДАМР, автор указывает, что документы из «Красной книги ВЧК» и некоторые материалы Российского государственного военного архива (РГВА) «позволяют осветить бесславные дела военной организации ВНЦ несколько более подробно» [20, с. 400]. Однако после таких слов С. Войтиков на нескольких страницах описывает создание и становление именно «Всероссийского национального центра», а не военных структур. При этом он приводит лишь общеизвестные, многократно описанные факты. А далее следует подзаголовок – «Военная организация?». Что означает здесь знак вопроса? В чем сомневается автор? После прочтения всей главы становится понятным, что С. Войтиков все же уверен в главенстве ВНЦ над «Штабом Добровольческой армии Московского района», что, на мой взгляд, не соответствует действительности.

Конечно, можно отнести знак вопроса и к самому понятию «организация». Ведь этот термин имеет несколько значений, которые разнятся в зависимости от той или иной отрасли знаний. В данном случае следует исходить из понимания «организации» в юриспруденции и оперативно-розыскной деятельности.

С. Войтиков неоднократно цитирует нашу статью «Еще раз о Национальном центре», но считает ее «крайне ограниченной по объему», а посему требующую дополнений и разъяснений. Кто бы с этим спорил, ведь я обратился лишь к критическому рассмотрению ранее опубликованной статьи американского историка Р. Пайпса о ВНЦ.

Как мне представляется, для полноты картины происходившего в конце лета 1919 г. в сфере борьбы с антисоветским подпольем в Москве, повышенного внимания требует установление обстоятельств получения чекистами первичной информации о существовании ВНЦ и Штаба ДАРМ, механизма раскрытия опасной для новой власти военной организации и конкретных мер, принятых Особым отделом ВЧК, в этой связи. Тогда будут значительно сужены, если не блокированы возможности фальсифицировать события того времени. Но ничего нового С. Войтиков в своей монографии не дает, а вновь приводит некоторые сведения из давно уже опубликованных протоколов допросов лиц, арестованных в рамках дела о двух антибольшевистских подпольных организациях.

Безусловно, и в этом С. Войтиков прав, в архивах можно обнаружить еще не один новый документ о фигурантах дела ДАРМ, их взаимоотношениях, личностных характеристиках, политических взглядах, связях с членами ВНЦ, иными подпольными организациями и т. д. Однако к общей картине противоборства чекистов и подпольщиков это мало, что добавит. А вот действия сотрудников Особого отдела ВЧК и аналогичного подразделения московской и петроградской ЧК действительно изучены весьма поверхностно, что в частности дает почву некоторым авторам для бездоказательных рассуждений о якобы имевшей место чекистской провокации.

К сказанному следует добавить и то, что отдельные фактические данные, приводимые одними историками и публицистами (как отечественными, так и зарубежными), противоречат тому, что отмечают другие исследователи. В основе этих противоречий лежит отсутствие у тех и других новых документальных свидетельств о работе Особого отдела ВЧК и, к сожалению, переписывание ряда сюжетов из более ранних публикаций без дополнительной проверки их достоверности.

Итак, после краткого рассмотрения некоторых публикаций уже в постсоветский период о подпольных организациях, действовавших на территории РСФСР и конкретно в Москве, поставим вопрос: какие же факты свидетельствуют о серьезности и реальности угрозы для новой власти со стороны именно «Штаба Добровольческой армии Московского района»?

Об угрозах, исходящих от политической структуры – ВНЦ говорить, по моему мнению, не приходится. В самый острый период Гражданской войны, когда советская власть держалась, что называется «на волоске», выявление и пресечение «подпольной» работы неких интеллектуалов по составлению проектов возможных в будущем реформ в области государственного строительства, образования, сельского хозяйства и даже информирование время от времени вождей Белого движения о настроениях народных масс, перспективах на урожай и т. д. были далеко не первоочередными вопросами для органов ВЧК.

В конце лета – осенью 1919 г. судьба большевистского правительства могла быть решена в считанные недели, если не дни. Сохранить боевой потенциал Красной армии, обеспечить ей возможность одержать критически важные победы на фронтах – вот что тогда заботило ВЧК и военную контрразведку в лице Особого отдела в частности. В обращении к народу воззвании от 31 мая 1919 г., подписанном В. И. Лениным и Ф. Э. Дзержинским, был брошен лозунг – «Смерть шпионам». При этом пояснялось, что относительная успешность наступления белогвардейцев на Петроград доказала наличие в прифронтовой полосе широкой шпионско-диверсионной и повстанческой организации.

В июне 1919 г. особисты много потрудились в Петрограде, ликвидировав мятеж на кронштадских фортах и подпольные группы, проводившие подготовку восстания в северной столице. В этом же месяце удалось, пусть и достаточно случайно, вскрыть шпионскую работу подпольщиков из «Национального центра». Подчеркнем – не политические «штудии» кадетов и близких к ним представителей иных партий, а именно разведывательно-подрывную деятельность в пользу штаба генерала Н. Н. Юденича. А кто ее в основном проводил? Это бывшие офицеры и генералы. Из перехваченного

чекистами письма руководителя группы «НЦ» в Петрограде стало известно, что прежде всего было организовано «объединение всех военно-технических организаций» [63, т. 2, с. 242].

Главой Генштаба был генерал-майор М. М. Махов (псевдоним «Махров»), которого считали представителем Н. Н. Юденича, группирующим многих бывших офицеров для подпольной борьбы с новой властью. Информации о М. М. Махове не так много, но известно, что он также, как и его соратники, состоял в кадрах Красной армии.

Также, как и в Петрограде, угрозы со стороны подпольных военных организаций в других административных центрах распадутся на две группы. В первую обоснованно можно отнести организацию шпионажа и диверсий в интересах армий генералов А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и адмирала А. В. Колчака, а также иностранных интервентов. Вторую группу составляют действия по склонению бывших офицеров и генералов, состоящих на службе в Красной армии, к саботажу выполнения решений советского командования и подготовке военного переворота.

Направленность действий военных групп в Петрограде и Москве предполагала некую их взаимосвязь, и элементы оной были выявлены сотрудниками Особого отдела ВЧК и Петроградской ЧК. Оказалось, что сестрорецкий разведпункт (далее – РП) регистрационного (разведывательного) отделения Мобилизационного управления штаба Петроградского военного округа практически в полном составе работал на разведку Н. Н. Юденича [116, АСД № Н-206, т. 11, л. 85–86]. Руководитель разведпункта и некоторые его подчиненные имели связь с генералом М. М. Маховым и знали о наличии в Москве военной организации, ориентированной на штабы А. В. Колчака и А. И. Деникина. Точных данных о характере и объеме нелегальных контактов военных подпольщиков двух столиц в нашем распоряжении нет, за исключением одного важного для рассматриваемой темы документа – шифротелеграммы курьера-организатора Особого делопроизводства (разведки) морского штаба адмирала А. В. Колчака лейтенанта флота Г. С. Серебренникова (псевдоним «Юра»).

Уже прибыв в Стокгольм (после поездки по маршруту Омск – Москва – Петроград – Гельсингфорс с заданием колчаковской разведки) он телеграфировал 14 мая 1919 г. адмиралу Колчаку следующее: «Поручение московскому центру и генералу Юденичу переданы... Политический «Национальный центр» подчинен Военному центру. Военный центр доносит, что полностью подчиняется Вам» [116. Ф. 1. Оп. 3. Д. 527. Л. 96]. Здесь стоит уточнить, что Г. С. Серебренников, а также несколько других курьеров от А. В. Колчака в Москву и Петроград, состояли в морской разведывательной организации, известной под криптонимом «ОК». Из числа тех, кого установили сотрудники Особого отдела ВЧК – Азаревич, Крашенинников и Сурин также, как и Серебренников, совершали поездки в столичные города и как минимум привозили денежные средства для военных подпольных организаций, а вполне возможно, что и инструкции о разведывательной работе и подготовке вооруженного переворота. Известно, что все они встречались с руководителем московской группы ВНЦ Н. Щепкиным опять же только по вопросу финансирования именно «Штаба Добровольческой армии Московского района», а не группы ВНЦ. С учетом сказанного, можно предположить и наличие их контактов с подпольщиками, служившими в частях и учреждениях Красной армии в Петрограде.

Здесь стоит указать, что петроградская группа ВНЦ была значительно активнее, нежели московская. В определенной степени это объясняется близостью к городу линии фронта и границы с Финляндией. Все курьеры от адмирала Колчака ездили к генералу Юденичу именно через Петроград. Далее, в течение весны – осени 1919 г. подпольщикам виделась реальная возможность наступления белогвардейских войск и взятие Петрограда. Отсюда и возрастание роли разведывательно-подрывной деятельности подпольных антибольшевистских организаций и, прежде всего, военных ячеек, а также группы ВНЦ как обеспечивающих боевые операции генерала Юденича, включая и подготовку вооруженного захвата власти в городе. И еще одно, в Петрограде достаточно эффективно функционировала подчиненная А. В. Колчаку и работавшая под контролем английской разведки упомянутой выше организация «ОК».

Теперь остановимся на чекистской операции по раскрытию ВНЦ и «Штаба Добровольческой армии Московского района». Здесь следует выделить два этапа: первый – арест в Петрограде членов ячейки ВНЦ во главе с В. И. Штейнингером (псевдоним «Вик») и второй – вскрытие подпольных структур в Москве.

Еще в июне 1919 г. на Лужском направлении Петроградского фронта красноармейским секретом была предпринята попытка задержания человека, который намеревался перейти линию фронта. Чтобы не допустить его бегства, солдаты открыли огонь на поражение. При убитом обнаружили документы на имя бывшего прапорщика А. Никитенко, оказавшегося на советской службе – в автожужевой секции Петроградского военного комиссариата и на военном телеграфе [69, с. 89]. Историки, многократно описывавшие эпизод с убийством перебежчика, не уточняли одну важную деталь, а именно: как удалось обнаружить записку, подписанную псевдонимом «Вик», искусно заделанную в мундштук папиросы, адресованную командиру корпуса, а затем помощнику Н. Н. Юденича генерал-лейтенанту А. П. Родзянко с уведомлением о предполагаемых действиях питерских подпольщиков при вступлении белогвардейцев на территорию Петроградской губернии. А дело в том, что историки не знали, думаю и до сего времени не знают, что сотрудники Особого отдела Петроградской ЧК (ОО ПЧК) заранее были осведомлены о месте и времени намеченного перехода линии фронта прапорщиком Никитенко. Знали они и о послании от «Вик» к генералу. Убийство Никитенко солдатами есть ни что иное, как «эксцесс исполнителей», то есть не соответствующее плану поведение участников операции.

В одном из изданий о борьбе с антисоветским подпольем было отмечено, что вышеуказанную записку обнаружили некие «сотрудники военно-разведывательных органов» [26, кн. 1, с. 288]. Автор этой монографии – бывший ответственный работник Генеральной прокуратуры СССР Д. Л. Голиков имел, вероятнее всего, информацию о том, кем именно были эти сотрудники. Раскрою эту интересную деталь операции Особого отдела ПЧК.

Один из ответственных работников сестрорецкого разведывательного пункта (СРП) Мобилизационного (отвечавшего одно-

временно и за добывание сведений о противнике) управления Петроградского военного комиссариата Н. А. Федотов (псевдоним в разведке «Боровой») был секретным сотрудником чекистов. Он своевременно проинформировал ОО ПЧК о задании прапорщику Никитенко от подпольной белогвардейской организации, а возможно даже и был среди тех, кто «обнаружил» тайное послание в штаб Юденича.

Через Федотова чекисты узнали, что костяк сестрорецкого РП был осведомлен о наличии связи этого разведоргана Красной армии с антисоветским подпольем в Петрограде и штабом генерала Юденича в Финляндии. Начальник СРП – бывший штабс-капитан А. А. Самойлов – лично организовывал передачу сведений от подпольщиков в штаб генерала Юденича. Мириться дальше с положением, когда «советские разведчики» из СРП обеспечивают устойчивую связь заговорщиков с врагом и важная военная информация регулярно уходит к противнику, чекисты не желали. Несмотря на то, что весь круг подпольщиков еще не был установлен, пришлось приступить к завершению операции.

В связи со сказанным совсем иначе смотрится картина задержания в ночь с 15 на 16 июля 1919 г. сотрудниками Особого отдела ПЧК А. А. Самойлова и направляемого им к белым через контролируемое СРП «окно» на границе, снабженного докладом от организации петроградской группы «Национального центра», Н. Федорова. Это была одна из стадий реализации чекистской разработки, направленная, с одной стороны, на пресечение деятельности группы подпольщиков, включая и содействовавших ей работников сестрорецкого разведпункта, а с другой – на зашифровку своего секретного сотрудника – Н. Н. Федотова.

Самойлова и (для вида) Федотова допросили срочно прибывшие в Петроград по указанию Ф. Э. Дзержинского начальник Особого отдела ВЧК М. С. Кедров и его заместитель И. П. Павлуновский [10, с. 65]. Чекистам, осведомленным заранее Федотовым, ничего не стоило добиться признательных показаний от Самойлова, в том числе и о главе подпольной петроградской группы «Всероссийского национального центра» (ПНЦ), совладельце фирмы «Фосс и Штейнингер» инженере В. И. Штейнингере. После первых допро-

сов всех арестованных по делу ПНЦ доставили в Москву в сопровождении участника операции сотрудника ПЧК В. А. Васильева. Последний был сразу же назначен начальником активной части Особого отдела ВЧК и включился в разработку дела московского отделения ВНЦ и «Штаба Добровольческой армии Московского района». Это произошло, скорее всего, из-за того, что именно у него на связи находился секретный сотрудник Н. Н. Федотов, которому вскоре предстоит сыграть решающую роль в раскрытии указанных выше организаций.

Здесь стоит дать важное, на мой взгляд, пояснение. В юбилейном сборнике воспоминаний, посвященном шестидесятилетию органов ВЧК-КГБ, был помещен короткий рассказ В. А. Васильева о работе в петроградской ЧК в 1919 г. Полагаю, что автор сознательно исказил факты и выдумал удобную для того времени версию установления и последовавшего затем ареста В. И. Штейнингера. За образец он взял еще один миф, связанный с внедрением молодых чекистов Я. Буйкиса и Я. Спрогиса под видом офицеров в шпионскую сеть резидента английской разведки Ф. Кроми [48, № 3, с. 25–32]. В. А. Васильеву неудачно, на мой взгляд, подыграли ленинградские историки, выпустившие книгу «Чекисты Петрограда на страже революции» [69, кн. 2, с. 92]. Они привели в тексте краткую биографию В. А. Васильева, из которой следует, что он никак не подходил на роль бывшего полковника. Офицеры, с которыми ему якобы пришлось общаться, сразу разоблачили бы чекиста, не имевшего и понятия о военной службе, не заканчивавшего даже ускоренных курсов военного училища. Легенда, описанная Васильевым, имела только одну цель – устранить даже намек на использование секретного сотрудника Особого отдела ПЧК Федотова в раскрытии групп ВНЦ в Петрограде и Москве, а также и «Штаба Добровольческой армии Московского района».

По имеющимся в нашем распоряжении данным, именно прапорщик Н. А. Федотов (псевдоним «Боровой») был одним из ведущих агентов по делу ВНЦ, а также активно участвовал в оперативной разработке Особого отдела ВЧК по «Штабу Добровольческой армии Московского района».

Непосредственно у Н. Федотова конспиративных связей в Москве не было. Пришлось ему посидеть в тюрьме и пообщаться с арестованными офицерами, подозреваемыми в причастности к контрреволюционным организациям. Но работа продвигалась медленно до того момента, когда в его камеру был помещен арестованный в Вятской губернии 27 июля 1919 г. и доставленный в ВЧК Н. Карасенко, оказавшийся Н. П. Крашенинниковым – сотрудником разведывательного отдела штаба адмирала А. В. Колчака. Как выяснили чекисты, он должен был доставить в Москву около миллиона рублей неизвестным лицам и передать денежные средства якобы неизвестному ему человеку на Николаевском вокзале.

В Особом отделе ВЧК уже знали, что от штаба Колчака поступают деньги для подпольных организаций в Петрограде и Москве. Стало понятно, что Крашенинников является одним из курьеров. Получить от него информацию было под силу только опытному агенту. Таковым и был Н. Федотов. За несколько лет до революции он окончил юридический факультет Казанского университета, затем работал в Петрограде. В 1917 г. как правовед был мобилизован в армию и направлен для прохождения службы в органы царской военной контрразведки. В этой структуре он продолжал служить и при Временном правительстве и после Октябрьской революции. Осенью 1918 г. Н. Федотов поступил в отдел Военного контроля штаба Северного фронта и занял там должность начальника активной части, то есть основного оперативного подразделения. В начале 1919 г. он перешел на работу в органы военной разведки и трудился в сестрорецком разведпункте. Во время выполнения задания в Финляндии был арестован местной контрразведкой, завербован и переправлен в Петроград с поручениями от финнов и белогвардейцев. Мне не удалось пока уточнить, сам ли Н. Федотов явился с повинной в Особый отдел петроградского ЧК или же был арестован за шпионаж, но факт его перевербовки чекистами бесспорен. Авторы книги «Финская разведка против Советской России» даже утверждают, что с помощью Н. Федотова (авторы ошибочно называют Федотова Федоровым) велась первая оперативная игра нашей контрразведки со спецслужбами соседнего государства [70, с. 173].

Н. П. Крашенинников быстро попал под влияние такого опытного чекистского секретного сотрудника и решил воспользоваться его помощью для связи с Московской ячейкой ВНЦ. Н. Федотов побудил колчаковского агента написать несколько записок известным ему членам подпольной организации. Эти записки были переданы жене Н. Федотова, которая также выполняла задания чекистов под видом хлопот в военных учреждениях об освобождении мужа. Указанные записки были опубликованы еще в первом издании «Красной книги ВЧК». Стоит еще раз привести их текст, чтобы читателю было понятно – на что опирались чекисты в своих дальнейших действиях. «Я, спутник Василия Васильевича, – писал Крашенинников в первом послании от 20 августа, – арестован и нахожусь здесь, прошу подательнице сего выдать 10 000. Все благополучно». А 28 августа последовала новая записка: «Прошу В. В. М. или, если нет его, то кого-либо заготовить несколько документов... и передать их по требованию предъявительнице сего... Прошу обязательно к 30 августа достать 1 гр. цианистого калия или какого другого сильнодействующего яда, необходимо в интересах дела. Прошу также сообщить к 30 августа, арестован ли Н. Н. Щ...» [63, т. 2, с. 8].

После получения этих записок Крашенинников был вызван на допрос, и после предъявления доказательств дал признательные показания. Подследственный рассказал, что московская группа ВНЦ имеет военную организацию. По указанным им адресам были проведены аресты главы столичной группы ВНЦ Н. Н. Щепкина и содержателей явочной квартиры супругов Алферовых.

Как видим, Н. Федотов свою роль сыграл успешно, однако Крашенинников ничего не сообщил секретному сотруднику о военной организации, поскольку прямого выхода на нее не имел. Но это не препятствовало развитию операции Особого отдела ВЧК. Еще в конце июля 1919 г. сработал опубликованный в газетах (11 июля) призыв ВЧК к лицам, случайно оказавшимся в рядах белогвардейских подпольщиков. В нем, в частности, говорилось следующее: «Всероссийская Чрезвычайная комиссия предлагает таким лицам в недельный срок явиться к ней и гарантирует явившимся и раскаявшимся полную безнаказанность» [37, с. 134]. По истечению

указанного в обращении срока никакой пощады для контрреволюционеров не предвиделось. В Особый отдел ВЧК, лично к Дзержинскому пришел врач одной из пехотных школ. Произошло непредвиденное – охрана отказалась пропустить его к председателю ВЧК. Через несколько дней он пришел снова и добился встречи с руководителем чекистского ведомства и сообщил последнему, что, помимо своей воли, был втянут в заговорщическую военную организацию, но раскрыть ее членов отказался. Группе сотрудников ОО ВЧК во главе с А. Х. Артузовым пришлось несколько дней убеждать заявителя, и в итоге они добились успеха.

Несколько лет спустя А. Х. Артузов в одной из своих лекций в Высшей пограничной школе так оценил сведения военного врача: «Помощь этого человека была огромна, и если бы он к нам не пришел, то у меня было лично такое мнение, что мы вряд ли удержали бы советскую власть» [5]. Заявитель дал сотрудникам Особого отдела ВЧК выход на бывшего полковника В. А. Миллера – начальника Окружной артиллерийской школы в Москве, указав, что он один из главарей заговорщиков. А. Х. Артузов особо подчеркнул для слушателей, что доктор категорически отказался от какого бы то ни было вознаграждения, объясняя свое согласие помогать чекистам стремлением предотвратить неизбежную гибель рядовых офицеров, также, как и он, втянутых в заговорщическую деятельность.

Далее операция развивалась стремительно с учетом реальной опасности вооруженного выступления заговорщиков. К Миллеру удалось подвести в качестве шофера секретного сотрудника ОО ВЧК солдата Горячева, а это в свою очередь позволило установить связи полковника и адреса его конспиративных квартир. Был также инсценирован налет «грабителей» на квартиру начальника штаба ДАМР полковника В. В. Ступина, где чекисты обнаружили документацию штаба и списки многих заговорщиков [23, с. 652]. Выяснилось также, что начало активных действий заговорщиков было приурочено к захвату Тулы войсками генерала А. И. Денникина. По предположению советского командования от Тулы до Москвы Добровольческая армия могла дойти за 4–5 дней. Поэтому медлить было нельзя.

По указанию Дзержинского его заместитель по Особому отделу И. П. Павлуновский представил срочный доклад председателю СНК В. И. Ленину. Последний отреагировал незамедлительно: «На прилагаемую бумажку, т. е. на эту операцию, – писал он Ф. Э. Дзержинскому, – надо обратить сугубое внимание. Быстро и энергично и пошире надо захватить» [71, с. 204]. Старт для реализации накопленной сотрудниками Особого отдела ВЧК информации был дан.

Для полноты картины обстоятельств раскрытия заговорщической организации добавим, что важную роль сыграл штатный переводчик-дешифровальщик ОО ВЧК В. И. Кривош-Неманич. Он сумел раскрыть шифры ВНЦ и ДАМР, и оперативники в полной мере воспользовались этими материалами.

Некоторые итоги проделанного председатель ВЧК довел на Московской общегородской конференции РКП(б) 24 сентября 1919 г. Он заявил, что уже задержаны около 700 человек. Из захваченных документов заговорщиков и показаний арестованных выявилась реальная картина действий заговорщиков. Вкратце все сводилось к захвату Москвы, правительственных учреждений и даже к ликвидации В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого [37, с. 141].

Подытоживая сказанное, можно с уверенностью утверждать следующее: заговор реально готовился; путем проведения активных и, надо прямо сказать, удачных агентурно-оперативных мероприятий (а не якобы провокациями, как утверждают некоторые историки). Особому отделу ВЧК удалось выявить и обезвредить подпольные группы ВНЦ в Петрограде и Москве; «Добровольческая армия Московского района», несмотря на пассивность некоторых ее членов из числа младших офицеров, состоящих на службе в Красной армии, могла совершить военный переворот при занятии армией А. И. Деникина близко расположенных к Москве городов.

О. В. Саксонов,
*ведущий научный сотрудник научно-исследовательского
центра (фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации,
кандидат исторических наук*

Корниловский мятеж 1917 г.: военная диктатура или диктатура правительства?

Летом 1917 г. обстановка в Петрограде была неспокойной. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 3–24 июня (16 июня – 7 июля), на котором преобладали эсеры и меньшевики, поддержал Временное правительство и отклонил требование большевиков о прекращении войны и передаче власти Советам. Уже вскоре, однако, в Петрограде состоялись антиправительственные выступления, вызванные военным поражением на фронте. Волнения, начавшиеся со стихийных выступлений солдат 1-го пулеметного полка, рабочих петроградских заводов, кронштадтских матросов под лозунгами немедленной отставки Временного правительства, передачи власти Советам и переговоров с Германией о заключении мира, возглавили большевики, объединившие недовольных под своими лозунгами. 4 (17) июля Временное правительство было вынуждено ввести в городе военное положение.

24 июля (6 августа) было создано второе коалиционное правительство. В его состав вошли семь представителей социалистических партий (эсеров и меньшевиков) против четырех кадетов, а возглавил правительство эсер А. Ф. Керенский. Верховным главнокомандующим вместо генерала А. А. Брусилова он, по рекомендации своего заместителя и губернатора Петрограда Б. В. Савинкова, назначил генерала Л. Г. Корнилова. Министра-председателя подкупили лояльность генерала к правительству, его авторитет среди военных, демократизм убеждений. Учитывая же тот факт, что в Петрограде только что было подавлено поддержанное большеви-

ками вооружённое выступление части гарнизона, в тылу также требовалась «твёрдая власть» [105, с. 250].

Генерал Корнилов был популярен в войсках, пользовался в военных кругах авторитетом, вокруг него начало смыкаться офицерство, казачество – вообще все круги, стоявшие в оппозиции к расширявшимся революционным процессам, которые они рассматривали как развал страны. Прежде всего это были правые круги, связанные с дворянством и крупными собственниками. По словам В. М. Чернова, «искать помощников Корнилову не пришлось. Его вызывающее поведение стало сигналом для всей России. Представители Союза офицеров во главе с Новосильцевым явились сами и выразили желание работать ради спасения армии. Прибыли делегаты от Казачьего совета и Союза георгиевских кавалеров. Республиканский центр пообещал Корнилову поддержку влиятельных кругов и передал в его распоряжение военные силы петроградских организаций. Генерал Крымов прислал в комитет Союза офицеров гонца с поручением выяснить, правда ли, что «что-то затевается», и сообщить, должен ли он принять 11-ю армию, предложенную ему Деникиным, или оставаться с 3-м корпусом, которому предстоит, как он выразился, «куда-то отправиться». Его попросили остаться с 3-м корпусом. Финансовую поддержку движению оказывали крупнейшие русские капиталисты: Рябушинский, Морозовы, Третьяков, Путилов, Вышнеградский и др. [105, с. 259].

Уже в апреле 1917 г. среди недовольных новым порядком офицеров приобрела популярность идея установления военной диктатуры. Образовалось множество военных организаций, среди которых к середине лета наиболее влиятельными были Военная лига, Союз георгиевских кавалеров (штаб-квартиры находились в Петрограде) и созданный при Ставке в Могилёве Союз офицеров армии и флота. Устремления военных поддерживали и некоторые гражданские организации, в том числе Общество экономического возрождения России во главе с А. И. Гучковым и А. И. Путиловым и Республиканский центр, создавший даже собственный военный отдел для координации действий различных офицерских организаций. На пост военного диктатора весной и летом выдвигались

разные кандидатуры, в том числе А. В. Алексеев, А. А. Брусилов и А. В. Колчак, однако после назначения Верховным главнокомандующим Л. Г. Корнилова, он естественным образом оказался главным и единственным кандидатом в диктаторы.

Керенский в целом был согласен со многими взглядами Корнилова на положение в стране и пути выхода из него – оба считали, что монархия ушла в прошлое, стремились сохранить Россию великой державой, желали продолжения войны. В то же время Керенский, ярчайший представитель радикальной интеллигенции, с юности привык обличать военщину, а профессиональный военный Корнилов не без презрения относился к многословным интеллектуалам, в особенности адвокатам.

21 июля (2 августа) британский посол Дж. Бьюкенен передает слова, сказанные ему политически близким к А. Ф. Керенскому министром иностранных дел М. И. Терещенко: «Остается только одно: введение военного положения во всей стране, использование военно-полевых судов против железнодорожников и принуждение крестьян к продаже зерна. Правительство должно признать генерала Корнилова; несколько членов правительства должны оставаться в ставке для постоянной связи с ним. На мой вопрос о том, разделяет ли его взгляды Керенский, Терещенко ответил утвердительно, но сказал, что у премьера связаны руки» [24, с. 15]. В то же время введение военной диктатуры и разгон Совета делали лишним самого Керенского и ставили под угрозу его политическое выживание. Объективно, Керенский мог сохранять власть, лишь лавируя между правыми и Советами; этим объясняется двусмысленное поведение Керенского на протяжении всего корниловского заговора, усиленное вскоре возникшей личной антипатией между Керенским и Корниловым.

На Государственном совещании, проходившем в Москве 12–15 (25–28) августа, Корнилов ярко проявил свои политические претензии, вступив этим в конфликт с Керенским. Керенский, пытавшийся отстранить Корнилова от политической деятельности, с большой неохотой согласился на его участие в совещании, поставив условие, чтобы Корнилов говорил о чисто военных вопросах; тем не менее Корнилов произнес яркую политическую

речь, произведшую большое впечатление. Хотя присутствовавшие на совещании солдаты демонстративно не встали при появлении Корнилова, публика встретила его речь восторженно и при выходе Корнилова забросали цветами, а юнкера и текинцы несли его на плечах.

Важную роль в будущих событиях августа, связанных с именем генерала Корнилова, сыграло проведенное на квартире у московского городского комиссара, члена ЦК кадетской партии Н. М. Кишкина по инициативе М. В. Родзянко частное совещание членов партий кадетов и октябристов и бывших членов комитета Государственной думы П. Н. Милюкова, В. А. Маклакова, И. Шингарева, С. И. Шидловского, Н. В. Савича. Представитель Ставки полковник Роженко сообщил о назревающем конфликте между Корниловым и Керенским, о возможном выдвижении на Петроград кавалерийских частей «для ликвидации попытки большевистского переворота», разгоне Совета и Временного правительства и передачи власти Думе. Также прозвучали доклады представителей «Союза офицеров» полковников Новосильцева и Пронина по «программе Корнилова», докладчики заявляли о необходимости «общественной поддержки» генерала.

По воспоминаниям Н. В. Савича, эти доклады производили впечатление «неожиданно-наивных и по-детски необдуманных» [36, т. 2, с. 21, 22]. «Нам стало ясно, что все, решительно все в этой аванюре не продумано и не подготовлено, есть только болтовня и добрые намерения». Выступившие от партии кадетов П. Н. Милюков и князь Г. Н. Трубецкой говорили о важности и в то же время о невозможности военной диктатуры, если она не будет поддержана массами. В результате складывалось впечатление, что кадеты поддерживают Корнилова. Однако об ошибочности подобной уверенности говорил Новосильцеву Маклаков: «Я боюсь, что мы провоцируем Корнилова». Накануне совещания с публичными обращениями поддержки Главковерху выступили также «Союз офицеров», «Союз георгиевских кавалеров», «Союз казачьих войск», съезд несоциалистических организаций и другие [105, с. 256].

Тем временем положение на фронте ухудшалось: 21 августа (3 сентября) германские войска взяли Ригу; заградительные отря-

ды Корнилова не только не помогали, но и усиливали ожесточение солдат против офицеров.

В чем же заключались «корниловская программа» и политические взгляды генерала Корнилова?

Вопреки утверждениям некоторых историков, генерал Корнилов никогда – ни до своего августовского выступления, ни во время него – ни официально, ни в частных беседах и разговорах не ставил определенной «политической программы». Он ее не имел, как не имел (наряду с Керенским) прямых социальных и политических лозунгов. Документ, известный в истории под названием «Корниловская программа» стал результатом коллективного творчества быховских узников – лиц, заключенных в Быховскую тюрьму вместе с генералом Корниловым по обвинению в поддержке его после неудачи корниловского выступления. По словам генерала Деникина – соавтора этой программы, она нужна была как исправление «пробела прошлого» – необходимости объявления строго деловой программы по удержанию страны от окончательного развала и падения. Программа после составления была утверждена генералом Корниловым и появилась в печати без даты и под видом программы одного из прошлых его выступлений, ибо в условиях, в которых пребывали ее авторы, было трудно, по словам генерала Деникина, опубликовать «Программу Быхова» [114, с. 57].

Требования «корниловской программы»: установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций – впредь до Учредительного Собрания; установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций; война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достояние и жизненные интересы России; создание боеспособной армии и организованного тыла – без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной; обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством; разрешение основных государственных, националь-

ных и социальных вопросов откладывается до Учредительного Собрания [36, т. 2, с. 55].

Во время своего назначения на пост Верховного главнокомандующего 19 (31) июля 1917 г. генерал Корнилов потребовал от правительства признания за ним ответственности «только перед собственной совестью и всем народом», устанавливая таким образом, по словам Деникина, некую «оригинальную схему суверенного военного командования». Заявление в основном касалось военной части, в частности – предоставление Главноверху полной автономии во всех военных вопросах, как-то: решение оперативных задач, назначение и смещение командного состава. Требовал Корнилов и введения смертной казни на фронте.

В беседах с целым рядом лиц генералом Корниловым выдвигались различные формы «сильной власти», например, реформирование кабинета Керенского на национальных началах, смена главы правительства, введение Верховного главнокомандующего в состав правительства, совмещение должностей министра-председателя и Верховного главнокомандующего, директория, единоличная диктатура. Сам генерал Корнилов склонялся к единоличной диктатуре, не ставя, однако, ее при этом самоцелью и придавая огромное значение факту легитимности и законной преемственности власти. 30 июля (12 августа) на совещании с участием министров путей сообщения и продовольствия генерал Корнилов высказывал следующие взгляды:

- для окончания войны миром, достойным великой, свободной России, нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу – в мастерских и заводах, изготавливающую для армии фронта все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту.

Не вдаваясь в вопрос о том, какие меры необходимы для оздоровления рабочих и железнодорожных составляющих и предоставляя разобраться в этом специалистам, генерал тем не менее полагал, что «для правильной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая устанавливается для армии фронта».

В записке генерала Корнилова, подготовленной для доклада Временному правительству, говорилось о необходимости проведения следующих главных мероприятий: введение на всей территории России в отношении тыловых войск и населения юрисдикции военно-революционных судов, с применением смертной казни за ряд тяжчайших преступлений, преимущественно военных; восстановление дисциплинарной власти военных начальников; введение в узкие рамки деятельности комитетов и установление их ответственности перед законом.

3 (17) августа генерал Корнилов представил записку Керенскому в Петрограде, однако последний, выразив предварительно свое принципиальное согласие с мерами, предлагавшимися Корниловым, уговорил генерала не представлять записки правительству непосредственно в этот день, мотивируя это пожелание желательностью завершения аналогичной работы Военного министерства для взаимного согласования проектов. Однако уже на следующий день 4 августа копия записки генерала Корнилова оказалась в распоряжении газеты «Известия», начавшей печатание выдержек из корниловской записки, одновременно с этим началась и широкая кампания против Корнилова.

По словам генерала Деникина, «политический облик генерала Корнилова для многих оставался неясным». Он не был ни социалистом, ни монархистом: подобно подавляющему большинству тогдашнего офицерства, он был чужд политическим страстям. Деникин считал, что по взглядам и убеждениям генерал Корнилов был близок «широким слоям либеральной демократии» [36, т. 2, с. 53]. Как Главнокомандующий генерал Корнилов имел более других военачальников смелости и мужества выступать против разрушения армии и в защиту офицерства.

Выдвижение корниловских войск на Петроград

В то время, когда проходило Московское совещание Корнилов начал выдвижение верных частей на Петроград и Москву. Из Финляндии двигался кавалерийский корпус генерала А. Н. Долгорукова. В направлении Москвы выдвигался 7-й Оренбургский казачий полк. Они были остановлены соответственно командующими Петроградского и Московского военных округов.

Вслед за тем в районе Невеля, Новосokolьников и Великих Лук были сконцентрированы наиболее надежные, с точки зрения Корнилова, части: 3-й кавалерийский корпус и Туземная («Дикая») дивизия под командованием генерала А. М. Крымова. Смысл этой концентрации – создание плацдарма для похода на Петроград.

По воспоминаниям командира одного из полков, князя Ухтомского, офицеры это отлично понимали: «Общее мнение склонялось к тому, что мы идем на Петроград... Мы знали, что скоро должен состояться государственный переворот, который покончит с властью Петроградского совета и объявит либо директорию, либо диктатуру с согласия Керенского и при его участии, которое в данных условиях было гарантией полного успеха переворота». Когда начальник штаба Корнилова генерал Лукомский, до сих пор не посвященный в заговор, потребовал объяснений, Корнилов сообщил ему, что имеет целью защитить Временное правительство от нападения большевиков и Советов даже против воли самого правительства. Он «повесит германских агентов и шпионов во главе с Лениным» и разгонит Советы. Корнилов хотел доверить эту операцию Крымову, так как знал, что тот «не колеблясь развесит на фонарях всех членов Совета рабочих и солдатских депутатов». Возможно в последний момент он сумеет заключить соглашение с Временным правительством, но, если согласия последнего добиться не удастся, ничего страшного не случится: «потом они сами скажут мне спасибо». Реальной угрозы большевистского выступления в тот момент не существовало (большевики были разгромлены и дискредитированы как немецкие шпионы после июльских дней), но корниловцы всячески муссировали утверждения о ней, чтобы иметь подходящий повод [95, т. 8, с. 148].

Между тем, прорыв немцев под Ригой, с одной стороны, создавал реальную угрозу Петрограду, а с другой – давал повод воспользоваться этой угрозой для «наведения порядка». Произошедшее в связи с этим перебазирование Ставки на территорию Петроградского военного округа также создавало двусмысленную и тревожную для А. Ф. Керенского ситуацию. Керенский, чьи отношения с Л. Г. Корниловым после Московского совещания обострились, теперь решил вступить с ним в союз. Соглашение было разработа-

но благодаря Б. В. Савинкову: Петроград и его окрестности объявлялись на военном положении.

21 августа Временное правительство утвердило решение о выделении Петроградского военного округа в прямое подчинение Ставки. Предполагалось, что как военная, так и гражданская власть в округе будет принадлежать Корнилову, однако сам Петроград останется в ведении правительства; 3-й Кавалерийский корпус как особо надежный будет передан Керенскому, однако не под командованием Крымова, а другого, более либерального и лояльного правительству, командира. Из надежных частей предполагалось сформировать Особую армию в непосредственном распоряжении правительства. Б. В. Савинков при этом назначался генерал-губернатором Петрограда. Таким образом, де-факто судьба страны оказывалась в руках триумвирата Керенский – Корнилов – Савинков.

До Ставки это решение было доведено 24 августа (6 сентября). После этого Л. Г. Корнилов приказал командиру 1-й кубанской казачьей дивизии П. Н. Краснову принять командование 3-м конным корпусом генерала А. М. Крымова. На следующий день генерал Корнилов выдвинул 3-й корпус (по-прежнему под командованием Крымова), Дикую дивизию, а также кавалерийский корпус Долгорукова на Петроград. Перед Крымовым была поставлена задача: «В случае получения от меня (Корнилова) или непосредственно на месте (сведений) о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать советы. По окончании исполнения этой задачи генерал Крымов должен выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум, и по прибытии туда потребовать от Кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк». Чтобы получить повод для ввода войск в Петроград и совершения переворота, предполагалось организовать 27 августа (9 сентября) провокационную псевдобольшевистскую демонстрацию, причем задача эта была возложена на председателя Совета союза казачьих частей генерала А. И. Дутова [95, т. 8, с. 148].

25–26 августа (7–8 сентября) в Ставке царило ощущение, что переворот развивается безо всяких препятствий – даже чересчур подозрительно гладко. Обсуждались варианты устройства власти. Выдвигался проект директории в составе Л. Г. Корнилова, Б. В. Савинкова и М. С. Филоненко (эсер, помощник и доверенное лицо Савинкова). Был также выдвинут проект директории Керенский – Корнилов – Савинков. Другой проект предполагал создание коалиционного правительства т. н. «Совета народной обороны». В него предполагалось ввести адмирала А. В. Колчака (управляющий морским министерством), Г. В. Плеханова (министр труда), А. И. Путилова (министр финансов), С. Н. Третьякова (министр торговли и промышленности), И. Г. Церетели (министр почт и телеграфов), а также Б. В. Савинкова (Военный министр) и М. С. Филоненко (министр иностранных дел). Предполагалось даже введение в кабинет «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской. Председателем «Совета» должен был стать Л. Г. Корнилов, его заместителем – А. Ф. Керенский.

На обсуждениях в Ставке говорилось также о директории в составе Керенского – Корнилова – Савинкова в качестве высшего органа управления страной до Учредительного Собрания. Одновременно, уже без согласования с правительством, в Ставке был заготовлен проект приказа о введении в Петрограде осадного положения (комендантский час, цензура, запрет митингов и демонстраций, разоружение частей гарнизона, оказывающих сопротивление, военно-полевые суды). В то же время Союз офицеров с ведома Корнилова предполагал силами мобильных офицерско-юнкерских отрядов провести ликвидацию Совета и арест большевиков в Петрограде, поставив таким образом Керенского перед фактом. От Керенского не укрылись эти отступления от согласованного плана, вызывавшие у него тревогу и недоверие.

25 августа (7 сентября) подали в отставку министры-кадеты – это было частью заранее задуманного корниловцами плана. Одновременно подал в отставку министр-эсер В. М. Чернов, который, наоборот, не желал принимать участие в прокорниловской интриге. Между тем 22 августа (4 сентября) депутат Государственной думы и бывший член Временного правительства В. Н. Львов,

пользовавшийся репутацией человека недалекого, наивного и легкомысленного, попытался выступить в качестве посредника между Керенским и Ставкой. Он заявил Керенскому, что Советы медленно, но верно переходят в руки большевиков и больше не станут помогать Керенскому; одновременно «озлобление против Советов нарастает... оно уже прорывается наружу и закончится бойней». Угрожая Керенскому личной гибелью в этой «бойне» в случае, если он не «порвет с Советами», Львов от имени прокорниловских сил предложил ему сформировать правое правительство и, в конце концов, по словам Львова, добился даже слов о согласии сложить власть. После этого Львов направился в Ставку, чтобы обсудить с Корниловым условия последнего Керенскому.

В ходе встречи В. Н. Львова и Л. Г. Корнилова 24 августа (6 сентября) последний сформулировал идею введения военного положения в Петрограде, сосредоточения власти Верховного главнокомандующего и министра-председателя в одних руках («конечно, все это до Учредительного Собрания»), заявляя о готовности передать Керенскому портфель министра юстиции, а Савинкову – Военного министра. Он также просил Львова «предупредить Керенского и Савинкова, что я за их жизнь нигде не ручаюсь, а потому пусть они приедут в Ставку, где я их личную безопасность возьму под свою охрану». 26 августа (8 сентября) с этим сообщением Львов прибыл к Керенскому.

Объявление Корнилова мятежником

26 августа (8 сентября) В. Н. Львов встретился с А. Ф. Керенским и передал ему условия Л. Г. Корнилова. После встречи с Львовым у Керенского возникло впечатление, что Корнилов ультимативно требует от него сложить власть и явиться в Ставку, где готовит его убийство. С этого момента действия Керенского были направлены на то, чтобы «доказать немедленно формальную связь между Львовым и Корниловым настолько ясно, чтобы Временное правительство было в состоянии принять решительные меры в тот же вечер». Керенский предложил Львову записать его требования на бумаге.

В своей записке В. Н. Львов указал, что генерал Л. Г. Корнилов предлагает: объявить г. Петроград на военном положении; передать

всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего; отставку всех министров, не исключая и министра-председателя, и передачу временного управления министерств товарищам министров, впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим.

Затем последовали переговоры по прямому проводу между А. Ф. Керенским, В. В. Вырубовым (приближенным Керенского), с одной стороны, и Л. Г. Корниловым – с другой, причем Керенский, стремившийся заручиться новыми доказательствами мятежа, вступил в переговоры от лица (отсутствующего) Львова. В ходе переговоров Л. Г. Корнилов подтвердил свои требования.

По мнению генерала А. И. Деникина, А. Ф. Керенский больше всего боялся, что «ответ Корнилова по самому существенному вопросу – о характере его предложений» – опровергнет его толкование «ультиматума», и потому сознательно облек существо вопроса в «умышленно темные формы».

После телефонного разговора с Л. Г. Корниловым А. Ф. Керенский вновь побеседовал с В. Н. Львовым, предварительно спрятав в своем кабинете за занавеской помощника начальника департамента Главного управления милиции в Петрограде С. А. Балавинского. В присутствии этого свидетеля Львов в новом разговоре подтвердил содержание записки. По воспоминаниям Балавинского, на вопрос, «каковы были причины и мотивы, которые заставили генерала Корнилова требовать, чтобы Керенский и Савинков приехали в Ставку», он не дал ответа. После этого Львов был арестован [114].

Вечером 26 августа (8 сентября) на заседании правительства А. Ф. Керенский квалифицировал действия Верховного главнокомандующего как «мятеж». Однако правительство не приняло сторону Керенского. Во время произошедшего бурного совещания Керенский требовал себе «диктаторских полномочий» для подавления «мятежа», однако другие министры выступали против этого и настаивали на мирном урегулировании. В результате была срочно составлена телеграмма, посланная в Ставку за подписью А. Ф. Керенского, в которой Л. Г. Корнилову было предложено сдать должность генералу А. С. Лукомскому и немедленно вы-

ехать в столицу [36, т. 2, с. 53]. Эту телеграмму генерал Корнилов получил 27 августа (9 сентября), а на следующий день в газетах было опубликовано заявление А. Ф. Керенского, начинавшееся словами: «26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы В. Н. Львова с требованием передачи Временным правительством всей полноты военной и гражданской власти, с тем, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной...».

В ответ генерал Корнилов назвал это «сплошной ложью» и «великой провокацией». Он заявил: «Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный выступить открыто – я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри». Далее он пообещал «довести народ – путем победы над врагом – до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни...».

Корнилов категорически отказался сдать должность главнокомандующего, а генерал Лукомский – принять ее. Корнилов отказался так же остановить войска Крымова. Поддержали Корнилова генералы В. Н. Клембовский и А. И. Деникин – командующие Северными Юго-Западными фронтами.

А. Ф. Керенский вызвал в Петроград начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева, чтобы назначить его главнокомандующим, но он приказ выполнять отказался.

28 августа (10 сентября) последовал указ Правительствующему Сенату, формально объявляющий Корнилова мятежником и изменником. Со своей стороны Корнилов заявил, что принимает на себя всю полноту власти. 29 августа (11 сентября) генерал Л. Г. Корнилов распространил обращение, в котором заявлял о сговоре правительства, большевиков и Германии, называл взрывы в Казани их спланированной акцией, призывал не подчиняться распоряжениям правительства.

Выступление генерала Корнилова поддержали Союз офицеров, петроградские офицерские организации; генерал А. М. Каледин. Командующие четырьмя фронтами объявили о своей солидарности с Верховным главнокомандующим.

Провал выступления Л. Г. Корнилова

Запланированная корниловцами на 27 августа (9 сентября) провокационная псевдо-большевистская демонстрация провалилась. А. Ф. Керенский, петроградская дума и советы спешно принимали меры к приостановке движения войск генерала А. М. Крымова.

28 августа (10 сентября) войска Крымова заняли Лугу, разоружив местный гарнизон. У станции Антропшино Туземная дивизия вступила в перестрелку с солдатами Петроградского гарнизона. Временное правительство изыскивает все возможности противостоять корниловскому мятежу. Керенский издал указ об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» генерала Корнилова и его старших сподвижников. Помощь в подавлении выступления правительству предложили Советы. Временное правительство было вынуждено прибегнуть к услугам большевистских агитаторов для контакта с восставшими частями и раздать оружие петроградским рабочим, начавшим формировать отряды собственного ополчения – Красной гвардии.

Продвижение корниловцев было остановлено 29 августа (11 сентября) на участке Вырица – Павловск, где противники Корнилова разобрали железнодорожное полотно. Благодаря агитаторам, посланным для контактов с восставшими частями, удалось добиться, чтобы они сложили оружие.

А. Ф. Керенский пригласил генерала А. М. Крымова в Петроград. Оставив корпус в окрестностях Луги, Крымов отправился к Керенскому. Подробности разговора между ними не известны. В этот же день генерал покончил с собой [36, т. 2, с. 57].

Генерал М. В. Алексеев, принявший «ради спасения жизни корниловцев» предложение стать начальником штаба Верховного главнокомандующего, 1 (14) сентября берет под стражу Корнилова и его ближайших сподвижников. Все они были помещены в г. Быхове в здании монастыря. Были также арестованы генералы А. И. Деникин, С. Л. Марков, И. Г. Эрдели.

Через неделю генерал Алексеев уходит в отставку. Свое отношение к корниловцам Михаил Васильевич выразил 12 (25) сентября 1917 г. в письме редактору «Нового времени» Б. А. Суворину. В своем письме он писал: «Молю вас возвысить вовремя честный, независимый голос «Нового времени». Россия не имеет права допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению ее лучших, доблестных сынов и искусных генералов. Корнилов не покушался на государственный строй; он стремился при содействии некоторых членов правительства изменить состав последнего, подобрать людей честных, деятельных и энергичных. Это не измена родине, не мятеж...» [29. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–2].

В тот же день М. В. Алексеев написал и лидеру кадетской партии П. Н. Милюкову (поддерживал корниловское движение), прося его тоже организовать кампанию в печати за предание Корнилова и его сообщников не военно-революционному, а обычному уголовному суду с участием прокурора и защитников [49, 1917. 12 дек.].

Провал Корниловского выступления имел отдаленным последствием именно то, чего стремились избежать и Корнилов, и Керенский – приход к власти большевиков. Правый политический фланг был разгромлен организационно и дискредитирован морально – для Керенского это означало в частности то, что он более не может проводить прежнюю политику лавирования и гораздо более зависит от поддержки Советов, которые все более и более переходили в руки большевиков. Окрепнув, они перешли в активное наступление. Правительство Керенского, лишенное поддержки справа, не могло ничего противопоставить большевикам и способно было вести лишь соглашательскую политику.

Б. Н. Недбайло,

*младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории
(исследования проблем морально-психологической подготовки)*

Военного университета Министерства обороны

Российской Федерации

кандидат исторических наук, доцент

Создание чехословацких вооруженных формирований на территории России в годы Первой мировой войны

В жернова кровавых и жестоких событий Гражданской войны в России были вовлечены многие иностранные вооруженные формирования, оказавшиеся на ее территории в это время. Наиболее ярким примером такого формирования стал чехословацкий корпус.

О значении этого корпуса в судьбе России можно судить по заявлению Л. Д. Троцкого, которое он сделал в своей работе «Вокруг Октября»: «Появление на сцене чехословацких частей изменило обстановку сперва против нас, но в конечном итоге в нашу пользу. Белые получили военный стержень для кристаллизации. В ответ началась настоящая революционная кристаллизация красных. Можно сказать, что только с появлением чехословаков Поволжье совершило свою Октябрьскую революцию» [111, с. 95].

Учитывая признанную многими научными исследователями значимость чехословацких вооруженных формирований в судьбе России, следует провести анализ причин, условий и деятельности российских государственных органов и национальных политических и общественных организаций Чехословакии по созданию чехословацких вооруженных формирований на территории России в годы Первой мировой войны.

Решение о начале создания первых чехословацких военных формирований было вынужденным политическим шагом со стороны чехословацких колонистов, проживающих в царской России. Дело в том, что к началу Первой мировой войны в царской России проживали около 100 тыс. чехов и словаков. На Волыни

имелись целые чешские села, небольшие колонии были на Кавказе, а также в Петербурге, Москве, Киеве и Варшаве. Колонистам-чехословакам была предоставлена возможность свободно заниматься своим делом, в чем многие добились значительных успехов и жили весьма зажиточно. Например, в Киеве, где находилась наиболее многочисленная диаспора чехословаков, насчитывалось немало фабрикантов, крупных торговцев, пивоваров, булочников и т. д. Многие из чехов и словаков обрусели. В России издавалась чехословацкая газета, работали национальные школы, национальные общественные организации. Условия проживания в царской России были приемлемы для чехословаков, и они безоговорочно поддерживали существующий строй.

Но отношение российского государства к чехословакам-колонистам могло коренным образом измениться не в пользу последних после вступления России 1 августа 1914 г. в Первую мировую войну против стран Тройственного союза, в который входила и Австро-Венгерская империя, включавшая в свой состав в то время Чехию и Словакию. Поскольку большинство из чехословаков, проживавших на территории России, не являлись ее подданными, их могла взять под надзор полиция как граждан стран, находившихся в состоянии войны с Россией, и даже интернировать с конфискацией имущества. Это подтолкнуло «русских чехов» к решительным действиям, направленным на предупреждение и смягчение репрессий со стороны российских властей.

20 августа 1914 г. политические и общественные представители чехов в России на приеме у Николая II в доказательство своей преданности русскому самодержавию вручили царю письмо, в котором говорилось: «Великий Государь! Чехи всегда были сторонниками славянского единения. Близится долгожданный час — час освобождения чешских земель... дело освобождения славян, начатое светлой памяти Вашим дедом, довели до конца Вы, Великодержавный Государь, освободитель Червонной Руси и всего западного славянства... Да засияет свободная, независимая корона Святого Вацлава в лучах короны Романовых!» [13, с. 20]. Тем самым представители чехов и словаков давали понять, что они надеются в случае разгрома Австро-Венгрии русскими войсками

создать из чешских земель зависимое от царской России королевство с представителем дома Романовых на троне.

Вскоре на съезде представителей чешских общин Петербурга, Москвы, Киева и Варшавы, состоявшемся 10–18 сентября 1914 г. в Петербурге, было создано общество русских чехов «Совет чехов в России». В феврале 1915 г. был учрежден «Союз чехословацких общин в России» с постоянным местом нахождения в г. Петербурге. В соответствии с принятым уставом основными задачами данного союза стали:

- объединение всех проживающих в России чехов и словаков для развития «национального сознания», преданности славянскому народу и России – его защитнице;
- организация чешской дружины добровольцев, выступавшей на стороне русской армии;
- сбор денежных средств в пользу жертв войны, вдов, сирот и калек-воинов, сражавшихся в русской армии.

По мнению русского генерала Н. П. Романовского, изложенному в докладе Военному министру, чехи и словаки рассчитывали на создание в пределах России ядра будущей национальной армии, которая своей боевой деятельностью на фронтах войны в составе русской армии приобретет авторитет и мировое признание в деле по «низвержению немецко-мадьярского деспотизма в целях восстановления свободной Чехии» [58, с. 8, 9].

В октябре 1914 г. сформированная «чешская дружина» была направлена на фронт в Галицию, где ее повзводно распределили по дивизиям и полкам русской армии для несения разведывательной службы.

К началу 1915 г. под командованием русских офицеров «чешская дружина» насчитывала около 1 000 добровольцев.

Основным условием вступления в дружину было одновременное ходатайство о приеме русского подданства. Многие дружинники принимали православие. Это подчеркивало серьезность намерений добровольцев и их решительность в достижении поставленных целей. Но приток добровольцев в ряды дружины был незначительным. За 1915 г. в нее влилось лишь 1,2 тыс. чел. Нужны были новые человеческие ресурсы для увеличения численного состава

чехословацких формирований. Ими стали австро-венгерские военнопленные чешской и словацкой национальностей, охотно сдававшиеся в плен русской армии.

В годы Первой мировой войны на сторону русских добровольно переходили целые подразделения и части австро-венгерской армии с полным снаряжением. Так, в октябре 1914 г. в Галиции в боях под Ярославлем на реке Сан сдались в плен русским шесть чешских пехотных рот, в апреле 1915 г. во время боев в Карпатах в полном составе перешел 28-й Пражский пехотный полк, а в июне – 36-й Младоболеславский пехотный полк.

Вместе с тем говорить о том, что все чехословаки всегда добровольно вступали в ряды национальных подразделений, ведущих боевые действия на стороне русской армии, нельзя.

Военнопленные чехи и словаки, сдававшиеся в плен, не хотели снова идти на фронт, хотя положение их в России было самое незавидное. В отличие от немцев и мадьяр, чехов и словаков считали благонадежными. Поэтому оставляли их в центральной части России для выполнения тяжелых сельскохозяйственных работ, строительства железных и шоссейных дорог, возведения оборонительных сооружений. Чешские промышленники также не гнушались на своих предприятиях использовать дешевый труд своих соотечественников. Эти обстоятельства стали одной из основных причин медленного набора добровольцев в ряды чехословацких формирований.

После разрешения Верховного главнокомандующего русскими войсками (Главковерха) Н. Н. Романова принимать в ряды «дружины» военнопленных чехословаков «Союз чехословацких обществ в России» начал проводить среди них активную агитационную работу. Союз исходил из того, что чем в худших условиях находятся пленные, тем больше будет у них желания добровольно вступить в ряды вооруженных формирований.

В Дарницком лагере, расположенном недалеко от Киева, куда попадали все военнопленные Юго-Западного фронта, была организована специальная команда из чехословаков-добровольцев. Целью этой команды стало ведение агитации среди прибывающих пленных чехословаков. Отказавшихся поступать на службу от-

правляли на самые тяжелые работы, где многим из них грозила смерть от болезней, голода или холода. Были случаи, когда агитаторы настаивали, чтобы подрядчики или заводчики, где работали пленные, не выплачивали им жалование до тех пор, пока они не заявят о своем желании вступить в чехословацкие добровольческие части.

Другого подхода в вербовке добровольцев придерживался главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов. По его мнению, низкие темпы набора добровольцев в формирования чехословацкой армии из военнопленных чехов и словаков были «следствием отсутствия надлежащей организации в поддержании славянства в плену и правильного надзора за ними... Вместо привлечения к себе людей, преданных России, получается систематическое отталкивание ранее расположенных к нам элементов, ради которых ведется вся война» [58, с. 18, 19]. Об этом он доложил в своей записке начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву. В заключении документа А. А. Брусилов предлагал немедленно приступить к «проведению в жизнь» намеченных мероприятий по «улучшению быта военнопленных славян в России, дабы поддержать в братских нам народах веру в благожелательное и покровительственное отношение борющейся за них России, и тем облегчить нашим войскам победу» [58, с. 23]. Эта докладная записка генерала А. А. Брусилова лишь наложила определенный положительный отпечаток на деятельность чиновничьих органов по решению проблем, поднятых главнокомандующим.

В конце декабря 1915 г. дружина была реорганизована в чехословацкий стрелковый полк имени Яна Гуса, насчитывавший немногим более 2 тыс. чел. В рядах полка начинали службу будущие лидеры «чехословацкого мятежа» в России, а впоследствии видные политические деятели Чехословацкой республики: поручики Я. Гусак, Я. Сыровы, С. Чечек, капитан Р. Гайда.

В мае 1916 г. за счет вербовки военнопленных была сформирована чехословацкая стрелковая бригада. Первому полку бригады было присвоено имя Святого Вацлава, а второй был назван именем святых Кирилла и Мефодия. Названия полков указывали

на внутренний настрой «чешской дружины» – борьба за национальное освобождение чешского и словацкого народов.

Бригада не была самостоятельным войсковым подразделением, так как была распределена среди воинских частей русской армии. К декабрю 1916 г. она насчитывала в своем составе 5 750 чел., большую часть которых составляли военнопленные. Их численность была намного меньше той, на которую рассчитывали представители «Союза чехословацких обществ в России». Поэтому приход к власти после Февральской революции Временного правительства дал надежду на скорейшее решение проблемы комплектования чехословацких военных формирований.

3 марта 1917 г. председатель «Союза чехословацких обществ в России» В. Вондрак обратился в телеграмме с просьбой к Председателю Совета министров и министру внутренних дел князю Г. Е. Львову: «Приветствуем доблестных спасителей родины. Преклоняемся пред величием духа вождей, осуществивших величайший в истории человечества подвиг переустройства государства. Просим признать нас народом дружественным, союзным, дать нам право и возможность самоорганизации, для чего исполнить давнее ходатайство Союза чешско-словацких обществ о разрешении освободить верных чехов и словаков из плена, размещать на заводах обороны, принимать добровольцев на фронт» [58, с. 43, 44].

В своей докладной записке, последовавшей за телеграммой, В. Вондрак просил признать за чешско-словацким народом право союзного и дружественного России народа и право на государственную самостоятельность. А до установления такого права на самоорганизацию своих сил в России освободить от плена всех славян, за которых поручится «Союз Чехословацких обществ в России» или другая объединенная организация и подтвердит за ними право образовать чешско-словацкое войско. На доклад В. Вондрака «товарищем» Военного министра А. И. Гучкова генералом А. А. Маниковским была наложена отрицательная резолюция:

«Н-ку Г.У.Г.Ш.В. Министр решил: никаких «войск» из чешско-словацких военнопленных не образовывать, а дать специалистов из них на наши заводы для работы на оборону» [58, с. 53].

Несмотря на отрицательную резолюцию военного ведомства в отношении чехословацких военных формирований, 24 марта 1917 г. в Совете министров было принято положение о формировании чехословацких войск. Этим документом предписывалось ведение всего делопроизводства в чехословацких формированиях на русском языке, старший командный состав, все хозяйственные должности (казначей, начальники хозяйственной части и т. д.) замещались русскими по национальности.

Через месяц Главное управление Генерального штаба разослало телеграммы всем главным начальникам военных округов, где были указаны основные положения по формированию чехословацких войсковых частей из добровольцев военнопленных чехов и словаков:

- набор контингента чехословацких войсковых частей сосредоточить в руках особой Военной комиссии при штабе Киевского военного округа;

- право набора добровольцев до создания в России центрального чехословацкого органа предоставить «Союзу чешско-словацких обществ в России»;

- для производства набора добровольцев из числа военнопленных чехов и словаков установить особую комиссию по назначению и выбору «Союза чешско-словацких обществ в России»;

- для облегчения взаимодействия уполномоченных комиссии по набору добровольцев с местными властями распоряжением Главного начальника Киевского военного округа могли быть назначены сопровождающие из числа русских офицеров;

- набор военнопленных чехов и словаков для формирования чехословацких войск производить при строгом соблюдении интересов промышленности.

Призыву подлежали исключительно чернорабочие, специалисты оставались на производстве и не подлежали набору.

Председателем комиссии по набору добровольцев из числа военнопленных чехов и словаков был назначен обрусевший чех генерал-майор Я. В. Червинка, закончивший Николаевскую академию Генерального штаба.

После отданных указаний формирование чехословацких частей стало проводиться более интенсивно. Затруднения были только в недостатке материальных средств.

Однако и после этого были противники создания чехословацких военных формирований. Так, полковник А. Обручев, начальник Киевского военного округа, приостановил компанию по созданию чехословацких подразделений, ссылаясь на то, что их формирование пользы не приносит ввиду своего опоздания, дороговизны, отсутствия «материальной части» и вредно из-за национальной однородности. Усилиями Ставки, политических и общественных представителей чехов и словаков данное решение было отменено.

Пленных добровольцев для чехословацких формирований доставляли в Киев и сосредоточивали в четырех сборных пунктах в городах Бобруйске, Дарнице, Борисполе и Березине, где они проходили строгую проверку на предмет благонадежности.

В июне 1917 г. во время неудачного наступления Юго-Западного фронта чехословацкие полки под Зборовом в целом действовали успешно и при переходе к обороне стойко отражали натиск немецких и австрийских дивизий, за что заслужили добрые слова благодарности от генерала А. А. Брусилова. Это стало основной причиной того, что в июле Верховный главнокомандующий, учитывая доблесть и прекрасные боевые качества чехословацких частей, дал согласие на формирование второй чехословацкой дивизии. Другой причиной пересмотра отношения к созданию дополнительных чехословацких частей послужило то обстоятельство, что политические события в России негативно влияли на дисциплину в русской армии и не оказывали существенного воздействия на организованность и преданность своим идеалам со стороны чехословаков.

В течение второй половины июля, августе и сентябре 1917 г. в чехословацкие военные формирования вступили около 30 тыс. чехов и словаков. «Так возник чехословацкий корпус в составе двух дивизий и запасной бригады. Он составил основное ядро чехословацких войск в России, названных позднее «русскими легионами» и насчитывавших в своих рядах свыше 40 000 чел. ...».

Параллельно с созданием новых частей решался вопрос о присутствии чехословацких формирований на Западном фронте в составе французских войск с целью «поднять политическое значение чехословацкого движения на Западе» [13, с. 35, 37].

Переговоры о переброске чехов и словаков во Францию начались еще в начале 1917 г. Переписка по этому поводу велась между Министерством иностранных дел, Ставкой, Военным министерством и Главным управлением Генерального штаба с заместителем Чехословацкого национального совета доктором М. Р. Штефаником. Но этот вопрос не получил положительного решения из-за угрозы подрыва оборонного производства. В мае и сентябре эта проблема вновь была затронута председателем Чехословацкого национального совета Т. Г. Масариком в письме Военному министру А. Ф. Керенскому. Министр иностранных дел и начальник штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Духонин выразили полное согласие в спешном порядке до 30 сентября направить через Архангельский порт во Францию часть чехословацких войск. При этом ставилось условие, что отправляются только части, которые дали согласие ехать на Западный фронт добровольно, и отправка не должна производить дезорганизацию на Юго-Западном фронте. Речь в данной ситуации шла о формированиях, которые еще не участвовали в боевых действиях и не были обеспечены всеми материальными средствами. Первый эшелон в количестве 502 чел. (133 офицера и 369 солдат) был отправлен из Житомира только 18 ноября, но вследствие прекратившейся навигации порта был вынужден остановиться в Череповце Новгородской губернии.

В октябре 1917 г. Чехословацкий национальный совет во главе с Т. Г. Масариком согласовал с французским правительством и президентом Р. Пуанкаре решение о признании всех чехословацких воинских формирований частью французской армии. Решение вопроса о включении чехословацкого корпуса в состав французской армии ускорилось после Октябрьской революции в России по причине нежелания новой власти продолжать войну и заключить с немецким правительством мирный договор.

15 января 1918 г. чехословацкий корпус был официально провозглашен частью французской армии, но оставался на территории России. Командир корпуса назначался с согласия Т. Г. Масарика, приказы издавались на чешском языке, дисциплинарный устав был французским.

Таким образом, несмотря на сложность и неоднозначность условий, причин, деятельности военных и государственных органов Российской империи, общественных и политических организаций Чехословакии на территории России в годы Первой мировой войны был сформирован чехословацкий корпус. Политические события в России, и как их следствие, смена власти кардинально изменили положение и сущность всех вооруженных действий чехословацких частей. Дальнейшая историческая роль этого соединения во многом стала решающей в вооруженной борьбе за власть противоборствующих сил в России. Именно чехословацкие легионеры оказались в центре основных боевых событий Гражданской войны в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

К. А. Абрамян,
*ведущий специалист отдела использования
и публикации архивных документов
Российского государственного военного архива,
кандидат исторических наук*

Чехословацкий корпус: от вооруженного нейтралитета к боевым действиям (февраль – май 1918 г.)

Чехословацкий корпус перешел под управление французских вооруженных сил вскоре после того, как осенью 1917 г. в России пала власть Временного правительства. Это произошло на фоне стремительно распадающихся органов управления бывшей Российской империи. Заключение мира центральными державами с Украиной и начало оккупации ее территории австро-германскими частями поставило существование корпуса под угрозу: две его дивизии дислоцировались на Украине, а многие солдаты являлись бывшими военными служащими австро-венгерской армии и признавались в Австро-Венгрии изменниками.

В разворачивающемся противоборстве Гражданской войны каждая политическая сторона желала использовать чехословацкий корпус в своих интересах. Несмотря на постоянные заявления Чехословацкого национального совета (ЧСНС), а также приказы командующего корпусом В. Н. Шокорова соблюдать «строжайший нейтралитет» и не вмешиваться во внутренние дела, следовать этому в реальных условиях было невозможно. С какими-то силами, как, например, формирующимися белыми вооруженными отрядами под руководством М. В. Алексеева, имелись неофициальные контакты, с другими соглашения заключались официально.

Если говорить об официальном взаимодействии командования Чехословацкого корпуса и советских органов власти, то оно началось еще на территории Украины. 18 (31) января 1918 г. между штабом 2-й чехословацкой дивизии и Ясинским красногвардейским отрядом под командованием Д. П. Жлобы был заключен

краткосрочный (до 20 января) договор, касавшийся положения частей дивизии, расположенных в местечке Яготин. За чехословацкими частями признавался строгий нейтралитет и возможность отхода «в случае надобности» из Яготина. Уже 19 января (1 февраля) 1918 г. командующий советскими войсками М. А. Муравьев признал договор бессрочным и распространил его действие на все чехословацкие части [120, т. 2, с. 39–40].

26 января (8 февраля) 1918 г., когда Киев был занят советскими войсками, военно-политическое командование Чехословацкого корпуса издало приказ о строгом соблюдении дисциплины и нейтралитета в городе. 28 января (10 февраля) 1918 г. командующий Шокоров в приказе по корпусу вновь подтвердил все положения Яготинского договора. Чехословацкие части должны были соблюдать строгий вооруженный нейтралитет по отношению к внутривосточным делам России и Украины, ограничивая свою деятельность караульной службой в местах их расположения. За это командующий советскими войсками на Украине Муравьев обещал снабжать чехословацкие части всеми видами довольствия. Сочувственно им была встречена просьба чехословацких представителей о концентрации корпуса в одном районе [120, т. 2, с. 45, 46, 49].

Одновременно в Москве шли переговоры по вопросу переброски корпуса во Францию. Активным сторонником этой идеи выступал председатель ЧНС Т. Г. Масарик. Во второй половине февраля глава французской военной миссии в России генерал А. А. Ниссель и французский посол Ж. Нуланс сообщали своим представителям в Киеве: «Единственное решение проблемы чешских подразделений – это... их немедленная отправка во Францию через Сибирь» [120, т. 2, с. 49]. Переговоры шли нелегко. 2 марта 1918 г. Ниссель сообщил в военное министерство Франции о приостановке переговоров по отправке чехословаков во Францию в обмен на военнотружущих бывшего Русского экспедиционного корпуса. Причиной, по его словам, стало заявление большевиков о том, что чехи хотят защищать Федеративную Россию и присоединились к ним в борьбе против немцев.

Тем временем начался отход частей корпуса с Украины в Россию. 27 февраля 1918 г. на совещании особой комиссии предста-

вителей Чехословацкого корпуса в г. Пирытине были разработаны общие рекомендации по передислокации частей корпуса во Францию. Отдельные рекомендации касались создания этапных пунктов в городах, через которые должны были проходить эшелоны. Они должны были создаваться там, где были сильны чехословацкие организации военнопленных и землячества. Документ определял и круг этих населенных пунктов: Бахмач, Пирытин, Курск, Воронеж, Тамбов, Тула, Пенза, Самара, Уфа, Челябинск, Курган, Омск и т. д.) Предполагалось, что питание войск по дороге будет нормальным: каждый полк должен был быть перед отъездом снабжен на 14 дней, а по дороге – иметь запасы минимум на три дня. Комиссары, отправленные ЧСНС на этапные пункты, должны были добиваться разрешения у местных властей на проход эшелонов, собирать желающих присоединиться к эшелонам пленных, снабжать эшелоны продуктами и деньгами [120, т. 2, с. 53–54].

Отход происходил в сложной военно-политической обстановке, кое-где имелись боестолкновения с авангардными немецкими частями. Самым крупным из них стало сражение под Бахмачем, где чехословацкие части какое-то время действовали с советскими вооруженными отрядами.

Проблема эвакуации корпуса сдвинулась с мертвой точки 15 марта 1918 г. В этот день в Москве состоялись переговоры генерального секретаря ЧСНС Й. Клецанды с представителями советской власти (И. В. Сталин, С. И. Аралов, А. В. Мандельштам). В ходе переговоров, с согласия председателя Совета народных комиссаров (СНК) В. И. Ленина, была достигнута договоренность: отправить чехословацкие части во Францию через Владивосток, обеспечивая их в пути всем необходимым довольствием.

Окончательное разрешение уже 18 марта в Воронеже дал главком В. А. Антонов-Овсеенко. Первые 3 эшелона (из 16) должны были получить довольствие и фураж в Воронеже. Взамен чехословацкие части обязались сдать все боевое и обозное имущество за исключением винтовок, части пулеметов, двух батарей (по одной на дивизию) и одного аэроплана. Принимать все сдаваемое имущество должны были приемные комиссии в Харькове, Курске, Воронеже, Пензе и др. населенных пунктах, находящихся по пути следования.

Обе стороны реалистично оценивали договоренности и не забывали о собственных интересах. Например, представители ЧСНС видели явную слабость новой власти на местах и продумывали свою политику в случае ее падения. Й. Клецанда 31 марта сообщал в президиум, что другому правительству можно оставить «надежные кадры» для несения караульной службы [120, т. 2, с. 89–91]. Кроме того, эмиссары от ЧСНС ездили по лагерям военнопленных и, ссылаясь на соглашение с СНК, вербовали добровольцев в корпус, хотя это никак не регламентировалось договоренностями.

Советская сторона также не считала себя жестко связанной договоренностями с ЧСНС. «Договор с главверхом Украины несколько не связывает Совнарком всей России и может быть изменен...». Советские власти пытались использовать разногласия между различными политическими силами, поддерживая социал-демократов для ослабления влияния ЧСНС и лично Масарика на корпус (издание агитационного журнала «Пионер», посылка в эшелоны агитаторов). Кое-кто из представителей чешской социал-демократии предлагал большевикам себя в качестве силы, способной «аннулировать тенденции, распространяемые Чешским национальным советом, и сделать окончательный переход чешской армии к большевизму и, таким образом, создать армию, преданную делу революции и социализма» [120, т. 2, с. 75, 98–99]. Попытка эта имела смысл, если учесть, в каком состоянии находились тогда формирующиеся части РККА.

Соблюдение договоренностей вызвали трудности для обеих сторон.

Одну проблему – недостаточно быстрые темпы эвакуации – выделяли обе стороны. Все понимали, что остановка эшелонов создает напряженную ситуацию как среди солдат эшелонов, так и среди населения, страдавшего от вынужденного соседства с первыми. Присоединение к чехословацким эшелонам новых солдат из числа военнопленных-добровольцев увеличивало количество эшелонов и, соответственно, нагрузку на железную дорогу. Численность эшелонов за короткий срок изменилась в разы. Если в начале движения чехословацких эшелонов в документах упоминалось 16 эшелонов, то через короткое время их количество возросло до 60.

Но очевидность проблемы не значила схожесть взглядов на нее. Советская сторона опасалась, что части могут стать опорой для формирования антисоветских отрядов. С началом официальной интервенции стран Антанты эти опасения только возросли. Руководитель Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевич 27 апреля 1918 г. среди прочего писал: «...не допустить серьезных возможных последствий от 45 тыс. вполне вооруженных и дисциплинированных людей, находящихся под командой лиц, далеко не пользующихся большим доверием». А 29 апреля в телеграмме председателю Высшего военного совета Л. Д. Троцкому совет комиссаров по управлению Казанским военным округом сообщал: «Есть уверенность в том, что они едут для соединения с отрядами Семёнова, чтобы отрезать Восточную Сибирь. Центросибирь просит принять все меры к тому, чтобы их обезоружить и направить в Архангельск» [120, т. 2, с. 122–123]. Чехословацкая сторона считала, что замедленная эвакуация, длительные стоянки отрицательно воздействовали на дисциплину чехословацких солдат.

Имелись у сторон и взаимные претензии. Главная претензия чехословацкой стороны к советской сводилась к отсутствию организованного снабжения. Советские власти обвиняли чехословацкую сторону в неполной сдаче оружия и имущества, а также в его продаже, нарушении договоренностей. Например, 23 апреля 1918 г. представитель советских вооруженных сил сообщал в Москву: «Офицерство Чешского корпуса продает имущество, лошадей, сбрую и прочее снаряжение, мотивируя тем, что продаваемое есть собственность офицеров» [120, т. 2, с. 121]. И данное сообщение не было единичным.

Местные советские власти, не имевшие достаточно вооруженных сил и ведущие боевые действия с белыми отрядами, были категорически против эвакуации частей корпуса через свою территорию. 20 марта представители Центросибири высказали опасение, не усилят ли эти части белые отряды Семёнова и всех тех, кто не признал советскую власть. Ими было прямо заявлено: «Если этот корпус является сторонником врагов власти, мы их не пропустим и вернем назад». Представитель Пензенского совета губернских комиссаров В. В. Кураев также сообщил 20 марта, что

«обезоруживать всех в Пензе не удастся» и что чехословацкие части нарушают соглашение (реквизируют провизию, имеют платформу с аэропланами). А 22 марта председатель Центросибиря категорически потребовал от Совнаркома прекратить движение чехословацких эшелонов в Сибирь и перенаправить их в Архангельск [120, т. 2, с. 78, 80].

Непредвиденная остановка эшелонов на линии Рязанско-Уральской железной дороги «почти прекратила движение грузов, закрыла главные магистрали и создала крайне напряженное положение» – сообщал 25 марта комиссар Р. Л. Чиркунов, сопровождавший как представитель Полевого штаба, чехословацкие части. В тот же день Пензенский губсовет и ЧСНС договорились о точных цифрах оставляемого оружия. ЧСНС потребовал от СНК выдать специальный документ, гарантирующий корпусу передвижение во Владивосток и снабдить его новым сопровождающим комиссаром. 26 марта после переговоров Кураева и Сталина СНК принял все предложения. Вскоре чехам было заявлено, что задержание эшелонов было вызвано частично недопониманием, частично из-за технических проблем [120, т. 2, с. 82–83, 103].

Внешние факторы также влияли на точное соблюдение договоренностей и позиции как центральной советской власти, так и военного руководства Чехословацким корпусом. Одним из них стала высадка 5 апреля 1918 г. японского десанта во Владивосток, которая вновь поставила чехословацкие эшелоны перед угрозой остановки. На сообщении председателя Уфимского губсовнаркома Б. М. Эльцина Л. Троцкому была оставлена резолюция: «Ввиду нахождения японцев во Владивостоке необходимо задержать движение чехословацких эшелонов». В тот же день С. И. Аралов отдал директиву всем совдепам разоружить следующие из Курска во Владивосток 60 эшелонов и направлять их в Архангельск. 9 апреля Сталин направил телеграмму в Енисейский губисполком, в которой он указывал на изменившуюся ситуацию: «Теперь необходимо полное разоружение эшелонов и отпуск их на восток только маленькими частями и с перерывами, ни в коем случае не вместе». Особо он подчеркивал: «В Архангельск их нельзя» [120, т. 2, с. 92–93, 99, 109].

В ответ на эти действия ЧСНС объявил о прекращении сдачи оружия до окончательного выяснения вопроса о свободном продвижении эшелонов и обратился к СНК за гарантиями, «которые полностью и по-настоящему обеспечили бы его дальнейшее свободное передвижение до Владивостока». Проблема состояла в том, что СНК такие гарантии обеспечить не мог.

Положение усугублялось и внешнеполитическим давлением на РСФСР Германии, требовавшей соблюдения условий Брестского мира по возвращению всех военнопленных. 21 апреля наркоминдел Г. В. Чичерин направил телеграмму в Красноярский совдеп о требовании Германии скорейшей эвакуации германских пленных из Восточной Сибири с указанием: «Чехословацкие отряды не должны продвигаться на восток» [120, т. 2, с. 119–120].

В начале мая 1918 г. французская военная миссия предложила новый маршрут движения эшелонов – через Мурманск и Архангельск. В сообщении от 9 мая представитель ЧСНС А. Страка подробно рассказал о прошедших переговорах в Москве. Любопытно, что говорить солдатам о перемене маршрута по инициативе союзников запрещалось. Постоянные остановки, происходившие по инициативе советской стороны, и без того вызывали недовольство чехословацких солдат, а этот шаг его только усиливал.

16 мая в Челябинске чехословацкие солдаты подрались с венгерскими военнопленными, возвращавшимися на родину. Конфликт быстро перерос в противостояние с советскими вооруженными отрядами, в ходе которого чехословаки захватили город и блокировали работу органов советской власти. Попытки со стороны местных властей и политического руководства ЧСНС из Москвы разрешить конфликт дали частичные результаты: солдаты вернулись в места своего расположения, но сдали лишь часть захваченного оружия [120, т. 2, с. 150–151].

23 мая из Челябинска от делегатов съезда Чехословацкого корпуса в Москву была направлена телеграмма ЧСНС с решением «не сдавать оружия до получения полнейшей гарантии свободного проезда и личной безопасности войска». Причем делегаты выражали уверенность, что «советская власть не в состоянии гарантировать свободный и безопасный проезд нашим войскам во

Владивосток» [120, т. 2, с. 147–148]. Таким образом, чехословацкие вооруженные формирования официально, через свои политические органы заявили советским властям о праве использовать транспортные пути России «вооруженным порядком».

В ответ Л. Д. Троцкий отдал телеграмму всем совдепам и военным комиссариатам о полном разоружении чехословацких частей и суровом наказании каждого нарушителя (вплоть до расстрела и заключения в лагерь военнопленных). Для чехословаков, которые перехватили эту директиву, она стала поводом для вооруженных захватов станций по всей линии вплоть до Иркутска. Начались первые боестолкновения с красноармейскими отрядами, приводившие к жертвам с обеих сторон. Используя выступление чехословацких солдат, нелегальные организации белых приступили к созданию собственных органов власти и организации своих вооруженных формирований.

Так хрупкий нейтралитет с советской властью перерос в вооруженное противостояние, а Чехословацкий корпус стал одной из сторон-участниц Гражданской войны в России.

Ю. В. Рубцов,
*заместитель начальника научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор*

Влияние Первой мировой войны на развитие военного дела: выводы русской военной эмиграции

Значительную долю в среде наших соотечественников, изгнанных из России Октябрьской революцией, составили офицеры и генералы русской императорской армии, в абсолютном большинстве участники сначала Первой мировой войны, а затем – Белого движения. В изгнании они составили интеллектуально активную «духовно-боевую единицу», и «именно наличие военного ядра белой эмиграции придавало ей особую жизнеспособность» в борьбе не просто за выживание, но за сохранение на чужбине своих культуры, языка, традиций.

Несмотря на то, что события революции и Гражданской войны во многом отодвинули Первую мировую войну на периферию общественного сознания, военные ученые-эмигранты рассматривали ее исследование как актуальную научную задачу. Личное участие в войне, глубокое осмысление ее событий, важнейших характеристик, влияния на развитие военного искусства и военного дела убеждали изгнанников в непреходящем значении накопленного опыта для строительства вооруженных сил будущей России.

Эмигрантами был создан ряд капитальных трудов о ходе и событиях Второй Отечественной, как современники называли ту войну, роли в ней России, состоянии армии, отечественном военном искусстве. Весьма значительно число работ мемуарного характера, публикаций документов, журнальных и газетных статей.

Приходится констатировать зачаточное состояние историографии, отражающей исследование опыта Первой мировой войны

силами военных эмигрантов. В советский период на изучении военно-исторической мысли русского зарубежья лежало строгое табу. Первые сколько-нибудь содержательные работы появились только после 1991 г. [6]. Однако они носят общий характер и сюжеты, связанные с освоением военными учеными-эмигрантами наследия той войны, затрагивают вскользь. Лишь в последние годы эта проблема получила некоторое освещение, прежде всего в публикациях составителей и редакторов многотомного антологического издания «Российский военный сборник» И. В. Домнина [44] и А. Е. Савинкина [104].

Вполне закономерно, что пионером в освещении участия русской армии в Первой мировой войне, в исследовании того нового, что привнесла война в военное дело, выступила научная и полководческая элита русского зарубежья – А. К. Баиов, А. В. Геруа, Н. Н. Головин, Ю. Н. Данилов, А. А. Керсновский, А. Л. Мариушкин, Е. В. Масловский и некоторые другие.

Первый значительный труд по проблеме – «Россия в мировой войне. 1914–1915 гг.» – увидел свет в 1924 г. и принадлежал перу генерала от инфантерии Ю. Н. Данилова. Автор обстоятельно осветил причины войны, степень готовности России к ней, состояние вооруженных сил, процесс мобилизации, ход первых сражений, роль Верховного главнокомандующего и ряд других вопросов.

В силу занимаемой накануне и в первый год войны должности генерал-квартирмейстера Ставки ВГК Ю. Н. Данилов приоткрывал читателю такие стороны стратегического планирования, которые большинству других авторов зарубежья были неизвестны. Он проводил мысль о неподготовленности России к войне вообще и к наступательной в частности, говорил о «трудных условиях работы русской стратегии», ее невыгодной, подсобной роли в коалиционной войне. Такая роль требовала от императорской армии постоянной готовности к энергичным, часто – наступательным действиям и маневрированию, на что войска в силу своей организации и недостатка ресурсов были способны не всегда.

Автор решительно возражал против негативных оценок своего детища – плана войны, сакраментально замечая, что после событий судить о них легко. Генерал придерживался мнения о тео-

ретической правильности плана, обращал внимание на то, что его составители вынуждены были исходить из раздвоения главной стратегической задачи – одновременно вести борьбу на два фронта против Германии и Австро-Венгрии [43, с. 497].

В отличие от Ю. Н. Данилова, ограничившегося освещением первых двух лет войны, генерал Н. Н. Головин в своих трудах комплексно исследовал участие России на всем протяжении Первой мировой. Вначале в четырехтомнике «Из истории кампании 1914 года на Русском фронте» он подробно осветил план войны, разработанный российским Генштабом, а также Восточно-Прусскую операцию и Галицийскую битву. А в 1939 г. в Париже им был издан двухтомный труд «Военные усилия России в мировой войне», содержащий анализ военных и политических действий страны в ходе войны, ее реальных и мнимых возможностей.

Эта работа выгодно отличалась от других исследований тем, что наряду с анализом военно-политических, стратегических, оперативно-тактических и социально-экономических сторон в ней получили освещение социологические и социально-психологические особенности той войны. Сущность войны, по убеждению Н. Н. Головина, непостижима без привлечения данных о психическом состоянии и социальном самочувствии как тех, кто были непосредственными участниками военных действий, так и находившихся в тылу. Боевые, материальные и технические составляющие войны, считал ученый, можно адекватно отразить только при условии их рассмотрения в тесной связи с моральным фактором.

Н. Н. Головин был из числа тех военных мыслителей, которые резко критиковали стратегию России накануне и в ходе Великой войны, заключавшуюся в исторически неоправданной зависимости действий русского командования от положения и требований союзников.

«Переоценка нашей силы лежала и в основе нашего плана войны, – писал он. – Вместо того чтобы сосредоточивать все свои усилия против одного из наших врагов с тем, чтобы, разбив его, перебросить главную массу войск для содержания победы над другим, Сухомлинов (Военный министр. – *Прим. ред.*) и его сотрудники задаются целью сразу же наносить решительные удары по австро-

венгерским армиям, сосредоточившимся в Галиции, и по немецким силам, оставленным в Восточной Пруссии, то есть по двум расходящимся операционным линиям» [9, с. 298]. Следствием такой переоценки тут же стали непосильные требования, которые предъявила России Франция.

Дробление сил между Северо-Западным и Юго-Западным фронтами, вместо решительного их сосредоточения на одном направлении, привела к катастрофе в Восточной Пруссии и уменьшению стратегического результата победы в Галиции.

«Преступным по своему легкомыслию и стратегическому невежеству» называл Н. Н. Головин решение командующего Северо-Западным фронтом генерала Я. Г. Жилинского, принятое с ведома Военного министра, начать наступательные действия против Германии на пятнадцатый день мобилизации, тогда как для подготовки войск требовалось минимум три недели. Это решение ученый назвал «главной причиной печального исхода всей войны для России».

Масштабное летнее отступление в кампанию 1915 г. породило пессимистические настроения на фронте, которые активно передавались в тыл. И хотя армия довольно быстро оправилась от тяжелого поражения, в солдатскую массу все сильнее проникала мысль о том, что война была ловко навязана нам союзниками, пожелавшими руками России ослабить Германию.

1916 г. Н. Н. Головин определяет, как «надлом духа в стране». Хотя в ту кампанию была одержана «величайшая из побед» (Брусиловский прорыв), в тылу нарастал развал, власть быстро теряла какой-либо авторитет. Страна была «окончательно деморализована», а вместе с ней разваливалась и армия. После корниловского мятежа (август 1917 г.) «главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл... Армия представляет собой огромную, усталую, плохо одетую и плохо прокармливаемую озлобленную толпу людей...» [9, с. 373].

В фундаментальном труде генерала Н. Н. Головина особый интерес представляют разделы, где социологический подход реализован при анализе человеческих отношений, условий жизни и

быта солдат и офицеров. В книге дана оценка патриотических настроений в стране и армии в период мобилизации и в ходе боевых действий, тщательно исследованы отношения, складывавшиеся в действующей армии между отдельными контингентами военнослужащих, рассматриваются настроения в армейской среде на различных этапах войны, моральное воздействие отступления на армию и население в тылу, что в итоге позволило ученому воссоздать достоверную картину России и ее армии вплоть до «окончательного развала» к осени 1917 г.

Позднее других к истории Первой мировой войны обратился А. А. Керсновский. О значении, которое он придавал исполнению поставленной перед собой задачи, говорит уже тот факт, что в его четырехтомной «Истории русской армии» войне 1914–1918 гг. посвящены часть 3 и весь 4 том. Труд А. А. Керсновского отличаются завидное знание предмета исследования, четкость и убедительность суждений и оценок.

По мнению автора «Истории русской армии», «тот подъем, что охватил в июльские дни 1914 года все слои русского народа, далеко превзошел своими размерами воодушевление 1877 года. Что-то великое, напоминавшее Двенадцатый год, чувствовалось во всем...» [59, т. 3, с. 175]. Но тем горше оказался финал.

Первые шаги к грядущему поражению, считал А. А. Керсновский, были сделаны с самого начала. Составленный генерал-квартирмейстером Ставки Ю. Н. Даниловым по «австрийской шпартгалке» план стратегического развертывания был в первую же неделю ухудшен принятым в Ставке решением наступать одновременно по трем расходящимся направлениям – на Австро-Венгрию, Германию и Восточную Пруссию.

Безграмотно определялись состав и задачи созданных группировок армий, неудовлетворительно было поставлено управление войсками. Учреждение фронтов писатель-эмигрант считал глубоко ошибочным: их командующие получили неслыханные права и преимущества в области ведения войны, каждый воевал по собственному разумению, они не координировали друг с другом свои действия, не считались со Ставкой и парализовали работу командующих армиями.

А. А. Керсновский в своих выводах категоричен: «Русский меч лежал грозной тяжестью на весах войны... Он сокрушил бы неприятельскую коалицию, найдись в России полководец». Однако полководца «не нашлось». Особенно острой критике в труде подверглись командующие фронтами Жилинский, Рузский, Иванов и Эверт, которые, по мнению писателя, могли погубить любую армию. В результате «самоотверженная, как никогда еще в предыдущие войны, боевая работа войск им (высшим командованием. – *Прим. ред.*) профанировалась и пропадала даром» [59, т. 4, с. 165, 176].

По ходу войны положение резко усугубилось кардинальным изменением состава армии. Достаточно сказать, что за три первых года только личный состав пехоты сменился шесть раз. Изменение состава повлекло за собой изменение облика армии. Офицеры и солдаты в подавляющем большинстве носили мундир всего несколько месяцев, а то и недель. Ни те, ни другие не получили надлежащего военного образования и воинского воспитания, не обладали необходимой стойкостью, твердостью убеждений и были очень уязвимы для антиправительственной, антигосударственной пропаганды. «К четвертой осени мировой войны, – рисовал апогей развала А. А. Керсновский, – от Двины до Дуная царила тишина на позициях и сумасшествие позади позиций... Именовавшиеся еще частями толпы отказывались сменять товарищей на фронте. А те, не дожидаясь смены, покидали постылые окопы... Страна погрузилась в грязь и кровь» [59, т. 4, с. 325].

Большинство авторов русского зарубежья концентрировали свое внимание на западном театре военных действий. Однако и кавказский театр нашел своего талантливый исследователь. Ход боевых действий против турецкой армии, как и полководческая деятельность генерала от инфантерии Н. Н. Юденича, нашего лучшего полководца периода Великой войны, были обстоятельно освещены в стратегическом очерке бывшего генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии генерала Е. В. Масловского «Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917».

Не все авторы, естественно, были способны на фундаментальные труды. Тем не менее эмигрантская историография Первой

мировой войны вправе записать в свой актив немало публикаций, которые при сравнительно небольшом объеме внесли заметный вклад в освещение процесса стратегического планирования, тех или иных событий или сторон войны, военного искусства отдельных исторических персоналий.

Так, анализ подготовки к мировой войне по обе стороны линии фронта осуществили генералы С. К. Добrorольский («Стратегические планы сторон к началу мировой войны») и В. М. Драгомиров («Подготовка русской армии к Великой войне»). Отдельным кампаниям и операциям посвящены работы В. Н. Доманевского «Мировая война. Кампания 1914 г.», В. М. Драгомирова «Краткий очерк военных действий русских армий в Галиции и Привислинском крае в августе 1914 г.», В. Е. Флуга «X-я армия в сентябре 1914 года», И. А. Хольмсена «Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 года», Д. Г. Щербачёва «Львов – Рава Русская – Перемышль». Перу Ю. Н. Данилова принадлежит биографический очерк о первом Верховном главнокомандующем русской армией «Великий Князь Николай Николаевич», а Э. Г. Валя – очерк о генерале от инфантерии Д. Г. Щербачёве, фактическом командующем Румынским фронтом. Жертвенной роли нашей страны был посвящен очерк А. К. Баиова «Вклад России в победу союзников», в котором автор с горечью признавал: русский народ пошел на то, чтобы «в буквальном смысле слова пожертвовать собою для спасения союзников».

Во многих работах нашли отражение повседневная боевая деятельность русских воинов, их стойкость и самопожертвование. «Тихие подвижники» – так характеризовал солдат императорской армии в их подвиге во имя России генерал П. Н. Краснов [66, с. 3]. В книге, написанной в беллетризованной форме (впервые издана в Варшаве в 1924 г.), он привел десятки примеров непоказного героизма тех русских людей, одетых в солдатские шинели, кто свято соблюдал присягу и шел на смертные муки во имя Отечества, кто, попав в плен, бежал, чтобы вновь сражаться за Россию, кто и на смертном одре мечтал взглянуть на родную землю.

Анализируя участие России в Первой мировой войне, военные ученые русского зарубежья, конечно, не могли обойти вниманием

едва ли не самый болезненный ракурс темы – фактическое поражение страны, хотя и «без решительной победы ее врагов над Российской армией на театре войны» (Н. Н. Головин), потерю армией боеспособности и ее распад в 1917 г.

Они не идеализировали состояние отечественных вооруженных сил, считая процессы разложения, достигшие апогея после февраля 1917 г., государственной катастрофой. В этом умозаключения непосредственных участников тех трагических событий коренным образом расходятся с точкой зрения некоторых современных авторов, убежденных, будто Российская республика, выведенная большевиками из войны, находилась буквально «в пяти минутах» от победы. Если оставаться в рамках объективности, нельзя не признать, что Россия оказалась наиболее слабым звеном среди воюющих держав, а якобы упущенная из-за Брестского мира возможность присутствовать в блоке будущих победителей была скорее видимостью, чем реальной перспективой [76, кн. 1, с. 400].

Эмигранты сформулировали следующие причины фактического поражения России: неподготовленность к большой войне вообще, к столь затяжной и кровавой в частности, слабость военно-экономической базы; жертвенная и подчиненная роль в коалиционной игре союзников, несогласованная работа дипломатии и стратегии; слабость русской стратегии, стратегическое невежество, «безволие и дряблость» высшего командного состава; резкое снижение качества бойцов и младших офицеров после 1915 г. (почти все лучшие и опытные кадры выбиты в первые два года, «армия стала не та»); военное перенапряжение нации и как следствие разложение вооруженной силы весной – летом 1917 г., полная деморализация общества, «моральное оскудение».

Многие из представителей военного ядра русского зарубежья обнаруживали ростки будущего разложения, приведшего армию к гибели, задолго до Великой войны. «Моральное оскудение... – писал, например, А. А. Керсновский, – захватив собою всю Россию XIX и начала XX века, не могло не захватить и армии» [43, с. 500]. Генерал А. И. Деникин, оценивая состояние военного организма Российской империи в последнее предвоенное десятилетие, высказывал убеждение, что армия вступила в миро-

вую войну, не преодолев разлагающего влияния 1905 г. [103, вып. 6, с. 206].

Из проигранной войны с Японией и революции 1905–1907 гг. выводил одну из главных причин будущего краха русской армии и А. Л. Мариюшкин. «Композиторы русской смуты» ясно увидели, что сила государства заключается в командном составе армии, и для достижения своих разрушительных целей стремились во что бы то ни стало расшатать этот состав, уничтожить его морально. Этот процесс достиг апогея в годы мировой войны, когда, особенно начиная с 1917 г., травля «превратилась буквально в неслыханную охоту за офицерскими скальпами» [75, вып. 17, с. 406].

Авторы русского зарубежья единодушно во мнении, что крушение русской армии в годы Первой мировой войны началось именно с разрушения ее стового хребта – офицерского корпуса. Эта точка зрения подтверждается современными исследованиями. Война привела к кардинальному изменению командного состава. На начало войны русская армия насчитывала свыше 40 тыс. офицеров, кроме того, около 40 тыс. были призваны по мобилизации. В ходе войны получили производство в офицеры еще около 220 тысяч. Непосредственные боевые потери составили свыше 71 тыс. человек. При этом кадровый офицерский состав выбыл из строя уже в первый год войны. В результате наиболее распространенный тип довоенного офицера – потомственный военный (во многих случаях и потомственный дворянин), носящий погоны с десятилетнего возраста (окончивший кадетский корпус и военное училище), воспитанный в духе безграничной преданности престолу и Отечеству – практически исчез [21, с. 9, 11].

Именно по кадровому офицерству били радикально настроенные политические партии и задолго до войны, и в ходе нее. То, что не удавалось в мирное время, по мнению А. В. Геруа, «помогло сделать всеевропейское побоище, первой жертвой которого сделались профессиональные кадры армий» [25, вып. 16, с. 177]. С многими десятками тысяч человек из запаса в армейскую среду проникли и укоренились радикальные антигосударственные и пацифистские настроения, воля армии к сопротивлению была безвозвратно утеряна.

Солидаризируясь с А. В. Геруа, А. Л. Мариюшкин сожалел о том, «как неосмотрительно и легкомысленно было эту самую надежнейшую из ценностей растратить так непроизводительно в первые месяцы войны, когда легло более 75 процентов лучшего офицерского состава. Его уже не мог заменить тот суррогат, зачастую буквально безграмотного прапорщика, который наскоро фабриковался во время войны» [74, с. 120]. Имей Россия нетронутый резерв отборных частей, являвший собой гарантию против внутренних и внешних угроз, ей, считал А. Л. Мариюшкин, были бы не страшны те потрясения, которые в конце концов разрушили трон и уничтожили государство.

В. В. Чернавин также связывал крушение русской армии с потерями командных кадров. К такому выводу его побудил анализ изменений, происшедших в офицерском составе в ходе Первой мировой войны. А поскольку в будущих войнах масштабы «сплошного истребления» возрастут многократно, по его мнению, «военной теории придется серьезно задуматься над этим вопросом и заняться выработкой мер сохранения армии, а в особенности тех незаменимых элементов ее, которыми являются кадры мирного времени» [103, вып. 6, с. 295].

В группе работ, анализировавших причины крушения армии, своим критическим подходом обращает на себя внимание труд П. И. Залесского, которому автор дал более чем выразительный заголовок «Возмездие. Причины русской катастрофы». По его утверждению, война, начатая при исключительно благоприятных условиях для России (участие Англии и Японии, удачное сопротивление Франции), была проиграна уже в 1914 г. и проигрывалась в каждый из последующих годов. Поражение привело к революции, развалу армии, позору России и страданиям честных людей всего мира [47, с. 208].

Такой исход автор в первую очередь связывал с профессиональным невежеством, повальным злоупотреблением («эксплуатацией») служебным положением и низкими моральными качествами всех категорий воинских начальников от высшего командного состава до младших чинов. Требования, предъявлявшиеся до войны к боевой учебе, не имели «ничего общего с будущими воен-

ными действиями», «карьера делалась не знанием дела, не очищением истории от лжи и преувеличений реляций, не осуждением старых приемов... А поэтому и военное дело не изучалось серьезно, никто не углублялся в него» [47, с. 171–172].

В отличие от большинства коллег, П. И. Залесский не ограничивался указанием на недостатки офицерского корпуса, но и включал в круг причин краха армии и страны факторы политического и социального характера. Среди них – недееспособность государственного механизма, непрофессионализм чиновничества, произвол всевозможного начальства, недостойная для церкви роль прислужницы властей, расточительство материальных и людских ресурсов страны, карьеризм, незнание обстановки сверху донизу, начиная с царя. И все это существовало бок о бок с преследованием тех лиц, кто выступал даже со здоровой, конструктивной критикой, которая властями предержажными считалась вредной, в лучшем случае «самооплевыванием».

«Но что особенно говорит не в пользу русской власти, – отмечал П. И. Залесский, – это состояние, подготовка армии... Армия непрерывно поглощает колоссальные средства, и все же постоянная, хроническая «неготовность» тяготеет над нею!» [47, с. 161].

Автор предвидел обвинения своих оппонентов в том, что он нарисовал «слишком мрачную картину русских военных порядков» до 1914 г., и отвечал на них: «Только при наличии таких порядков и могло случиться то, что случилось».

Опыт Первой мировой войны, predeterminedенные ею тенденции развития военного дела военные интеллектуалы русского зарубежья исследовали в тесной связи с актуальными проблемами военного искусства и военного строительства. Они стремились не только научно обосновать факторы как общегосударственного, так и внутриармейского характера, которые подвели императорскую Россию к пропасти, но и спрогнозировать последствия мировой войны для развития мирового сообщества. В своем большинстве их труды носили не только теоретический характер, но и содержали практические рекомендации, к которым могли бы прибегнуть создатели вооруженных сил послебольшевистской России.

Так, один из старейших и наиболее уважаемых деятелей эмиграции генерал-лейтенант А. В. Геруа, будучи убежденным в том, что «затяжная война неминуемо должна вызвать и социальный кризис», первым обратил внимание на тесную взаимосвязь мировой и Гражданской войн. Он аргументировано порицал своих товарищей по эмиграции за невнимание к внутрироссийскому конфликту, доказывал, что «неклассический» характер Гражданской войны не только не отменяет необходимость ее исследования, а должен прямо побуждать к таковому.

Именно на основе анализа мировой войны А. В. Геруа обосновал принципиально важную мысль о том, что успех антиправительственных сил в любой гражданской войне невозможен без разложения регулярной армии [25, вып. 16, с. 176–177]. Под влиянием неудач войны или ее непомерного затягивания народ этически портится, под различными предложениями начинаются укрывательство от мобилизации, саботаж оборонных мер. Запускается механизм саморазложения регулярной армии: разрастается усиленное дезертирство, военнослужащие все чаще не возвращаются из отпусков и командировок в тыл и т. п. Одновременно усиливается пропаганда левых партий, выступающих за поражение своего правительства. Война с внешним противником перерастает в войну внутреннюю.

Как «наследие» Первой мировой войны рассматривал Гражданскую войну в России и А. Л. Мариюшкин. Кроме того, он прогнозировал грядущие глобальные столкновения, обоснованно считая, что «Версаль не только не устранил поводов и причин к спорам, но еще более углубил политические противоречия и расхождения и создал в Европе напряженнейшую атмосферу, которую в будущем суждено разрядить, может быть, только мечу» [74, с. 100].

Подобные оценки Версальского договора разделяли и другие представители военно-политической мысли русского зарубежья, предсказывая не эпоху «вечного мира», а перспективу нового глобального военного столкновения.

Военные теоретики эмиграции опирались на опыт и уроки Первой мировой войны и тогда, когда пытались представить облик армии будущей национальной России, России без большеви-

ков. Уже к середине 1920-х гг. они выработали ясное видение концепции отечественного военного строительства. Ее разработка шла ускоренными темпами, поскольку перспективы скорого падения или перерождения советского режима казались весьма реальными. В основу военного строительства закладывались две важнейшие идеи – о создании военной доктрины и о необходимости перехода к профессиональной армии.

Вопрос о военной доктрине оказался одним из наиболее дискутируемых в среде эмигрантов. Нашлись весьма авторитетные военачальники, которые, подобно генерал-лейтенанту А. М. Драгомирову, отрицали саму возможность в отрыве от войсковой практики разработать в этой области что-либо «путное» [101, вып. 5, с. 277].

Высказывались сомнения и относительно принципиальной необходимости военной доктрины. И это несмотря на то, что корни дискуссии уходили еще в далекий 1911 г., когда она была открыта на страницах газеты «Русский инвалид».

В 1914 г. плодотворную дискуссию закрыла мировая война, но она же одновременно и выявила крайнюю необходимость для русской армии военной доктрины. По мнению А. К. Баиова, неудачи России в минувшей войне проистекали как раз из отсутствия заранее определенной и обязательной для всего командного состава системы взглядов на ее цели, характер и способы ведения. В этих условиях действия даже талантливых полководцев, предпринятые по наитию, делали победы случайными, а поражения закономерными.

«...Опыт войны 1914–1918 гг., – резюмировал автор, – показывает, что доктрина, как единая школа, как единое учение о войне, необходима прежде всего для того, чтобы война велась не случайно, не кустарно и чтобы вследствие этого она приводила к наиболее решительным результатам в наиболее короткий срок с наименьшими усилиями и с наименьшими жертвами...» [101, вып. 5, с. 17].

По убеждению А. К. Баиова, в основу военной доктрины было целесообразно положить следующие положения: доктрина должна носить национальный характер; войска следует учить тому, что необходимо на войне; поддерживать на высоком уровне духовную и боевую мощь армии; действовать против живой силы врага; учитывать соотношение сил; не относиться с пренебрежением к

врагу; знать противника, его слабые и сильные стороны; ставить себе цели, независимо от воли противника; тщательно готовить операцию и бой; стремиться к маневренным действиям, всеми мерами поддерживать дух армии [101, вып. 5, с. 241–244].

Указанной проблеме посвятил раздел своего труда «Полчища» А. В. Геруа. Уже к 19-му столетию, считал он, выявилась необходимость в документе, который содержал бы строго научное обобщение опыта минувших войн и единое понимание вопросов военного искусства. Слепота в военном деле приводит к взаимному непониманию вождей и массы на театре войны и к потере инициативы как в стратегических операциях, так и в бою. Однако разработкой обязательной для всех военной доктрины в России пренебрегли, что обернулось поражениями в Крымской и Русско-японской войнах, а в Первую мировую войну – еще и саморазложением русской армии [101, вып. 5, с. 195].

Очевиден вывод ученого: без тщательно разработанной военной доктрины, аккумулирующей опыт развития военного искусства и военного дела, армии будущей России не обойтись. При этом доктрина должна носить, безусловно, активный, наступательный характер.

В лице А. В. Геруа русская военная эмиграция имела ученого синтетического склада – широко образованного, смело расширявшего поле научного поиска за счет привлечения достижений смежных с военной наукой дисциплин, умевшего заглянуть далеко вперед. Именно он одним из первых в среде военных интеллектуалов увязал проблему создания военной доктрины с достижением оптимальной военной организации, которую он рекомендовал будущей национальной России.

По его мнению, опыт Первой мировой войны не оставлял сомнения в необходимости перехода от системы «вооруженного народа», от «милиции» к профессиональной армии. «Современные полчища» – так он именовал разложившиеся в годы мировой войны армии, сформированные на основе всеобщей воинской повинности – «всеобщего вооружения народа», значительно лучше служили целям свержения существующего политического режима, нежели защите Отечества от внешних врагов.

«Полчища» дошли до своего вырождения, выносил свой приговор А. В. Геруа: «Впредь превосходство сил будет измеряться не миллионами, поставленными под ружье людей, а превосходством техники и организации» [57, вып. 9, с. 101].

Исходя из этого посыла ученый рекомендовал строительство кадровой, оснащенной по последнему слову техники профессиональной армии. Ее необходимость он обосновывал опять-таки опытом Первой мировой войны. В ходе нее выявилось, что ни один из четырех факторов, обеспечивающих устойчивость вооруженных сил, не был удовлетворительным. Орган стратегического планирования – Генеральный штаб – не имел единого понимания вопросов военного искусства. Офицерский корпус также не отличался единством взглядов по доктринальным вопросам войны. Основная масса унтер-офицеров была не кадровой, а призванной из запаса и не имела подлинной профессиональной подготовки. Наконец, четвертый фактор – техника – «была далека от армии и недостаточно развита в стране». В итоге огромная солдатская, некультурная масса растворила в себе все и без того недостаточно «качественно сильные» кадры, и 12-миллионная армия рассыпалась, «как песок по ветру» [57, вып. 9, с. 104–105].

А. В. Геруа предупреждал, что отказ от расчета на многомиллионные массовые армии, «полчища», не такое простое дело. Недостаточно сократить численность уже существующей армии и упразднить призывную систему. Количественный фактор необходимо постепенно, но неуклонно компенсировать качеством кадров и техническим перевооружением.

«Один из главнейших выводов Великой войны, в противность мнения сторонников милиции об универсализации военной специальности, – писал ученый в своей работе «От «полчищ» – к «новой армии», – гласит о крайней необходимости проведения во всем полной специализации. Отсюда важное значение профессиональных военных кадров». Покуда не будет упразднена «всеобщая воинская повинность», делал он вывод, нельзя и думать об упрочении государственной обороны, ибо «сила последней не в «массе», а в технике и в «отборе» [57, вып. 9, с. 146–147].

Позицию генерала разделяли многие его коллеги. Привести все точки зрения, всю аргументацию в пользу «малых» профессиональных армий не представляется здесь возможным. Сошлемся лишь на доводы представителя «новой волны» эмигрантской военной мысли Е. Э. Месснера, сумевшего достойно продолжить дело своих старших современников А. К. Баиова, А. В. Геруа, Н. Н. Головина.

Профессиональную армию он сравнивал с хорошо закаленным клинком, милиционную – с чугунным топором. Первая – прочна и надежна, вторая полна микробов разложения. По мнению Е. Э. Месснера, преимущества профессиональной армии состоят в следующем: за счет качества и подготовки она сильнее милиционной армии, превосходящей ее по численности в несколько раз; она обладает силой духа, энергией, готовностью к самопожертвованию, развитым иммунитетом против микробов пораженчества; она единственная способна к гармонии в военном искусстве, то есть сочетанию маневра, огня и удара; она воскрешает забытый принцип экономии людских и материальных ресурсов; удовлетворяется сравнительно меньшим количеством техники и вооружения [57, вып. 9, с. 175–177].

Система вооруженного народа, по мнению Е. Э. Месснера, должна быть заменена «системой военно-организованного народа», состоящей из «небольшой профессиональной армии, из небольшого резерва армии и громадного трудового ополчения». В своей работе «К возрождению военного искусства» Месснер утверждает, что государство в целом, весь народ работают на победу, но без ломки взаимоотношений мирного времени, без изнеможения «в непосильных усилиях напитать и снабдить прожорливое чудовище – миллионную армию» [57, вып. 9, с. 178].

Военным мыслителям русского зарубежья не довелось практически проверить свои теоретические выкладки и модели военного строительства, поскольку их надеждам на скорое падение или пере рождение советской власти не суждено было сбыться. Участие во Второй мировой войне по обе стороны линии фронта не «малых», а многомиллионных армий, казалось бы, опровергает взгляды сторонников профессиональной армии из числа эмигрантов. В какой-то степени наши соотечественники действительно сформировали иде-

альный образ, который не во всем выдержал проверку временем. Но акцент, которые они делали на элитность военных кадров, их профессионализм и высочайшую преданность Отечеству, как и на высочайшую техническую оснащенность войск и сил флота, нельзя не признать крайне актуальным для Российских Вооруженных сил.

Организованное русским зарубежьем изучение опыта Первой мировой войны, ее влияния на развитие военного дела носило многосторонний характер и было тесно увязано с исследованием актуальных проблем военного искусства и военного строительства. Комплекс вины за поражение в Гражданской войне не заставил эмигрантов – военачальников и ученых – изменить объективности и приукрашивать подлинное состояние русской армии. Признание того факта, что разложение армии, достигшее пика в 1917 г., не только отрезало всякие пути к победе в той войне, но и оставило страну без оборонного щита, лишь побудило их напряженно работать над тем, как не допустить повторения подобной национальной катастрофы в будущем.

Несмотря на определенное (и естественное в академической среде) разномыслие, их роднило стремление работать в интересах России. Они жили надеждой если не своим современникам, то хотя бы следующим поколениям соотечественников передать накопленный русской армией и синтезированный в их трудах богатый опыт военного искусства и военного строительства. У них не было возможности на практике проверить истинность собственных концепций и выводов, но мы вправе констатировать, что историческая действительность подтвердила высокий аналитический и прогностический уровень их трудов.

В СССР творческое наследие военных умов белой эмиграции было по классово-идеологическим мотивам практически проигнорировано, что, помимо иных причин, сказалось на недостаточной подготовленности Советского Союза к испытаниям 1941 г. и на выборе не самых рациональных путей военного строительства в последующий период. Благодаря более широким исследованиям современных историков, интеллектуальное наследие военного ядра русского зарубежья поможет созиданию принципиально новой армии современной России, способной достойно ответить на вызовы и угрозы XXI в.

В. С. Параскевов,
*начальник отдела научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации,
кандидат исторических наук*

Роль артиллерии Красной армии в борьбе против интервентов на Северном фронте (1918–1919 гг.)

Начав кровавую интервенцию на севере молодой Советской республики, империалисты США рассчитывали из района Мурманска и Архангельска по кратчайшему пути быстро захватить Москву и Петроград. Для осуществления этого преступного плана к середине лета 1918 г. в несколько приемов было высажено около 24 тыс. интервентов, хорошо вооруженных всеми видами современной техники. Действия сухопутных войск поддерживались крупными силами авиации, военно-морского и речного флота, командующим интервенционистскими войсками был назначен английский бригадный генерал Э. Айронсайд [97. Ф. 105. Оп. 1. Д. 50. Л. 35].

Войскам интервентов оказывали упорное сопротивление героические отряды молодой Красной армии и флота, насчитывавшие на этом фронте всего лишь около 4 тыс. человек, имевших к тому же слабое вооружение.

Первый огневой удар подразделения советской артиллерии нанесли по кораблям американских интервентов на подступах к Архангельску 31 июля 1918 г. Это были две батареи 152-мм пушек, установленные на острове Скудны (устье Северной Двины) для прикрытия подступов с Белого моря к Архангельску. Героические батареи смело вступили в неравный бой с целой эскадрой интервентов. Несмотря на подавляющее превосходство корабельной артиллерии противника, советские артиллеристы продолжали бой до тех пор, пока все орудия не были выведены из строя и не нависла угроза захвата батарей вражеским десантом. Оставив

остров, артиллеристы присоединились в Архангельске к действующим частям Красной армии, образовав там первые артиллерийские подразделения фронта [92, с. 100].

Заняв Архангельск, войска интервентов повели наступление на главном Северо-Двинском направлении, чтобы захватить Котлас, а потом объединиться с интервенционистскими войсками, наступающими с востока в направлении Пермь – Вятка. Наши войска, ведя ожесточенные бои, сдерживали интервентов.

Для отпора интервентам срочно формировались новые боевые отряды, в состав которых включались и артиллерийские батареи. На Северную Двину был направлен двухбатарейный дивизион, а на поддержку отряда, действовавшего вдоль железной дороги на Архангельск, была выделена тяжелая батарея, вооруженная 152-мм пушками [53, т. 3, кн. 7, с. 259].

Отдельные артиллерийские подразделения (батареи) формировались добровольческими отрядами рабочих, которые из артиллерийских складов, расположенных в Вологде и других районах, подбирали нужную материальную часть и боеприпасы. Эти первые артиллерийские подразделения сыграли важную роль в оборонительных боях против интервентов. Там, где действовали подразделения советской артиллерии, противник вынужден был надолго останавливаться, подтягивать новые части для обеспечения превосходства в силах. Так, например, в бою 4 ноября 1918 г. в 15 км севернее населенного пункта Емца начальник артиллерии отряда организовал централизованное управление огнем шести артиллерийских батарей, установленных на железнодорожных платформах. Искусное сосредоточение огня этих батарей по боевым порядкам противника решило исход боя. Понеся большие потери, интервенты вынуждены были приостановить свое наступление.

Концентрация войск интервентов непрерывно росла. 3 сентября 1918 г. прибыло новое пополнение американцев – около 5 тыс. человек, усиленных артиллерией. На железных дорогах появились бронеплощадки с дальнобойными тяжелыми орудиями. На Северную Двину были направлены новейшие речные катера, имеющие сильное артиллерийское вооружение.

Для борьбы с тяжелой артиллерией противника, установленной на бронеплощадках, рабочие Вологодских железнодорожных мастерских переоборудовали несколько больших угольных платформ и установили на них 107-мм пушки и 122-мм гаубицы. Из частей тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН) на Северный фронт прибыла из центра батарея литера «Б». Батарея была вооружена 6-дюймовыми осадными пушками Шнейдера. Батареей командовал опытный артиллерист С. М. Миронов. Все орудия батареи были установлены на железнодорожные платформы, был создан бронепоезд, получивший название «Слон», также были установлены на железнодорожные платформы и 152-мм гаубицы дивизиона литер «М». Бронепоезд «Слон» и эти первые приспособленные железнодорожные батареи активно поддерживали действия наших войск и успешно подавляли тяжелую артиллерию интервентов [51, вып. 2, с. 31].

Успешно действовала и флотская артиллерия на Северной Двине. Здесь отряды моряков Балтийского флота быстро приспособили к боевым действиям несколько буксирных пароходов, вооружив их 75-мм морскими пушками. Кроме того, несколько железных барж были вооружены 100-мм, 120-мм и 130-мм морскими орудиями. Это были мощные плавающие батареи, положившие начало существованию Северо-Двинской речной военной флотилии. Плавающие батареи стали грозой интервентов, успешно громя сухопутную и корабельную артиллерию американцев и англичан. В этих же боях успешно использовались 107-мм пушки и 152-мм крепостные гаубицы, установленные на плотках. С помощью буксиров они выводились на закрытые позиции (в излучине реки или за островами) и оттуда производили огневые налеты по наиболее крупным целям противника [97. Ф. 105. Оп. 1. Д. 153. Л. 79–80].

Советское правительство, придавая важное значение разгрому американских и других интервенционистских войск на севере, принимали все меры для усиления действовавших там наших войск.

11 сентября был образован Северный фронт. В его состав вошли 6-я и 7-я (входила в состав только до февраля 1919 г.) армии. Оборона коммуникаций, ведущих от Архангельска на Вологду и по Северной Двине на Котлас, Вятку было поручена 18-й

и 54-й стрелковым дивизиям 6-й армии. Мурманское направление и подступы к Петрограду со стороны Финляндии прикрывали части 19-й стрелковой дивизии и отдельной стрелковой бригад 7-й армии.

В то же время были приняты энергичные меры по увеличению численного состава частей и их вооружения. Если к 20 октября 1918 г. в войсках Северного фронта насчитывалось 9 794 штыков и сабель при 57 орудиях, 198 пулеметах и 32 самолетах, то к началу ноября фронт уже имел 17 965 штыков и сабель, 70 орудий, 5 бронепоездов и 252 пулемета. От оборонительных действий фронт постепенно переходил к решению наступательных задач [97. Ф. 105. Оп. 1. Д. 24. Л. 57].

Одновременно с организацией армий и дивизий большое внимание было уделено и созданию боеспособной артиллерии Северного фронта. В каждой армии были назначены начальники артиллерии, которые через свои штабы объединяли и умело направляли боевую деятельность артиллерии.

Большое внимание уделялось выработке наиболее рациональной организации артиллерии в стрелковых дивизиях, отвечающей специфическим условиям действий на севере. Ввиду почти полного бездорожья и болотистого характера местности, сильно затруднявших передвижение артиллерии, подавляющее большинство батарей всех калибров, действовавших вдоль железной дороги, были поставлены на железнодорожные угольные платформы.

В 18-й стрелковой дивизии, например, каждая батарея имела свой железнодорожный состав и делилась на две части: боевую, состоящую из орудийных площадок и вагона для снарядов, и так называемую резервную, которую составляли вагоны для личного состава. Состав имел свой паровоз, который выдвигал боевую часть на огневые позиции.

Для тяжелых батарей часто делались специальные отводные пути в сторону от основной магистрали.

Ведение огня приспособленными железнодорожными батареями весьма затруднялось тем, что отсутствовали топографические карты и, кроме того, весь район боевых действий был покрыт лесом, вследствие чего было почти невозможно подыскать и обо-

рудовать наблюдательные пункты. Но и в таких условиях артиллеристы нашли выход из положения, использовав для подготовки данных для стрельбы довольно точные железнодорожные карты.

Для сопровождения маневренных групп пехоты, совершавших обходные маневры по лесам и просекам, в 18-й стрелковой дивизии были сформированы батарея на конной тяге, вооруженная 37-мм пушками, и конногорная батарея, вооруженная 76-мм горными пушками обр. 1909 г.

В ходе боевых действий основная масса артиллерии находилась в боевых порядках передовых частей пехоты, часть же ее, особенно тяжелые орудия, умело эшелонировались в глубину.

На всех этапах боя, несмотря на количественный перевес американской и английской артиллерии, артиллерия Северного фронта благодаря высокой точности стрельбы достигала полного огневого превосходства над артиллерией врага и господствовала на поле боя, заставляя противника часто менять огневые позиции.

В начале 1919 г. обстановка на Северном фронте ухудшилась. Лихорадочно готовя расширение интервенции против Советского государства, президент США В. Вильсон на конференции в Париже выступил с новым планом вооруженного похода на Россию. Этим планом предусматривалась отправка в Россию новой 200-тысячной американско-англо-французской армии, которая, используя ранее захваченный на севере плацдарм, должна была вторгнуться в северную Россию через Архангельск и осуществить решительное наступление на Москву и Петроград. Американские интервенты попытались развернуть на Севере новое широкое наступление в южном направлении, стремясь соединиться с войсками Колчака в районе Котласа в целях последующего наступления па Москву [52, т. 2, с. 26].

На Восточном фронте А. В. Колчаку удалось захватить Пермь. Ценой больших усилий 3-й советской армии удалось задержать продвижение противника в сторону Вятки, при этом части и соединения армии потеряли около 18 тыс. бойцов и много оружия. Командование Красной армии сумело направить в 3-ю армию резервы и боеприпасы. Наступление колчаковских войск не только было остановлено, но отброшено на восток.

Была усилена и 6-я армия Северного фронта, налажено ее снабжение вооружением и обмундированием. Кроме того, советское правительство отменило директиву Л. Д. Троцкого о снятии частей из Котласского района и усилило войска, действовавшие на этом направлении. Благодаря этому части 6-й армии разгромили американско-английских интервентов и сорвали их планы об объединении контрреволюционных сил в районе Котласа.

19 января 1919 г. войска Красной армии развернули наступление на шенкурском направлении. Здесь действовали соединения и части 6-й армии Северного фронта, насчитывавшие около 2 тыс. человек и 14 орудий. Американские войска насчитывали 3,2 тыс. человек и 30 орудий. Действовать приходилось в необычайно тяжелых условиях – при сорокаградусном морозе и глубоком снежном покрове. Орудия приходилось везти на санях, а местами и тащить на руках. Бойцы легкого артиллерийского дивизиона 54-й стрелковой дивизии сделали 200-верстный переход и с ходу атаковали противника, оборонявшего Шенкурск. Развернулись ожесточенные бои, продолжавшиеся до 25 января.

Умелым маневром регулярных войск и партизанских отрядов американско-канадский гарнизон Шенкурска был окружен и разгромлен. Только незначительной части интервентов удалось вырваться из кольца окружения. Войскам 6-й армии достались большие по тому времени боевые трофеи: 15 орудий, 5 000 снарядов, два парохода, 60 пулеметов, 2000 винтовок, 3 млн патронов, обильные запасы продовольствия и снаряжения [97. Ф. 105. Оп. 1. Д. 24. Л. 63].

Заняв Шенкурск, войска 6-й армии перешли к преследованию остатков американских частей. Артиллерия неотступно сопровождала наступающие войска, помогая им сбивать сопротивление противника на отдельных рубежах. Командиры частей и подразделений умело применяли обходы позиций противника и удары в тыл врагу. Артиллеристы действовали совместно с обходящими отрядами порой, разбирая орудия, перемещали их на санях к месту назначения. Зайдя в тыл противника, артиллеристы, собрав орудия, внезапно открывали огонь по вражеским позициям.

Большую роль в борьбе с американскими и английскими самолетами сыграла зенитная артиллерия. Имея значительное превосходство в авиации, противник совершал налеты на железнодорожные объекты, войска и суда Северо-Двинской военной флотилии. В некоторых налетах одновременно участвовало до 12 самолетов интервентов.

Для прикрытия войск с воздуха на Северный фронт были направлены две железнодорожные зенитные батареи, сформированные на Путиловском заводе и вооруженные 76-мм зенитными пушками обр. 1914 г. Обе батареи были сведены в один Путиловский дивизион. В первых же боях этот дивизион отразил все налеты вражеских самолетов. Особенно отличилась 2-я батарея под командованием А. Осипова. Она за короткий срок уничтожила восемь самолетов противника. Помимо борьбы с самолетами, дивизион нередко привлекался и для ведения огня по наземным целям. Успешно действовали зенитчики ночью. Под покровом темноты батареи приближались к передовым частям противника и поддерживали ночную атаку нашей пехоты.

Для борьбы с вражескими самолетами использовались также две артбатареи 76-мм пушек образца 1902 г. Для стрельбы по воздушным целям пушки устанавливались на специальных станках. Для стрельбы по самолетам широко использовался огонь из стрелкового оружия.

После разгрома под Шенкурском интервенты вынуждены были оставить Северный край. Сопrotивление Красной армии продолжали оказывать белогвардейские войска под командованием генерала Е. К. Миллера, руководившего Белым движением на Севере. Помощь британцев постепенно уменьшалась, что поставило армию Миллера в критическое положение. 19 февраля 1920 г. войска Миллера прекратили сопротивление, а он сам с 800 соратниками эмигрировал.

В боях, завершившихся полным разгромом и изгнанием войск интервентов из Северного края, советская артиллерия сыграла значительную роль. Совершая большие переходы по бездорожью и глубокому снегу, она непрерывно поддерживала свою пехоту.

А. И. Репинецкий,
*профессор кафедры отечественной
истории и археологии Самарского государственного
социально-педагогического университета,
доктор исторических наук, профессор*

Людские потери военнослужащих противоборствующих сторон в годы Гражданской войны

Гражданская война и военная интервенция – величайшая трагедия в истории страны. Она принесла огромные людские и материальные потери. Вопрос о численности людских потерь остается дискуссионным. До настоящего времени не потеряло актуальности высказывание известного демографа Б. Ц. Урланиса: «...вряд ли в какой другой области статистики такой разноразной в данных, как в статистике людских потерь во время войн» [113, с. 13]. Исследователи этого вопроса высказывают самые разные оценки. Причиной этого состояния источниковой базы было плачевное состояние статистики учета населения в первые годы Советской власти, отмечали видные советские статистики того времени [46, т. 1, вып. 1, с. III].

Боевые действия, охватившие практически всю территорию страны, привели к уничтожению материалов статистического учета населения. Новые органы демографического учета населения (ЗАГСы) с трудом отстаивали право на жизнь. В городской местности их нормальная работа начинается с 1923 г. [46, т. 1, вып. 1, с. VII], а в сельской местности на это потребовалось еще несколько лет. Отсутствие материалов первичного демографического учета населения крайне затрудняет исчисление людских потерь, в том числе и людских потерь вооруженных сил в годы Гражданской войны.

Первые попытки исчисления людских потерь периода Гражданской войны, в том числе и военнослужащих, были предприняты вскоре после ее окончания. Известный российский статистик

В. Г. Михайловский, анализируя материал предварительных итогов переписи населения 1920 г., пришел к выводу об огромной убыли населения страны к 1920 г., по сравнению с периодом 1916–1917 гг., которая составила 12 млн человек. Попытки определить причины столь большой убыли привели известного статистика к выводу, что «...Число жертв прошедшей войны не поддается даже приблизительно определению». В тоже время В. Г. Михайловский определил, что убыль военнослужащих в Гражданской войне составила 1 млн человек, правда ничем не обосновывая эту цифру [91, т. 1, вып. 3, с. 4].

Впервые цифры потерь личного состава Красной армии были опубликованы в 1925 г. в статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР в цифрах». На основе данных, представленных статистическим отделом Главного управления РККА, боевые потери Красной армии были определены цифрой в 631 758 человек, а санитарные потери составили 581 066 человек. Таким образом, общие потери военнослужащих Красной армии составили 1 млн 212 тыс. 824 человека [77, с. 110]. Эти цифры стали важной основой дальнейших исчислений. При этом необходимо отметить, что потери противоборствующей стороны указаны не были.

В 1926 г. Управление устройства и службы войск Генерального штаба Красной армии опубликовало именной список погибших на фронтах Гражданской войны [50]. Список содержал 49 тыс. имен рядовых и командиров. Он содержал данные о месте рождения, причины выбытия (смерти) и наименование воинской части. Естественно, это был далеко не полный список погибших. Появление данного списка стало важным событием – родственники попавших в список могли получить официальный документ, подтверждающий факт смерти их близких на фронтах Гражданской войны.

Близкую цифру людских потерь к данным Главного управления РККА назвал комбриг, преподаватель Военной академии Генштаба РККА А. И. Верховский, бывший генерал-майор императорской армии и Военный министр Временного правительства. В своей статье, опубликованной в 1929 г., автор, основываясь на статистических данных, представленных Б. А. Гухманом [31], ис-

числил людские потери в Гражданской войне в 10 млн человек, а численность убитых военнослужащих в 1,5 млн человек с обеих сторон [12, 1929, № 29, с. 11].

Первые изыскания военных потерь, опирающиеся на комплекс архивных материалов, были сделаны советским демографом Б. Ц. Урланисом. Исследователь на основании анализа военных сводок определил общее число убитых и раненых красноармейцев – 632 тыс. человек. Исходя из соотношения, что на одного убитого приходится четыре раненых, численность убитых командиров и красноармейцев была определена в 125 тыс. человек. Урланис одним из первых предпринял попытку исчисления потерь белой армии, отметив при этом «...что потери белых армий точно определить невозможно, но известно лишь, что они выражались в значительных цифрах». При этом он все-таки назвал примерную цифру потерь в 175 тыс. человек [113, с. 183, 184, 188].

Исследователи Гражданской войны единодушно сходятся во мнении, что огромный урон противоборствующим силам наносили эпидемии, прежде всего сыпного тифа. При этом летальность, по расчетам Урланиса, составила 6%. Исходя из этого историк назвал следующие цифры потерь: за период 1918–1920 гг. число умерших от тифа красноармейцев составило 100 тыс. человек. От других болезней (дизентерия, испанка) на фронтах и в тылу умерло 300 тыс. красноармейцев. Урланис считал, что удельный вес потерь белых армий от болезней был несравненно больше вследствие крайне низкой организации военно-санитарного дела. Но по сравнению с потерями Красной армии меньше в численном выражении, т. к. численность вооруженных сил белых армий была меньше. Обобщая имеющиеся данные, Б. Ц. Урланис назвал следующие цифры потерь: число убитых с обеих сторон составило 300 тыс. человек, число умерших от ран – 50 тыс., санитарные потери – 450 тыс. Таким образом, общие потери противоборствующих сторон составили 800 тыс. человек [113, с. 399, 408]. Дальнейшие исследования показали, что эти цифры сильно преуменьшены.

Одним из первых данные о потерях вооруженных сил, представленных Урланисом, подверг сомнению и критике авторитетный ис-

следователь в области исторической демографии Ю. А. Поляков. Проанализировав материалы статистического отдела Главного управления РККА, он пришел к выводу, что в численности санитарных потерь военнослужащих Красной армии были указаны исключительно потери с летальным исходом, что значительно увеличивало численность безвозвратных потерь. По данным Полякова, общие людские потери Красной армии составили 1 млн 212 тыс. 824 человека. Учитывая ожесточенность борьбы, исследователь посчитал, что потери противника были примерно такими же. Поляков впервые предпринял попытки подсчитать потери, понесенные бандформированиями, вооруженными силами местных национальных правительств, участниками антисоветских восстаний. Цифра общих потерь противоборствующих сторон возросла и составила примерно 3,3 млн человек [90, с. 97].

Авторы многотомника «Население России в XX веке» считают, что определить цифру людских потерь в Гражданской войне можно со значительной долей условности. Это связано с состоянием статистических материалов. Для определения численности потерь ученые института Российской истории ИРИ РАН применили методику ретроспективного использования материалов переписей. В результате они назвали цифру потерь вооруженных сил противоборствующих сил в пределах 2,5–3,3 млн человек [78, т. 1, с. 94, 97].

Огромную работу по исчислению потерь военнослужащих в войнах, в том числе и Гражданской войны, проделал коллектив под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева. Авторский коллектив проанализировал все имеющиеся свидетельства и представил численность боевых потерь военнослужащих Красной армии в Гражданской войне по годам. По их расчетам общая численность безвозвратных потерь военнослужащих за период 1918–1920 гг. составила 742 833 человека (убиты, умерли от ран и болезней, пропали без вести, и т. д.). Потери противоборствующей стороны подсчитаны не были [100, с. 120]. Последние данные о потерях военнослужащих представлены в научном справочнике «Потери народонаселения в XX веке», подготов-

ленном российским историком В. В. Эрлихманом. Автор определяет потери, понесенные противоборствующими сторонами, в 2,5 млн человек [121].

Необходимо отметить, что названные потери охватывают период 1917–1922 гг., в то время как предыдущие авторы рассматривали период 1918–1920 гг. В состав военных потерь автор включил и потери военнослужащих от инфекционных болезней. Эрлихман также отмечает, что очень высокие потери понесли повстанцы, партизанские отряды, так называемые «зеленые». Их потери автор приравнивал к потерям действующей Красной армии.

Таким образом, разброс числа потерь весьма значительный. Представляется, что данные, представленные академиком Ю. А. Поляковым, по безвозвратным потерям всех противоборствующих сторон, являются наиболее взвешенными и обоснованными. Очевидно, не стоит рассчитывать на появление новых источников, способных кардинально изменить сложившуюся картину. Точная число потерь военнослужащих, как и всего населения, в годы Гражданской войны вряд ли будет установлено.

А. А. Тушков,
*профессор кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса,
доктор исторических наук*

К вопросу о военно-морском строительстве на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны

После освобождения внутренних районов и бассейнов рек от белогвардейцев в центральных областях России, когда создавались озерные и речные военные флотилии из случайного, подручного материала и судов, захваченных у белых, перед правительством и Народным комиссариатом по морским делам РСФСР встали серьезные задачи: совместно с частями Красной армии ликвидировать сопротивление на внутренних фронтах Гражданской войны и организовать борьбу за утверждение своего выхода к морям; утверждение владения достигнутыми морями, оборона морских прибрежных районов и границ для обеспечения мирного развития Советской Республики.

Немаловажную роль в этом играл Дальний Восток, где Гражданская война и военная интервенция носили своеобразный характер. С падением правительства адмирала А. В. Колчака и образованием в апреле 1920 г. Дальневосточной республики перед Советским правительством появилась реальная возможность с восстановлением морских сил укрепить военно-политическое влияние РСФСР на Дальнем Востоке.

Деятельность государственных и военно-политических органов Советской России по формированию и становлению морских сил в этом регионе в силу специфики Гражданской войны и иностранной интервенции имела ряд характерных черт и особенностей.

Исходя из сложившейся военно-политической обстановки, правительство РСФСР и Наркомат по морским делам, формируя морские силы на восточном направлении, работу проводили ком-

плексно и, учитывая все факторы, создавали флот в двух направлениях: оперативные разнородные силы флота с местом временного базирования в бассейнах рек Восточной Сибири, которые представляли собой Сибирскую военную речную флотилию; с постоянной дислокацией и местом базирования основных сил флота во Владивостоке – Сибирской военной флотилии; в бассейнах рек Амура и Сунгари (Хабаровске и Благовещенске) – Амурской военной речной флотилии.

Создавая военную флотилию в бассейнах рек Сибири, Советское правительство преследовало как военные, так и политические цели:

- поддержка созданной на границе РСФСР и ДВР мощной военно-морской группировкой боевых действий народно-революционной армии Дальневосточной республики;

- боевое обеспечение стратегического наступления 5-й армии РККА, действующей в операционной зоне флотилии и в бассейне реки Селенга в тылу противника;

- вооруженное подавление крестьянских восстаний и оперативное выполнение милицейских функций в бассейнах рек Лены, Нижней Ангары, Баргузы, Селенги и оз. Байкал при активной поддержке гражданских лиц Советской власти;

- организация, поддержка и укрепление Советских органов в ряде районов Сибири и Забайкалья;

- усиление коммунистического влияния в отдаленных регионах Республики. Сибирская военная речная флотилия являлась оперативно-стратегическим военно-морским соединением разнородных сил, носящем временный характер, являющимся переходным звеном в решении задач строительства морских сил на Дальнем Востоке.

Восстанавливая дальневосточные военные флотилии, правительство и морское ведомство Советской России преследовали стратегические цели: обеспечить боевую и мобильную поддержку операций сухопутных армий и партизанских отрядов ДВР в освобождении Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов, а также, сохранив основные силы флота на Дальнем Востоке.

ке, перейти к формированию регулярного флота как вида вооруженных сил ДВР.

Успешное продвижение Красной армии на восток в конце 1919 г. и освобождение партизанами части дальневосточных территорий значительно активизировали движение против колчаковских войск и интервентов в Приамурье и Приморье. Под руководством Объединенного оперативного штаба революционных войск 31 января 1920 г. во Владивостоке победило вооруженное восстание. Командующий Приамурским военным округом генерал-лейтенант Розанов сложил свои полномочия. Власть была передана Приамурской земской управе. В ходе восстания моряки Сибирской и Амурской военных флотилий на общем собрании избрали Военно-морской революционный штаб, который должен был руководить движением революционных моряков [96. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 153. Л. 1].

Взяв власть в свои руки, Военно-морской революционный штаб после бегства командующего морскими силами на кораблях Сибирской флотилии уже с первого дня приступил к организации службы и сохранению имущества. Оказалось, что после переворота большинство судов сильно пострадало, было потеряно немалое количество оснащения и оборудования [19, с. 423]. Была проведена регистрация морских офицеров, всем предложили оставаться на своих местах [96. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 9. Л. 155].

Началась реорганизация управления флотилии на новых началах. Основой этого должны были стать временные комитеты на судах и береговых командах. Ввиду того, что офицерами были оставлены вверенные им суда и береговые команды, Военно-морской революционный штаб 30 января приказал временно создать судовые комитеты, которые должны были взять на себя обязанности по присмотру судов и всего имущества, находящегося на них. Такие же комитеты должны быть выбраны и в береговых командах [96. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 153. Л. 1].

Штабом была предложена также новая структура власти. Вся административная власть ложилась на администрацию судна (команды), состоящей из командира, старшего офицера и начальника хозяйственной части, а политическая – на комитет, но при руково-

дстве штаба. Были определены функции комитета: общая осведомленность по всем предметам хозяйства, администрации, политики; работа в полном контакте с администрацией; ответственность за «административное поведение» команды и карательные функции за все бесчинства и нарушения дисциплины. Был определен и состав комитета – председатель, товарищ председателя, секретарь и три члена [96. Ф. Р-2028. Оп. 2. Д. 27. Л. 47].

Несмотря на полную расшатанность дисциплины и недоверие рядового состава командному составу, в течение февраля – марта около 60% судов были подготовлены к весенне-летней кампании. На судах, в учреждениях, береговых командах и дивизионах были выбраны политические уполномоченные областного военного совета, принявшие дела у комитетов.

В отличие от функций выборных комитетов, права уполномоченных ограничивались контролем за работой командного и административно-хозяйственного состава. Им была дана возможность: содействовать командному составу в укреплении военной дисциплины; урегулировать конфликтные ситуации во взаимоотношениях между военнослужащими и т. д. [96. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 153. Л. 8]. Руководил ими Совет уполномоченных – так стал называться Военно-морской революционный штаб. Совет уполномоченных подчинялся Военному совету Временного правительства земской управы, формальным председателем которого был эсер А. С. Медведев, а фактическим руководителем – заместитель председателя, большевик С. Г. Лазо [19, с. 424; 100, с. 177].

Началось возрождение речной флотилии и на Амуре. В Благовещенске, освобожденном партизанами 5 февраля, был образован Временный исполком рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, который 11 февраля принял решение о формировании красной Амурской речной флотилии. Формирование было поручено комиссару В. В. Безднину. Через три дня его сменил бывший партизан Ф. Ефремов. С большей эффективностью восстановительная работа началась после образования военного комиссариата Амурской области, который 4 апреля утвердил смету Благовещенского отряда в сумме 5 830 000 рублей [96. Ф. 4518. Оп. 1. Д. 64. Л. 36]. Созданный при комиссариате специальный

отдел Красного флота непосредственно руководил этой работой на судах флотилии.

Понимая, какое значение имеет существование морских сил на Дальнем Востоке, Военный совет правительства земской управы 16 марта 1920 г. предпринял попытку в срочном порядке организовать Амурскую военную речную флотилию с подчинением командующему Сибирской флотилией. Восстановление предполагалось произвести за счет вооружения речных коммерческих судов. После формирования флотилия должна была перейти в подчинение командующего фронтом с выполнением задач: защита русских интересов от иностранцев и «обеспечение твердого обладания водными путями Амурского бассейна за общерусской властью»; недопущение плавания по Амуру иностранных вооруженных судов; «подавление возможных попыток приверженцев павшего строя возобновить гражданскую войну...» [96. Ф. Р-2028. Оп. 2. Д. 103. Л. 5].

Одновременно с этим Временный исполком Благовещенского совета после освобождения города от белогвардейцев вел переговоры с японским командованием о передаче судов и главной базы в Хабаровске Совету. Формирование Благовещенского отряда началось 9 февраля по инициативе канонерской лодки «Орочанин» и уже 13 февраля он был сформирован и признан как боевая единица [96. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 9. Л. 155]. В течение месяца шел набор судового состава. Предпочтение отдавалось лицам, служившим ранее во флоте, специалистам ведущих специальностей и политически благонадежным. В отряд стали приходить добровольцы – партизаны, бывшие моряки Амурской и Сибирской флотилий. В соответствии с табелем комплектации Благовещенский отряд предполагалось довести до 185 человек, вооружив две канонерские лодки и катер. Ближайшей задачей штаба флотилии стала борьба за возвращение базы, находящейся в Хабаровске в руках японцев.

В то время, когда шло восстановление красной Амурской военной флотилии, в Хабаровске самостоятельно действовал морской отряд, который возглавлял бывший командир посыльного судна «Колос» А. Я. Бычков, комиссаром был Е. А. Старостин, в

прошлом председатель ЦК Амурской флотилии. В начале мая под руководством Бычкова отряд прибыл в Благовещенск, где отряды объединились и была образована красная Амурская военная речная флотилия. Командующим назначен В. Я. Канюк, комиссаром – Г. П. Садчиков. Объединение произошло благодаря переговорам в феврале 1920 г. Временного исполкома Благовещенского совета с японским командованием. В ходе переговоров японцы неоднократно угрожали применить оружие, однако успешное наступление Красной армии в Восточной Сибири, мощное партизанское движение в Забайкалье и Приамурье вынудили их объявить нейтралитет и прекратить борьбу против революционных войск и объявить об эвакуации. [73, с. 258].

Решением Объединенного оперативного штаба 1 февраля 1920 г. командующим Сибирской военной флотилии был назначен контр-адмирал Н. И. Черниловский-Сокол [30, с. 538]. Сформированный в начале февраля штаб приступил к исполнению своих обязанностей. Существовавшее ранее Управление Владивостокским портом и Сибирской военной флотилией, введенное при Морском министерстве Временного правительства, изменений не претерпевало вплоть до 1922 г. Управление состояло из двух частей, штаба командующего флотилией и портовой конторы. Штаб имел пять отделов (распорядительный, оперативный, технический, общий, учетно-мобилизационный) и хозяйственную часть. При штабе состояла квартирная комиссия.

С 31 января 1920 г. штаб командующего стал подчиняться штабу вооруженных сухопутных и морских сил Временного правительства Приморской областной земской управы. Было разработано новое положение о денежном довольствии, основой которого являлось начисление окладов из прожиточного минимума. Команды судов и рабочие порта приступили к приведению в порядок 10 миноносцев и 5 посыльных судов, их ремонту и подготовке к весеннему плаванию.

Штабом флотилии был разработан план предстоящей летней кампании. Он предусматривал охрану побережий от устья Тюмень-Улы до Анадыря. В плавании должны были находиться 7 миноносцев и 5 посыльных судов. Были выбраны базы в различных

пунктах побережья, где предполагалось организовать угольные склады. Разрабатывался вопрос о снабжении Амурской флотилии всем необходимым для ее восстановления.

В марте Хабаровский отряд отправил своего представителя во Владивосток с просьбой о материальной помощи. 3 апреля эшелон с четырьмя орудиями и боеприпасами прибыл в Хабаровск. Были посланы два эшелона с артиллерийским вооружением для намеченных к перевооружению двух речных пароходов [96. Ф. Р-416. Оп. 1. Д. 24. Л. 75]. Но неожиданное наступление японцев 4–5 апреля 1920 г. разрушило всю предварительную работу, дезорганизовало команды. Одна часть личного состава ушла в сопки, где присоединилась к партизанским отрядам, другая вместе с командным составом была арестована и обезоружена на судах японцами, миноносцы и посыльные суда разоружены. Причем во время содержания под арестом судовых команд японцы особенно сильно разграбили миноносцы и помещение штаба [96. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 71. Л. 91].

Командующий флотилией и офицеры штаба вступили в переговоры с японским командованием для ликвидации создавшегося положения, так как командующий морскими и сухопутными силами Приморского района Краковецкий был вынужден скрываться в чешском штабе. 5 апреля революционные войска оставили город. Момент выступления для себя японцы выбрали удачно, так как процесс преобразования партизанских отрядов и бывших частей белых в регулярные революционные войска завершен не был. Но японскому командованию в Приморье не удалось осуществить основную цель – свергнуть поддерживаемое коммунистами Временное правительство областной земской управы. Лишь в Хабаровске им удалось создать послушное правительство во главе с домовладельцем Лихойдовым.

В Приморье власть осталась в руках областной земской управы, председателем которой был правый эсер А. Медведев, а заместителем – П. М. Никифоров. В результате предъявленного японскому командованию протеста (в связи с событиями 4–5 апреля) и начавшихся переговоров Временное правительство возобновило свою работу. Это способствовало проведению переговоров ко-

мандующего Сибирской флотилией Н. И. Черниловского-Сокола об отмене временного соглашения от 7 апреля 1920 г., подписанного начальником дивизиона миноносцев С. С. Носиловым, по которому все суда и команды считались военнопленными; суда не могли поднимать флагов и передвигаться с места на место; вооружение и части машин оставались в руках японцев; без согласия японцев запрещалось перемещать офицеров и т. д. Унизительные условия этого соглашения делали существование флотилии невозможным. По настоянию командующего Н. И. Черниловского-Сокола соглашение было опротестовано В. Г. Болдыревым [96. Ф. Р-416. Оп. 1. Д. 24. Л. 77], вновь назначенным командующим морскими и сухопутными силами Приморского района.

Подписанное 29 апреля 1920 г. Соглашение между представителями Приморской областной земской управы и японского командования о прекращении боевых действий и нормализации отношений сторон лишало командование Приморья возможности иметь вооруженные силы, кроме милиции, в районе расположения японских войск в 30-верстной полосе. Но оно не затрагивало вопрос о захваченных японцами во время апрельских событий судов обеих флотилий [96. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 48. Л. 177–178].

Несмотря на протест, соглашение от 7 апреля 1920 г. стало руководящим фактором во взаимоотношениях с японским командованием. Это положение существовало до августа 1920 г., лишив возможности флотилию выполнить запланированную работу. По нашему мнению, причинами этого являлись:

- отсутствие реальной власти у Верхнеудинского правительства ДВР, неспособность его влиять на японское командование по вопросу взаимоотношений и урегулирования последствий японского выступления 4–5 апреля 1920 г.;

- существовавший сепаратизм коалиционного правительства Приморской земской управы и Дальневосточного народного собрания по отношению к Временному правительству ДВР;

- формальное подчинение Сибирской военной флотилии после создания Временного (Верхнеудинского) правительства главнокомандующему НРА ДВР. После длительных переговоров 3 августа японское командование подписало «Протокол о русских военных

судах на Дальнем Востоке» [19, с. 426]. В соответствии с этим протоколом, русским властям передавались все суда, задержанные японцами в апреле 1920 г., но без боеприпасов и оружия. Кроме того, русские военные суда не могли без ведома японского морского командования во Владивостоке находиться в вооруженном состоянии в территориальных водах от устья р. Тюмень-Улы до мыса Поворотного. Для плавания русских судов также требовалось разрешение японского командования.

Несмотря на достигнутые результаты и подписание соглашения, продолжались переговоры о возврате судов, находящихся в Хабаровске. В середине сентября при активной поддержке Советской России правительство ДВР добилося подписания нового документа, существенно дополнявшего Русско-японское соглашение от 29 апреля 1920 г., по условиям которого после оставления японскими войсками Хабаровска русские военные суда не могли заходить южнее реки Иман.

Тем не менее по приказу командования Восточносибирской армии в осеннюю навигацию 1920 г. Амурская военная флотилия обороняла верховья Амура в районе станицы Луговой. На позиции там находились вооруженные пароходы «Труд», «Карл Маркс» и «Марк Варягин», а фарватеры ниже их и у устья Сунгари были попытаны переправиться на левый берег Амура или нарушить перекрыты линейными заграждениями, постановку которых выполняла линейная партия во главе с Луневым. Японцы неоднократно тылы Амурского фронта ДВР, но суда Амурской флотилии надежно охраняли верховья реки. 13 мая по приказу Главного оперативного штаба Восточносибирской армии два катера «Буря» и «Тунгуска» были направлены в Ломы на реку Шилка в распоряжение командующего Забайкальского фронта Д. Шилова [96. Ф. Р-417. Оп. 2. Д. 6. Л. 48].

К сентябрю 1920 г. в боевой состав Амурской военной флотилии входили четыре вооруженных парохода, три катера, пять прикомандированных пароходов, береговая рота. Всего 670 человек судового состава: командного – 33, политуполномоченных – 9, рядового – 628 человек [97. Ф. 170. Оп. 1. Д. 75. Л. 60].

Сибирская флотилия, несмотря на ущерб, причиненный японцами, продолжала выполнять различные задачи: практика и подготовка личного состава, изучение командным составом навигации в прибрежных районах; охрана рыболовных и звериных промыслов и рыболовный надзор в районе вод русского побережья; обслуживание и снабжение маяков и постов Службы связи; отдельные поручения различных ведомств; морские съемки Камчатского побережья на протяжении 900 миль.

Таким образом, несмотря на сложную военно-политическую обстановку, связанную с образованием Дальневосточной республики, местными государственными самообразованиями и командованием флотилии была проделана большая работа по ее сохранению. Но статус Сибирской военной флотилии и ее задачи на летнюю кампанию определены не были в связи с проблемами становления политических и военных институтов ДВР. Только после объединения областей Дальнего Востока, с декабря 1920 г. стало возможным планирование флотилии в предстоящую навигацию как отряда судов во Владивостоке.

Проведя исследование архивных документов и изучив опубликованные источники и воспоминания участников тех событий, нами был сделан вывод, что в летней кампании 1920 г. высшим руководством РСФСР и ДВР, высшим командованием вооруженных сил республик было недооценено значение Амурской и Сибирской флотилий. Только со сложением полномочий коалиционного правительства Приморской земской управы как государственного образования и объединением с ДВР обе флотилии стали учитываться в планах командования как боевые соединения. С взятием Читы открылись перспективы использования военных судов на Амуре и во Владивостоке. В своем докладе в штаб морских сил республики М. Н. Попов предложил ряд мер по восстановлению Амурской флотилии и расформированию Сибирской речной флотилии.

В конце 1920 г. после того, как японцы оставили Хабаровск, восстановлением Амурской военной флотилии руководили командующий Сибирской военной флотилией Н. И. Черниловский-Сокол и управляющий военными и морскими делами Временного правительства Приморской области В. Г. Болдырев. Вопрос усиления

Амурской флотилии за счет судов и личного состава Сибирской речной флотилии обсуждался правительством ДВР, Народным комиссариатом иностранных дел РСФСР и высшим военным командованием Советской Республики. Однако переброска судов на Амур в то время была признана нецелесообразной. Только в марте 1921 г. директивой командующего всеми Морскими силами РСФСР Сибирская речная флотилия была реорганизована в Байкальский дивизион судов. В марте на Амурскую флотилию были отправлены пять катеров [96. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 56. Л. 6]. Лишь после ликвидации «читинской пробки» и объединения всех областей дальневосточного региона стала возможна целенаправленная работа государственных структур Советской Республики и ДВР по созданию морских сил на Дальнем Востоке под общим командованием НРА Дальневосточной Республики.

Еще одна особенность, характеризующая деятельность государственных и военно-политических органов Советской России по формированию и становлению морских сил на Дальнем Востоке, состоит в том, что морское строительство проходило на освобожденной от колчаковских войск территории Сибири и в условиях оккупации японскими интервентами региона, что представляло собой для Советского правительства определенную сложность в материально-техническом обеспечении и комплектовании флотилий судовым составом. Это потребовало от всех государственных институтов РСФСР не только решения комплекса организационно-политических, но и дипломатических задач на Дальнем Востоке, а так же вынудило правительство РСФСР и Наркомат по морским делам принять меры по совершенствованию органов управления и структуры морского ведомства, основной целью которых было соответствие проводимых мероприятий задачам объединения морской обороны в едином центральном органе управления и создания соответствующей структуры управления на местах [84, с. 70].

Выполнение подобных задач в области военно-морского строительства являлось уникальным и требовало продуманных и взвешенных решений всех государственных органов. Это было связано с внешнеполитическим курсом и проводимой политикой

РСФСР по предотвращению развязывания войны с Японией. В таких условиях восстановление морских сил под флагом Советской России было задачей невыполнимой как с военной, так и с политической точек зрения. Возможность ее решения лежало только в рамках образования единого буферного государства с центром в Верхнеудинске, признания его геополитической реальностью РСФСР и другими странами. Однако межпартийное совещание политических партий во Владивостоке, состоявшееся в мае 1920 г., отказалось признать центром ДВР Верхнеудинск и считало Владивостокское правительство центральным, уполномоченным объединить все области края.

Только с завершением объединения всех областей Дальнего Востока в единое буферное государство – ДВР – стала возможной планомерная и целенаправленная работа всех государственных органов РСФСР и Дальневосточной республики по созданию и правовому регулированию флота.

Деятельность государственных органов РСФСР по созданию морских сил носила не только военный оперативно-стратегический характер (обеспечение поддержки сухопутных армий и отрядов партизан в операционных зонах озера Байкал, бассейнах рек Лены, Селенги, Сунгари и Амура; освобождение Забайкалья и Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов), но и политический. Восстановив морские силы на Дальнем Востоке, РСФСР смогла бы приступить в дальнейшем к формированию регулярного флота и обеспечить: право России на владение морем; военно-политическое влияние РСФСР на проводимую Японией, США, Францией, Великобританией и другими странами политику в странах Юго-Восточного региона и на Дальнем Востоке Советской России.

По нашему мнению, одной из характерных особенностей в формировании морских сил на Дальнем Востоке являлось и то, что в условиях легально существующих политических партий воспитание военморов осуществлялось комплексно и наряду со многими было наиболее важной задачей. Формирование политических органов и системы политического воспитания в Сибирской

военной речной флотилии в условиях Советской власти, во многом отличалось от становления политических институтов на дальневосточных флотилиях. Главное отличие состоит в том, что образование морских сил Дальневосточной республики проходило в условиях легально существовавшей многопартийной системы, где влияние других партий, кроме РКП(б), было велико. Политические органы Сибирской речной флотилии создавались под непосредственным руководством и как отделение политического отдела 5-й армии Восточного фронта, точно копируя всю систему политического воспитания военморв Красного флота.

Дальбюро ЦК РКП(б) и политорганы Народно-революционной армии и флота выполнили директиву ЦК: в условиях легального существования мелкобуржуазных и буржуазных партий была осуществлена руководящая роль большевистской партии в армии и на флоте ДВР. 11 ноября 1920 г. постановлением правительства Дальневосточной республики была учреждена должность политического эmissара вооруженных сил ДВР, возглавившего партийно-политическую работу. Непосредственное руководство данной работой осуществлялось политическим отделом, с 4 декабря – Военно-политическим управлением народно-революционной армии [98. Ф. 17. Оп. 13. Ед. хр. 293. Л. 25]. Во главе Военпура стояла коллегия, в которую входили: В. П. Бельгов – эmissар НРА, А. Л. Сноскарев, А. М. Финковский и Я. П. Жигалин [98. Ф. 372. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 33]. Политотделы дивизий, бригад и гарнизонов строились по штатам Красной армии. В полках и батальонах был введен институт военных комиссаров, в ротах введены должности политруков.

Важную роль в определении задач и форм политической работы сыграла конференция военных комиссаров народно-революционной армии, прошедшая в Верхнеудинске 5–12 июня 1920 г. На конференции присутствовали 80 политических работников. Они обсудили вопросы строительства ДВР, принципы внутреннего строительства и политической работы народно-революционной армии. Как одну из самых важных задач, стоящих перед политработниками, конференция отметила разъяснение широкой массе народоармейцев политики РКП(б) в буферном государстве.

Она признала существование института военных комиссаров единственно верным по руководству армии в интересах трудового народа.

Учитывая преждевременность советизации Дальнего Востока в условиях передачи власти Приморской земской управе, большевики искали новые формы политического влияния на флоте, отличавшиеся от уже утвердившихся в Советской России. По рекомендации Дальневосточного комитета РКП(б) и на основании приказа командующего всеми морскими силами Дальнего Востока № 96 Военный совет упразднил сыгравший свою роль Военно-морской революционный штаб, судовые, дивизионные и другие комитеты [96. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 96. Л. 3]. В течение февраля 1920 г. на судах, в учреждениях, береговых командах и дивизионах были выбраны политические уполномоченные областного Военного совета.

Сыграв на определенном этапе роль политического руководителя, решением Приморского областного и Владивостокского комитетов РКП(б) Совет уполномоченных в начале августа 1920 г. был преобразован в политический отдел при управлении военными и морскими делами Временного правительства Дальнего Востока. Приказом командующего Сибирской военной флотилии Н. И. Черниловского-Сокола от 2 сентября было объявлено Положение о политотделе. В соответствии с принятым Положением политический отдел непосредственно подчинялся управляющему военно-морским ведомством и находился под общим руководством Совета управляющих. Перед ним ставились задачи:

- осведомление высшего командования о политической ориентации и взглядах командного состава;

- осведомление через управляющего военно-морскими делами правительства о настроениях в армии в связи с особенностями общественно-политической жизни;

- культурно-просветительная работа среди судового состава. Положением определялся порядок назначения личного состава Отдела уполномоченных, их взаимоотношения с судовым составом, а также их права и обязанности. Начальник политического отдела назначался по представлению управляющего военно-мор-

скими делами, через Совет управляющих приказом Временного правительства, личный состав отдела – по представлению начальника политотдела приказом управляющего военно-морскими делами [96. Ф. Р-2028. Оп. 2. Д. 27. Л. 152].

Уполномоченные подчинялись по команде снизу вверх начальнику политического отдела. Положение впервые законодательно закрепило основные права уполномоченных, определило их функции и ответственность перед военным судом в общем порядке устава «военно-судебного».

На Амурской военной флотилии с 8 ноября 1920 г., после переформирования НРА политической и культурно-просветительной работой среди моряков занимался политотдел второй Амурской армии, вплоть до 6 июня 1921 г., когда был создан политический отдел флотилии. Непосредственно на флотилии за политико-воспитательную работу отвечал комиссар, а на судах и в учреждениях – политуполномоченный.

На состоявшейся 22–28 ноября 1920 г. 1-й Дальневосточной краевой конференции РКП(б) были подведены итоги политической и партийной работы. В своем докладе А. Л. Сноскарев отмечал, что с момента создания НРА и флота «абсолютно отсутствовало общее руководство и направление политической и партийной работы», работа «военкомов была сведена к нулю». В соответствии с директивами ЦК РКП(б) перед политотделами и партячейками были поставлены следующие задачи: организация дисциплинированной и боеспособной армии; перевоспитание народоармейцев, ранее служивших в частях Колчака и Семенова; быстрое и безболезненное изживание партизанщины [32, с. 81]. В шестинедельный срок каждый народоармеец должен был пройти курс обучения, научиться основным правилам ведения боевых действий. Для этого организовали регулярные занятия по политической и боевой подготовке.

1 октября 1920 г. началась 3-я Читинская операция, в результате которой части народно-революционной армии ДВР 22 октября 1920 г. освободили Читу. Остатки частей атамана Семенова отошли в Манчжурию. Успешное развитие Читинской операции НРА ДВР вынудило японское командование ускорить вывод своих войск из Хабаровска. Эвакуация японских войск была проведена с

20 сентября по 12 октября 1920 г. При этом три канонерских лодки, одна башенная лодка, два парохода и несколько посыльных судов Амурской военной флотилии были ими уведены на Сахалин, остальные суда разграблены, оставлены без машин, орудий, замков и облиты кислотой. Все имущество флотилии было приведено в негодность, мастерские разбиты [32, с. 81].

Общая сумма ущерба, нанесенного японцами Амурской военной флотилии, составила 11 561 528 рублей золотом [96. Ф. Р-417. Оп. 2. Д. 16. Л. 41–43]. Кроме того, интервенты разрушили железнодорожную ветку от Хабаровска до Осиповского затона.

В конце октября 1920 г. на базу из Благовещенска прибыли 100 военных моряков во главе с Иваном Мякишевым для постройки и ремонта казарм. Месяц спустя сюда перебазировался штаб флотилии. Дальбюро ЦК РКП(б) поставило перед моряками задачу – во что бы то ни стало подготовить лодки к весне 1921 г.

В связи с ликвидацией «читинской пробки» и завершением объединения областей значение созданного на границе с ДВР мощного военно-морского соединения разнородных сил падало. В феврале 1921 г. из состава Сибирской военной речной флотилии приказом командующего флотом по Сибири при сохранении прежней структуры, организации и штабов был образован дивизион канонерских лодок. Благодаря этому появилась реальная возможность усилить Амурскую речную флотилию освобождающимися судами и личным составом бывшей Сибирской речной флотилии. Вторая группа судов с судовым составом по железной дороге зимой 1921 г. была перебросена на Амур.

В марте 1921 г. при активной помощи РСФСР для оказания содействия НРА в борьбе с интервентами и войсками белых, а также для защиты границ Дальневосточной республики началось формирование морских сил ДВР.

Таким образом, при восстановлении Амурской и Сибирской военных флотилий на Дальнем Востоке Реввоенсоветом Республики штабом всех морских сил РСФСР был приобретен богатый организационный опыт создания крупных военно-морских соединений, что дало возможность приступить к строительству народно-революционного флота Дальневосточной республики.

Морское строительство проходило на освобожденной от войск Всероссийского временного правительства территории Сибири и в условиях оккупации японскими интервентами Дальнего Востока, что представляло для Советского правительства определенную сложность в комплектовании судовым составом и в материально-техническом обеспечении флотилий, являлось не только совокупностью организационных и политических, но и дипломатических мероприятий государственных органов РСФСР и Дальневосточной республики.

Деятельность государственных органов РСФСР по созданию морских сил носила не только военный характер – освобождение Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов, но и политический. Восстановление морских сил на Дальнем Востоке позволяло добиться права России на владение морем, обеспечить военно-политическое влияние РСФСР на проводимую Японией, США, Францией, Великобританией и другими странами политику в странах Юго-Восточного региона и на Дальнем Востоке Советской России.

Ю. А. Лебедев,

*старший научный сотрудник научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации,
кандидат исторических наук*

Финансовое обеспечение армии и военного строительства в годы Гражданской войны

В истории армии далеко не последнее место принадлежит ее финансам. Обусловлено это прежде всего тем, что финансовый аспект ее материального содержания – одна из обязательных, наиважнейших сторон государственной политики по защите Отечества.

Известный русский ученый, профессор И. Х. Озеров небезосновательно утверждал, что «финансы являются могущественным фактором в экономической и политической жизни. В финансах мы находим ключ к пониманию истории» [80, вып. 1, с. 35].

В Российской империи обеспечение действующей армии денежными средствами было возложено на структуры Министерства финансов: губернские и окружные казенные палаты, а в условиях войны – на полевые казначейства. При этом в самой армии за ее обеспечение денежными и материальными средствами отвечало интендантское управление.

Начало становлению военно-финансовой системы Советской России было положено 23 ноября 1917 г., когда был создан Народный комиссариат по военным делам, а в его составе Финансовый отдел, уполномоченный распоряжаться денежными средствами, предназначенными для Красной армии, который возглавил М. В. Лезгинцев, имевший 9-летний стаж практической финансовой работы. На него возлагалось: руководство всеми техническими силами финансового отдела; оперативное распоряжение по выдаче различным учреждениям, организациям и лицам, касающимся Красной армии и Народного комиссариата по военным делам, денег.

Уже в декабре 1917 г. большевики стали готовить военный бюджет на 1918 г. По запросу народного комиссара по военным делам Н. И. Подвойского канцелярия Военного министерства Временного правительства передала все сметы Военного министерства за 1914–1918 гг. [97. Ф. 44. Оп. 7. Д. 337. Л. 250, 255].

Старые центральные довольствующие управления Военного министерства работу по снабжению и финансированию армии почти полностью прекратили. Необходимо было срочно брать под полный контроль деятельность этих управлений по использованию государственных ассигнований на содержание старой армии и организовать финансовое обеспечение мероприятий по ее демобилизации. В первую очередь необходимо было устранить перебои в финансировании войск и обеспечении их денежными знаками.

Немаловажным было обеспечить сохранность денежных средств и ценностей упраздняемых управлений Военного министерства. Требовалось также организовать казначейское обслуживание финансовой деятельности самого народного комиссариата по военным делам и содержания его аппарата. 15 января 1918 г. был подписан декрет об организации РККА, который стал первым правовым актом, заложившим основы финансового обеспечения новой армии. Им были определены основные положения о материальном обеспечении личного состава. Все военнослужащие принимались на полное государственное довольствие, устанавливался размер денежного содержания красноармейцам, определялся порядок государственного обеспечения нетрудоспособных членов семей солдат Красной армии через местные органы Советской власти по местным потребительским нормам. На другой день был принят декрет об ассигновании 20 млн руб. на организацию Красной армии, которым также были определены схема финансирования и общие направления расходов для организации РККА.

Финансовым отделом совместно с отделом снабжения Коллегии был подготовлен проект первого табеля окладов военнослужащим Красной армии, который был одобрен и объявлен приказом Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА от 16 февраля 1918 г.

Табелем окладов для всех добровольцев, за исключением назначенных на должности инструкторов и технических специалистов, было установлено денежное содержание в одинаковом размере – 50 рублей в месяц. Инструкторам и некоторым специалистам оклады выплачивались по пятиразрядной тарифной сетке: от 75 рублей для взводного инструктора до 250 рублей для дивизионного инструктора. В апреле 1918 г. с переходом от выборности командного состава к его назначению система денежного довольствия военнослужащих получила дальнейшее развитие: был введен отдельный табель месячных окладов командного состава – от командира взвода (450 руб.) до начальника дивизии (900 руб.) и высших строевых начальников (1 000 руб.).

Наряду с денежным довольствием немаловажное значение во время Гражданской войны имели денежные награды. Размер единовременной выдачи в виде денежной награды не должен был превышать месячного оклада содержания награждаемого военнослужащего. Право выдачи наград было предоставлено реввоенсоветам фронтов и армий.

Последующее развитие системы денежного довольствия военнослужащих в период Гражданской войны определялось главным образом двумя факторами: во-первых, необходимостью поощрения службы в действующей армии, т. е. в наиболее трудных условиях, и, во-вторых, необходимостью повышенного поощрения более квалифицированных видов воинского труда. Кроме того, обесценение денег в связи с избыточной эмиссией и недостатком товаров вынуждало Советское государство к периодическому повышению окладов денежного содержания военнослужащим.

2 сентября 1918 г. ВЦИК объявил Советскую республику «единым военным лагерем». Был создан Реввоенсовет, осуществлявший непосредственное руководство армией и флотом.

А 22 октября того же года в целях централизации финансирования фронтов приказом Революционного военного совета № 135 был создан финансовый отдел при Реввоенсовете Республики и впервые объявлено Положение о финансовом отделе. Вновь сформированный отдел возглавил М. В. Лезгинцев, ранее

руководивший финансовым отделом народного комиссариата по военным делам.

Размеры денежного довольствия Красной армии и пособий семьям красноармейцев увеличивались вместе с ростом численности Красной армии. Летом и осенью 1918 г. соединения и части действующей армии стали сводиться в армии и фронтовые объединения. Через год имелось уже семь фронтов по 2–5 армий в каждом. К концу 1919 г. в Красной армии насчитывалось 3 млн человек. Всего в период войны было сформировано 139 стрелковых и 35 кавалерийских дивизий, 61 авиаотряд (300–400 самолетов), около 30 морских, озерных и речных флотилий, артиллерийские и броневые части и подразделения. В общей сложности образовано 22 армии, в том числе две конные. За годы войны шесть военных академий и свыше 150 курсов подготовили 60 тыс. красных командиров различных специальностей.

При создании РККА активно использовались оставшиеся от прежней армии огромные запасы обмундирования, хранившиеся на интендантских складах по всей России. До 1922 г. большая часть личного состава РККА донашивала униформу старой армии. В ходе Гражданской войны, несмотря на лучшее – по сравнению с белыми – обеспечение Красной армии обмундированием и обувью, она все-таки испытывала значительные трудности в снабжении ими. Благодаря колоссальному напряжению работы пошивочных фабрик и мастерских в 1920 г. удалось направить в РККА и РККФ около 580 тыс. новых шинелей, 77 тыс. полушубков, 948 тыс. пар кожаной обуви и 223 тыс. пар валенок. Из-за нехватки обуви многие красногвардейцы ходили в лаптях.

Советская власть оказывала также значительную поддержку семьям бойцов Красной армии. Забота выражалась в прямой материальной помощи семьям призванных в Красную армию, в предоставлении красноармейцам права посылки продовольствия членам своих семей, в организации помощи семьям призванных в Красную армию в обработке земли, в уборке урожая. Помощь выражалась также в льготах для членов семей красноармейцев и в снабжении их продуктами по карточкам «Красная звезда». Общее

число членов семей красноармейцев, снабжаемых по карточкам «Красная звезда», согласно данным Совета обороны от 20 августа 1920 г., составляло 3 177 тыс. человек.

Финансовый отдел при Реввоенсовете Республики в течение 1918–1920 гг. обеспечивал реализацию таких важных для молодого государства вопросов, как финансирование фронтов, контроль за использованием ассигнований главными управлениями Красной армии, организация работы полевых казначейств, а также формирование системы подготовки военных финансистов.

За период с 1 июля 1918 г. по 1 июля 1921 г. денежная масса в обращении увеличилась в 54 раза (с 43,7 млрд руб. до 2 347,2 млрд руб.), ценность же рубля упала в 800 раз. В результате такого огромного обесценивания реальная ценность денежной массы в обращении снизилась в 17 раз (с 493 млн руб. золотом на 1 июля 1918 г. до 29 млн руб. золотом на 1 июля 1921 г.), что выражало резкое сокращение рыночного оборота [35, с. XVII–XVIII].

После заключения Брестского мира обмен военнопленными начался в конце лета 1918 г. и продолжался до ноября 1918 г. В результате в Россию возвратилось более 180 тыс. (7,5%) военнопленных русской армии из остававшихся в плену на начало 1918 г. более 1 600 тыс. Массовое стихийное движение военнопленных, начавшееся в ноябре 1918 г. по причине революционных событий в Австро-Венгрии и Германии, продолжавшееся до февраля – марта 1919 г., способствовало самостоятельному возвращению в Россию около 600 тыс. (23%) русских военнопленных.

Согласно постановлению СНК от 16 ноября 1918 г., бывшие военнопленные получили право на денежное довольствие. Сумма, причитавшаяся каждому военнопленному, не должна была превышать 1,5 тыс. рублей. Семьи военнопленных с 1 января 1918 г. до возвращения из плена приобрели право на получение половины содержания, установленного военнопленным. Воинам-инвалидам сверх денежного довольствия за время плена были установлены единовременные пособия в размере 25 рублей – «полуинвалидам» и 50 рублей – «полным» инвалидам. В 1920 г. единовременные пособия бывшим военнопленным-инвалидам были отменены.

На местах денежное довольствие за время плена выдавали военные комиссариаты, аванс в 40 рублей в счет этого довольствия и единовременное пособие воинам-инвалидам. На практике эти выплаты бывшие военнопленные чаще всего не имели возможности получить беспрепятственно из-за отсутствия денежных средств.

Еще в царской России при наличии огромного частного сектора в индустрии значительная часть производства вооружения была сосредоточена на 17 казенных заводах.

Экономическая политика Советского государства в условиях Гражданской войны получила название «военный коммунизм». В области промышленности это выразилось в широкой национализации промышленных предприятий, переориентации заводов на выпуск военной продукции, переводе рабочих на казарменное положение с выдачей им пайков вместо заработной платы.

Большая часть военных заводов оказалась на территории, контролируемой Советским правительством. В течение нескольких месяцев их удалось запустить, преодолевая невероятные трудности в снабжении их топливом, материалами и инструментом; обеспечить, часто в принудительном порядке, рабочей силой. Можно даже отметить частичные успехи по сравнению с периодом работы военной промышленности на вооружение царской армии, например, организацию на Сормовском заводе впервые в России производства танков. Налаживание работы бывших казенных и частных русских военных заводов способствовало улучшению обеспечения Красной армии всеми необходимыми предметами вооружения и боеприпасами, что стало немаловажным фактором ее побед на фронтах Гражданской войны и в отражении военной интервенции. В то же самое время это – фактор, способствовавший прогрессирующему износу производственного оборудования.

На завершающем этапе Гражданской войны действующие заводы русской военной промышленности были выделены советским правительством в особую производственную группу, подчиненную Главному управлению военной промышленности

(ГУВП) ВСНХ РСФСР. В состав ГУВП входили: Промвоенсовет, Центральное управление артиллерийских заводов и Главное управление объединенных авиационных заводов. По состоянию на 1 января 1921 г. ГУВП ВСНХ подчинялись 62 предприятия, на которых работали около 130 тыс. человек. Постановлением ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. вся военная промышленность была передана в общесоюзное подчинение.

В этот период шла разработка новых образцов оружия. Например, после Октябрьской революции на Ковровском заводе было налажено серийное производства усовершенствованного 6,5-мм ружья-пулемета Федорова. Однако 21 марта 1918 г. все работы на Ковровском заводе были прекращены ввиду непреодолимых финансовых и организационных причин. Касса завода была опустошена. В сентябре 1920 г. работы были возобновлены. К концу года было изготовлено около 100 автоматов. Постепенно набирая темпы производства, завод вскоре довел их выпуск до 50 шт. в месяц.

26 июля 1921 г. Военно-финансовое управление было переименовано в Главное военно-финансовое управление с образованием при нем специального междуведомственного совещания для решения принципиальных вопросов, касавшихся определения потребностей военного ведомства в кредитах и распределения ассигнований. 31 июля 1921 г. было введено Положение о Главном военно-финансовом управлении. В то же время началось формирование новых, нижестоящих звеньев военно-финансовой службы. Приказом РВСР от 24 мая 1921 г. № 1200 было объявлено положение о финансовых отделах военных округов, фронтов и отдельных армий, финансовых частях дивизий и финансовых отделениях губернских военных комиссариатов.

Военно-финансовое управление округа, фронта, отдельной армии было подчинено непосредственно командующему войсками, а по специальным вопросам – Главному военно-финансовому управлению. На военно-финансовое управление округа (фронта, отдельной армии) были возложены организация и руководство сметной работой в довольствующих органах и войсковых соединениях, ответственность за своевременное истребование кредитов

из центра и осуществление финансирования войск. Штатная численность военно-финансовых управлений военных округов составляла 40–45 человек.

После окончания Гражданской войны для восстановления народного хозяйства страны Советское правительство вынуждено было резко сократить расходы на оборону. В связи с этим в 1921–1922 гг. была произведена централизация всех ассигнований на содержание армии и флота. Был создан единый бюджет военного ведомства, исполнявшийся через централизованную финансовую службу по схеме: центр – округ – соединение.

Сформировавшийся в годы Гражданской войны коллектив военно-финансовой службы сумел выполнить возложенные на него задачи по финансовому обеспечению строительства Вооруженных сил в условиях жестких рамок военного времени.

Л. Д. Сабуров,
*главный научный сотрудник Центрального музея
Вооруженных сил Российской Федерации,
доктор исторических наук*

**Холодное и стрелковое оружие,
имеющее мемориальное значение,
в экспозиции Центрального музея Вооруженных сил
Российской Федерации
«Вооруженная борьба периода Гражданской войны
в России»**

18 мая 2018 г. в Центральном музее Вооруженных Сил Российской Федерации к 100-летию Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны в России после реконструкции открылись три новых зала: «Вооруженная борьба периода Гражданской войны в России: 1917–1922 гг.». В экспозиции представлены подлинные образцы оружия периода Гражданской войны.

После убийства в 1934 г. С. М. Кирова были введены жесткие ограничения на хранение оружия всех видов, в том числе и в музеях. В результате почти все оружие, в том числе уникальные образцы, собранное за 15 лет существования музея, было сдано. Из 656 единиц огнестрельного и холодного оружия, числившихся в музее в апреле 1934 г., к марту 1941 г. осталось всего 91 [117, с. 34]. Начальник музея В. К. Трофимов, рискуя жизнью, не выполнил приказ благодаря чему оно сохранилось.

Не обошла репрессивная машина стороной и сотрудников музея. В 1937 г. были арестованы и расстреляны бывший начальник музея В. К. Трофимов и сменивший его в 1934 г. А. Д. Колчушкин. Следующий начальник музея – полковой комиссар В. И. Федянин был назначен только в начале 1940 г., до этого времени музеем руководили временно исполняющие обязанности начальника музея лица.

Среди подлинных предметов экспозиции представлено личное оружие Главкома Вооруженных сил Республики С. С. Каме-

нева – 9-мм пистолет Борхардта-Люгера образца 1908 г., модель 1917 г. (для артиллеристов); карабин обр. 1907 г., изготовленный на Ижевском оружейном заводе и подаренный ему в конце 1918 г. после освобождения г. Ижевска. После смерти С. С. Каменева оружие было передано в музей в марте 1937 г. И хотя он вскоре был причислен к «врагам народа», все его реликвии сохранились. Каменев находился на военной службе с 1898 г., в Красной армии с 1918 г. Окончил Александровское военное училище в 1900 г. Участник Первой мировой войны: был старшим адъютантом оперативного отдела 1-й армии, командиром полка, начальником штаба корпуса. В Гражданскую войну с сентября 1918 г. командовал Восточным фронтом. В 1919 г. провел контрнаступление войск фронта, в ходе которого были разбиты войска адмирала А. В. Колчака. С июля 1919 г. – Главнокомандующий Вооруженными силами Республики и член Реввоенсовета, проявил талант полководца при организации и осуществлении стратегических операций по разгрому войск генералов А. И. Деникина, Н. Н. Юденича, П. Н. Врангеля. Дважды награжден Почетным революционным оружием.

В витрине также находится обрз 7,62-мм винтовки системы Мосина обр. 1891 г., трофейный, захвачен у махновцев – подарок Главкому С. С. Каменеву от М. В. Фрунзе. Здесь же экспонируется поясной ремень М. В. Фрунзе, пробитый пулей. В марте 1921 г. он был ранен в стычке с махновцами.

Декретом ВЦИК РСФСР от 8 апреля 1920 г. учреждено Почетное революционное оружие. Оно присуждалось «за особые боевые отличия, оказанные высшими начальствующими лицами в действующей армии» [18, т. 6, с. 557]. Оно представляло собой шашку (кортик) с вызолоченным эфесом и наложенным на него знаком ордена Красного Знамени. Право присуждения представлялось только ВЦИК и РВС Республики по собственному почину или по представлению РВС фронтов и армий.

С образованием СССР и учреждением общесоюзного ордена Красного Знамени в соответствии с постановлением Президиума ЦИК СССР от 12 декабря 1924 г. к ранее установленному холодному Почетному революционному оружию (с общесоюзным орденом Красного Знамени) добавлялось огнестрельное – револьвер

с прикрепленным к его рукояти тем же орденом и серебряной накладкой с надписью «Честному воину Рабочее-крестьянской Красной армии (или флота) от Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 19... г.» [106, с. 78–79]. Однако награждение оружием под названием «Боевое золотое оружие со знаком ордена Красного Знамени», причисленным в дальнейшем к Почетному революционному оружию, началось до его официального учреждения. Всего Почетным революционным оружием (шашкой) награжден 21 человек. Почетного огнестрельного оружия удостоились С. М. Буденный и С. С. Каменев (18 января 1921 г.). В дальнейшем длительное время награждением Почетным оружием в СССР не производилось. Лишь в связи с 50-летием Вооруженных Сил СССР на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1968 г. Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР (шашкой или пистолетом) награждены видные военачальники. Введение Почетного оружия, по существу, явилось продолжением традиции награждения Золотым оружием в старой русской армии, хотя одним из первых декретов Советской власти все дореволюционные награды упразднились.

В экспозиции представлено:

Почетное революционное оружие М. В. Фрунзе. М. В. Фрунзе был из семьи военного фельдшера. Профессиональный революционер. При царе дважды приговаривался к смертной казни. Командовал Южной группой войск Восточного фронта при разгроме армии Колчака. Командовал Восточным, Туркестанским и Южным фронтами. Руководил борьбой с Петлюрой и Махно. С марта 1924 г. – заместитель наркомвоенмора, с января 1925 г. – наркомвоенмор. Умер после неудачной операции по поводу язвы желудка (сердце не выдержало усиленного наркоза).

Почетное революционное оружие М. В. Фрунзе – шашка по типу офицерской шашки обр. 1909 г. Изготовлена на Златоустовской оружейной фабрике по особому заказу с наложением ордена Красного Знамени. Клинок (от кавказской шашки) небольшой кривизны, из булатной стали, изготовлен мастером Османом Омаровым в конце XIX в. На верхнем наконечнике ножен знак ордена Красное Знамя и черневая надпись «Народному Герою Михаилу Ва-

сильевичу Фрунзе» [62, с. 45]. Поступила в музей из народного комиссариата по военным и морским делам 5 февраля 1926 г.

Награжден постановлением ВЦИК РСФСР от 25 ноября 1920 г. за командование Южным фронтом, проявленную при этом необычную энергию и настойчивость в проведении плана разгрома белогвардейских частей Врангеля в северной части Таврической губернии и Крыму.

Среди подлинных предметов экспозиции залов представлены также гимнастерка, два ордена Красное Знамя М. В. Фрунзе, шашка кавказская, которые поступили из Реввоенсовета СССР в 1926 г. и грамота о награждении командующего Южной группой войск Восточного фронта М. В. Фрунзе орденом Красного Знамени 21 июля 1919 г., подписанная заместителем Председателя РВС Республики Э. М. Склянским.

Почетное революционное оружие С. К. Тимошенко – изготовлено по чертежам кавалерийской шашки обр. 1927 г. с последующим наложением ордена Красного Знамени и нанесением надписей. Клинок небольшой кривизны, стальной, однодольный, конец заточен обоюдоостро. На левой стороне клинка надпись «Доблестному бойцу Р.К.К.А. от ЦИК СССР». Эфес из цветного металла, позолочен, рукоять из кости с нарезанными по диагонали желобками. На эфес наложен орден Красного Знамени в миниатюре. Ножны из дерева, покрыты лаком, обтянуты кожей черного цвета, прибор ножен из цветного металла, позолочен, состоит из двух обоймиц и наконечника. На верхней обоймице нанесено изображение Государственного герба СССР. Оковка и головка рукояти и прибор украшены растительным орнаментом [62, с. 44].

Награжден за командование 6-й, а затем 4-й кавалерийской дивизий в период Советско-польской войны 1920 г. Есть версия, что он не получал его. В ее пользу говорит тот факт, что ни на одной из фотографий С. К. Тимошенко с 1920 г. по 1932 г. Почетного революционного оружия РСФСР у него мы не видим. Считается, что он получил его в 1927 г. Вторая версия: С. К. Тимошенко согласился в 1927 г. заменить Почетное революционное оружие РСФСР на Почетное революционное оружие СССР после образования СССР.

Еще интересным экспонатом является кинжал кавказский конца XIX–XX вв. Я. Ф. Фабрициуса, который поступил из Реввоенсовета СССР в 1929 г. Кинжал кавказский – клинок обоюдоострый, прямой, рукоять и ножны из дерева, покрыты серебром и украшены кубачинским орнаментом. Размеры: длина общая – 545 мм, длина клинка – 360 мм, ширина клинка – 31 мм [62, с. 37].

Я. Ф. Фабрициус был из крестьян. Окончил гимназию в 1894 г. На военной службе состоял в 1898–1899 гг. и с 1916 г. Участник Первой мировой войны. В Красной армии служил с 1918 г. В конце 1917–1918 гг. – председатель Военно-революционного комитета Псковского уезда. Отличился в боях против германских интервентов под Псковом и банд Булак-Булаховича. С 1918 г. – член ВЦИК. В декабре 1918 – феврале 1919 г. – военный комиссар 2-й Новгородской дивизии, затем 10-й стрелковой Пермской дивизии (февраль – июнь 1919 г.), участвовавшей в боях в Эстонии. За отличие в боях и самоотверженную работу на фронте 13 февраля 1919 г. награжден орденом Красного Знамени. 14 июля 1920 г. повторно награжден орденом Красного Знамени «за прорыв польских позиций под Сморгонью». Делегат 10 съезда Советов. Командир 501-го стрелкового полка. За участие в подавлении Кронштадского мятежа награжден третьим орденом Красного Знамени. За участие в Советско-польской войне в боях на варшавском направлении награжден четвертым орденом Красного Знамени, став первым кавалером четырех орденов. С 1928 г. – помощник командующего Кавказской Краснознаменной армии. Погиб в авиакатастрофе 24 августа 1929 г. в районе Сочи, спасая жизнь пассажиров.

Почетное революционное оружие командующего 1-й Конной армией С. М. Буденного. За боевые заслуги армия была награждена Почетным революционным Красным знаменем, сотни ее бойцов и командиров – орденом Красного Знамени [112, с. 7–26]. Из рядов 1-й Конной армии вышли многие видные советские военачальники. Среди них: И. Р. Апанасенко, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, О. И. Городовиков, С. К. Тимошенко, И. В. Тюленев, А. В. Хрулев.

С. М. Буденный награжден Почетным революционным оружием постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 20 ноября

1919 г. за руководство кавалерийским корпусом при разгроме войск К. К. Мамонтова и А. Г. Шкуро. Почетное революционное оружие С. М. Буденного – шашка казачья офицерская обр. 1839 г. Клинок небольшой кривизны, однодольный. Конец клинка заточен обоюдоостро. На правой его стороне нанесено изображение алебарды, двух скрещенных палашей и копий. На левой стороне клинка изображение развернутого знамени и скрещенных двух шашек и двух бердышей. Эфес из золота. Рукоять из дерева твердой породы с нарезанными поперечными желобками, которые обвиты тонкой крученой проволокой. Верхняя часть головки эфеса покрыта эмалью красного цвета, на которой нанесены надписи: «РСФСР» и «ВЦИК». На левой стороне головки эфеса в овале по золоту погрудное рельефное изображение Карла Маркса. На другой стороне головки – изображение серпа и молота. Ножны из дерева, отполированные, покрытые лаком черного цвета. Прибор ножен из дерева, состоит из трех обоймиц и наконечника. На верхней обоймице наложен знак ордена Красного Знамени и нанесена надпись «Народному Герою С. М. Буденному от В.Ц.И.К.» [62, с. 42].

Повторно награжден Почетным революционным оружием (пистолетом сист. Маузера) постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 5 января 1921 г. за заслуги в Гражданской войне на посту командующего 1-й Конной армией. 7,63-мм пистолет сист. Маузера обр. 1896 г. (К-96), модель 1912 г., Германия. На пистолете четырехзолотые пластинки с черневыми надписями: «РСФСР», от В.Ц.И.К.», «Семену Михайловичу Буденному», «1921», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». На левой щечке рукоятки золотое изображение двух сабель и кавалерийской пики. На кобуре резьбой по дереву надписи: «С. М. Буденному от ВЦИК, 1921 г.» и изображение ордена «Красное Знамя».

Вначале зала № 4 экспонируется пулеметная тачанка 23-го Царицынского полка Петроградской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. На ней – 7,62-мм станковый пулемет системы Максима.

В зале № 5 экспонируется серебряная кавказская шашка В. И. Чапаева одного из наиболее ярких представителей команди-

ров из народа. Шашка представляет собой клинок трехдольный, большой кривизны. Эфес до головки покрыт серебром, головка обтянута кожей черного цвета. Прибор ножен серебряный, украшен кубачинским орнаментом «тутта». На верхней обоймице помещено изображение трех медальонов. На верхнем медальоне изображен Государственный герб Российской империи, на нижнем, наложенном с левой стороны, находится надпись: «За стойкость и мужество» [62, с. 28].

На клинке клеймо мастера-изготовителя «Мудунов» и вензель императора Николая II. Летом 1919 г. легендарный начальник дивизии подарил его командиру бригады И. С. Кутякову за героизм в боях под Бугурусланом. При аресте комкора И. С. Кутякова в 1937 г. шашку присвоил себе работник НКВД. По просьбе музея и распоряжению председателя КГБ И. А. Серова найдена в 1953 г. в Самарканде и возвращена в музей.

Кинжал кавказский конца XIX в. – начало XX в. Принадлежал командующему 11-й армией М. К. Левандовскому. Рукоять сделана из дерева, покрыта серебром, в центре находятся вставки из белой кости с золотой инкрустацией. Ножны из дерева, в сплошной серебряной оправе с тремя вставками из белой кости, инкрустированы деревом. Рукоять и ножны украшены кубачинским орнаментом «тутта». В верхней части ножен обоймица с отверстием для пристегивания портупей. Размеры: длина общая – 570 мм, длина клинка – 400 мм, ширина клинка – 45 мм. На рукоятке и верхней части ножен находится надпись: «Славному солдату Революции товарищу Левандовскому. Начальник особого отдела 11-й армии Панкратов. I.V.1920 г. Баку» [62, с. 28]. Поступил в музей от гр. В. И. Вепре в 1962 году. М. К. Левандовский – сын унтер-офицера. Участник Первой мировой войны 1914–1918 гг., штабс-капитан. С августа 1918 г. в РККА, командующий Грозненской группой войск. С января 1919 г. командующий 11-й армией. Затем возглавил 7-ю кавалерийскую дивизию. С марта 1920 г. командующий воссозданной 11-й армии. С июля 1920 г. по май 1921 г. – командующий 9-й армией, участник установления советской власти в Грузии. В июле – сентябре 1921 г. – военный комиссар Тамбов-

ской губернии. В 1924–1925 гг. – член РВС и командующий войсками Туркестанского фронта. Командарм 2-го ранга. Репрессирован и расстрелян 7 мая 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

Еще одним интересным экспонатом зала является 7,63-мм пистолет системы Маузера образца 1896 г., модель 1912 г., Германия. Принадлежал начальнику 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии И. Р. Апанасенко. На левой щечке рукоятки находится металлическая пластина «Начдиву 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии И. Р. Апанасенко за взятие Ростова от Реввоенсовета 1-й Конной армии». Здесь же помещена сабля кавказская, конца XIX – начала XX в., Россия. На ножнах выгравирована надпись: «Тов. Апанасенко И. Р. в память Ставрополя боевая сабля 1918–1920 гг.».

И. Р. Апанасенко родился в с. Митрофановское (совр. Ставропольский край). Участник Первой мировой войны, прапорщик, награжден тремя Георгиевскими крестами. В РККА служил с 1918 г. Начальник 6-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии.

Наряду с доблестью и героизмом на счету 6-й кавдивизии имеются черные пятна. Непримируемость позиций различных политических партий, группировок и классов в вопросах о власти, экономическом и политическом курсе страны, ставка на достижение поставленных целей вооруженным путем породили насилие. Мы показываем, что был не только красный, но и белый террор. Об этом свидетельствуют архивные документы.

Красный террор. Так, во время отхода 1-й Конной армии с польского фронта разложение частей армии, в особенности 6-й кавдивизии, достигло такой высокой степени, что угрожало полным подрывом дисциплины и армейского командования. Ввиду этого Реввоенсовету армии пришлось применить суровые меры. Были разоружены 31, 32 и 33-й кавполки. Они были переименованы в 1, 2 и 3-й маршевые полки. 107 преступников были отданы под суд армейского Ревтрибунала. Затем еще были даны списки на 140 бандитов и хулиганов [97. Ф. 245. Оп. 1. Д. 15. Л. 164, 164 об.].

Белый террор. О расхищении чинами Симферопольского офицерского полка Белой добровольческой армии петлюровской казны, захваченной на станции Проскуров. «Огромной стоимости имущество расхищалось из вагонов. Уносились золотые и сереб-

ряные вещи, драгоценности, процентные бумаги, выигрышные билеты. Просто деньги, сахар, кожа, машины для печатания денег... Совершалось это хищение с необыкновенным цинизмом, как будто каждый грабитель имел право на эти ценности, неоспоримое право» [97. Ф. 6362. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–4].

Указ Верховного правителя адмирала Колчака о проведении мобилизации в Омском и Иркутском военных округах от 15 сентября 1919 г.: «...Призвать в войска из числа мужского населения следующих категорий в возрасте от 18 до 43 лет. За уклонение, укрывательство, подстрекательство виновные предаются распоряжением командующих округов или соответствующими начальниками прифронтовому или военно-полевому суду, причем наказание может быть увеличено до смертной казни [97. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 183. Л. 1].

Как же сложилась судьба И. Р. Апанасенко впоследствии?

В 1921–1923 гг. – начальник Ставропольской губернской милиции. В 1924–1929 гг. – командир 5-й Ставропольской кавалерийской дивизии, которая в 1925–1926 гг. участвовала в боевых действиях в Чечне, Осетии и Дагестане. В 1929–1935 гг. – командир 4-го кавалерийского корпуса Северокавказского военного округа. С февраля 1938 г. – командующий войсками Среднеазиатского военного округа, а с января 1941 г. – командующий Дальневосточным фронтом, генерал армии. Провел комплекс военных и хозяйственных мероприятий, позволивших укрепить дальневосточные рубежи СССР и перебросить часть сил с Дальнего Востока на советско-германский фронт. В июне 1943 г. по собственной просьбе направлен на фронт заместителем командующего Воронежским фронтом. 5 августа 1943 г. смертельно ранен под Белгородом при обстреле штабной машины самолетом противника. Похоронен в Ставрополе.

В экспозиции помещено оружие генерал-лейтенанта И. К. Смирнова – участника Гражданской и Великой Отечественной войн, которое передала его жена:

6,35-мм пистолет системы Браунинга обр. 1906 г., бельгийский;

7,63-мм пистолет системы Маузера обр. 1896 г. Модель 1912 г.

В годы Гражданской войны П. К. Смирнов был начальником партизанского отряда, командиром батальона, командиром и комиссаром бригады 30-й стрелковой дивизии, участвовал в боях против войск Колчака, генерала Врангеля. С 1922 г. – командир стрелкового полка, помощник командира 30-й стрелковой дивизии ХВО. С октября 1946 г. – заместитель командующего войсками Московского военного округа по вузам. С мая 1953 г. в отставке.

Таким образом, современная экспозиция музея и обращение к архивным документам помогают объективно и взвешенно разобраться в сложнейших и неоднозначных событиях, происходивших в России в годы Гражданской войны, учит бережному отношению к истории своей страны, своей армии.

С. В. Аверченко,
*преподаватель кафедры истории войн и военного искусства
Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,
кандидат исторических наук*

Использование опыта Первой мировой войны при создании и применении в годы Гражданской войны в красном Воздушном флоте авиационных ремонтных поездов-мастерских

Впервые подвижные авиационные ремонтные поезда-мастерские (ПАРМ-П) в военной авиации России были сформированы в начале Первой мировой войны – в конце 1914 г. Тогда были два поезда-мастерских, которые были предназначены для ремонта самолетов на Юго-Западном фронте. Необходимость их формирования была продиктована маневренным характером войны и оторванностью авиаотрядов от своих ремонтно-снабжающих органов – авиационных рот, с ее началом.

В конце 1915 г., когда Восточный фронт стабилизировался, и боевые действия приобрели позиционный характер, один из этих поездов был направлен в Москву, в Московский центральный авиационно-воздухоплавательный склад (ЦАВС). Через него в армию шел основной поток импортной авиационной техники, завозимой в Россию через Архангельск. Поставляемая союзниками техника отличалась своей многотипностью, и специалисты Московского ЦАВС не справлялись со сборкой большого количества поступающих самолетов и моторов неизвестных им ранее систем. В течение всего 1916 г. этот ПАРМ-П оказывал помощь работникам склада, собрав 250 аэропланов и 70 двигателей [115, № 1. с. 19].

В 1917 г., основываясь на успешном опыте боевого применения сформированной летом 1916 г. боевой авиационной группы (БАГ) Юго-Западного фронта, российское военное командование решило сформировать четыре таких группы – по одной на каждый

фронт. БАГ должны были перебрасываться в пределах фронта на важнейшие участки и виделись мощным средством усиления авиационных группировок на нужных участках фронта. Для их технического обслуживания требовались мобильные ремонтные органы. Этим требованиям наилучшим образом соответствовали подвижные авиационные ремонтные мастерские-поезда. Тогда было принято решение в дополнение к двум существующим авиационным ремонтным поездам-мастерским сформировать еще две ПАРМ-П, чтобы каждой авиагруппе придать свою ПАРМ-П. К моменту выхода России из войны в Военном воздушном флоте были сформированы и работали на фронте четыре ПАРМ-П [2, № 8, с. 12–16].

Таким образом, мы видим, что в годы Первой мировой войны в Военном воздушном флоте России были созданы маневренные авиационные ремонтные органы – подвижные авиационные ремонтные мастерские-поезда. Они имели несколько предназначений. Первое – ремонт авиационной техники (АТ) в авиаотрядах в пределах фронта в условиях маневренной войны, когда отряды часто меняли места своей дислокации и стационарные ремонтные органы за ними попросту не поспевали. Второе – в условиях позиционной войны обслуживание ремонтом маневренных истребительных соединений – боевых авиационных групп. Третье – ПАРМ-П использовался руководством российской военной авиации как подвижный резерв ремонтных средств, который можно было использовать на «трудном» участке, как, например, был использован в 1916 г. 1-й ПАРМ-П в тылу, в Москве для сборки, закупаемой за границей АТ.

В марте 1918 г. Первая мировая война для России закончилась, но началась Гражданская. Как удалось установить, все ПАРМ-П удалось эвакуировать в Советскую Россию, и они вполне успешно использовались новой властью для защиты завоеваний Революции. Только, что естественно, новая власть заменила часть руководящего состава в этих мастерских. 15 мая 1918 г. Всероссийская коллегия Воздушного флота поручила комиссии по разработке штатов совместно с инспекторским отделением подготовить списки кандидатов для назначения на должности начальников авиационных поездов-мастерских.

Согласно приказу начальника Полевого управления КВВФ от 27 сентября 1918 г., в составе военной авиации на указанный период числились четыре авиационных поезда-мастерских. Они были распределены по одному на каждый образовавшийся к тому времени фронт (Северный, Восточный, Южный и Западный район обороны) и подчинены начальникам авиации и воздухоплавания соответствующих фронтов [45, с. 226–228].

Боевые действия в Гражданскую войну отличались маневренным характером, и поэтому для обеспечения авиационных отрядов на фронте нужны были подвижные средства ремонта и снабжения. А этим требованиям более всего соответствовали авиаремонтные поезда-мастерские и поезда-склады. Фронтальная действительность показала, что одной авиаремонтной мастерской-поезда на фронт мало. Такой поезд необходимо придать каждой армии. 15 февраля 1919 г. приказом РВСР № 296 все имевшиеся авиаремонтные поезда-мастерские и поезда-склады подлежали переформированию в авиационные поезда-мастерские-склады (АПМС). Они подчинялись начальнику авиации армии и предназначались для мелкого и среднего ремонта (сроком до двух – трех недель) самолетов, моторов и оборудования самолетов авиаотрядов армии. Поезд-мастерская-склад располагался в специальном железнодорожном составе из 26 вагонов. В нем имелись слесарное, моторно-сварочное, деревообделочное, кузнечное, автомобильное, телефонное и хозяйственное отделения. Всего за годы Гражданской войны были сформированы 16 АПМС [45, с. 177–178, 215].

Такое положение дел было закреплено в «Наставлении по применению авиации на войне», изданном Полевым управлением авиацией и воздухоплаванием в 1919 г. [79, с. 2]. Авиационные поезда-мастерские-склады осуществляли обслуживание прикрепленных к ним авиаотрядов, зачастую находящихся друг от друга на расстоянии до 150–200 км, что называется «на колесах». Однако тут необходимо отметить, что не всегда качество ремонта было высоким. Это было обусловлено тем, что в условиях Гражданской войны было трудно достать кондиционные материалы для ремонта авиационной техники и подобрать высококвалифицированные кадры.

25 марта 1920 г. Реввоенсовет Республики издал приказ о реорганизации центральных органов управления РККВВФ. Кроме центральных органов, этим приказом утверждались штаты и положения фронтовых и армейских органов управления РККВВФ. В положении о начальнике КВФ фронта и о штабе КВФ фронта говорилось, что штаб КВФ фронта ведает снабжением авиачастей из поездов-мастерских и их дислокацией [45, с. 143]. Но начальники КВФ фронта только распределяли поезда-мастерские по армиям, а их непосредственной работой руководили начальники авиации армий.

В Советско-польской войне 1920 г. авиаремонтные поезда состояли из 24–30 вагонов, платформы для перевозки крупногабаритных грузов, цистерны с горючим и мастерские в переделанных крытых товарных вагонах. Выполняя ремонт самолетов армии, к которой они были приданы, АПМСы обычно мало передвигались и, чтобы обеспечить снабжение авиачастей армии, они выделяли из своего состава передовые базы, располагавшиеся вблизи линии фронта [8, с. 11].

Так, например, на Западном фронте по состоянию на 12 июня 1920 г. поезд-мастерская № 2 был придан 15-й армии, поезд-мастерская литер «А» и головная база АПМС № 13 были приданы 16-й армии, а сам авиационный поезд-мастерская-склад № 13 находился в непосредственном подчинении начальника Воздушного флота Западного фронта [8, с. 41–43].

При отходе советских войск от Варшавы, по состоянию на 28 августа 1920 г., в шести армиях (3, 4, 12, 15, 16-я общевойсковые и 1-я Конная) и Мозырской группе войск на Западном фронте числилось 5 авиаремонтных поездов-мастерских (номерные № 2, 3, 8 и 13, и литерный «А»). Недавно сформированные 3-я и 4-я армии с их немногочисленной авиацией своих АПМС не имели. Принимая это в расчет, мы видим требуемое в «Наставлении по применению авиации на войне» соотношение: на одну армию – один авиационный поезд-мастерская-склад. Также при этом отступлении выявилась слабая подвижность АПМС, которые «прирастали» к стационарным стоянкам и местным коммуникациям. При перебазировании авиаремонтных поездов-мастерских прихо-

дилось разрывать их составы на части и перемещать по отдельности друг от друга, что, несомненно, приводило к прекращению работы по ремонту и снабжению авиачастей. Известен случай, когда два АПМС простояли больше месяца в тупиках, лишенные возможности работать [8, с. 61–62, 66–68].

Через месяц, 29 сентября 1920 г., дислокация АПМС на Западном фронте была следующая: в 1-й Конной армии – АПМС № 8, в 12-й армии – АПМС № 3, в 15-й – АПМС № 2, в 16-й – АПМС литер «А» и головная база от 13-го АПМС. 13-й АПМС находился в непосредственном подчинении штаба Воздушного флота фронта. Аналогичную картину видим на Юго-Западном фронте. Здесь по состоянию на 21 сентября 1920 г. на четыре входящие в состав фронта армии (6, 13, 14-я общевойсковые и 2-я Конная) имелись четыре АПМС: 1, 4, 6 и 14-й [8, с. 66–68, 85].

Такая система использования АПМС просуществовала до конца Гражданской войны, что подтвердило правильность ее принятия. И на заключительном периоде Гражданской войны авиаремонтные поезда все также подчинялись штабу КВФ армии [45, с. 148].

При формировании и практическом использовании авиаремонтных поездов во время Гражданской войны был использован опыт применения аналогичных структур, приобретенный отечественной военной авиацией в годы Первой мировой войны. Использование авиаремонтных поездов-мастерских все так же было обусловлено маневренным характером боевых действий. Только теперь авиаремонтные поезда придавались каждой армии. Опыт прошлого был творчески переработан руководителями Рабоче-крестьянского Красного воздушного флота и грамотно применен в новых условиях.

Ю. Н. Арзамаскин,
*старший научный сотрудник Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации*

От Первой мировой к Гражданской войне в России: уроки современникам

Первая мировая война 1914–1918 гг. произвела столь огромные сдвиги в области человеческого мышления, провела такую грань между периодами до нее и после, вызвала такой взлом в судьбе Европы (да и всего мира), что за ней с полной справедливостью все более и более закрепляется термин «Великая». Особое место и значение Первая мировая война занимает в судьбе России.

Ранее считалось, что Первая мировая война между двумя коалициями капиталистических держав Европы являлась для России историческим этапом, который завершился подписанием Брестского мира в 1918 г. В это же время, где пересекаясь, где следуя один за другим, происходили другие исторические события: Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война 1917–1922 гг.

Сегодня в новейшей отечественной историографии все чаще встречается новый подход к оценке и периодизации событий 1917 года [54, с. 473, 491]. В частности в принятой новой Концепции истории России не выделяются отдельно Февральская буржуазно-демократическая революция и Великая Октябрьская социалистическая революция, а вводится понятие «Великая российская революция» с выделением ее трех этапов. «Февральский переворот», начало которому положили события 23 февраля – 3 марта (раньше называлась Февральской революцией); «взятие власти большевиками» – события в октябре (раньше называлась Октябрьской революцией); Гражданская война и иностранная интервенция как продолжение революции в России.

Но вот в чем парадокс: Первую мировую войну с участием России, Февральскую революцию с падением царизма, Октябрьскую революцию с приходом к власти большевиков, Гражданскую войну с многоцелевой политической палитрой и внешней интервенцией никто официально не рассматривает как единый процесс, сегодня породивший новое название данному ряду событий – Великая российская революция.

Следует отметить, что российская революция 1917 г. была порождена сложным комплексом объективных и субъективных факторов, сложившихся в нашей стране на протяжении десятилетий и даже веков ее развития. Существовая на стыке Запада и Востока, объединив в рамках единого государства народы, относящиеся к разным типам цивилизационного развития, Российская империя в начале XX в. стала центром глобальных межцивилизационных противоречий, которые породили особую кризисность и конфликтность исторического процесса и привели к нескольким революциям в стране [4, с. 11].

К 1917 г. острота противоречий, особенно в социально-экономической сфере, резко усилилась. Это было связано:

- с участием России в Первой мировой войне;
- падением авторитета монархии, с тем кризисом власти, который углублялся в стране;
- падением авторитета Православной церкви (обряд причастия до марта 1917 г. – 100%, после – 7%).

Особую роль в начале революции в стране сыграла Первая мировая война. По оценке В. И. Ленина, не будь войны, Россия еще годы и даже десятилетия могла бы прожить без революции. Война ускорила ее приближение примерно на 30 лет. Можно утверждать, что Первая мировая война явилась катализатором Великой российской революции.

Какой была наша страна накануне 1917 г.? В чем проявилось влияние Первой мировой войны на развитие России?

В Российской империи (без Польши и Финляндии) проживало 170 млн человек. Их них 123 млн – в европейской части. Городское население составляло всего лишь 18%. То есть, по сути дела, было две России: городскую представляли пять – шесть регионов

относительно высокого промышленного развития, крестьянскую – более 80% территории и населения. Россия была унитарным государством с жесткими вертикальными связями. В административном территориальном отношении в состав России входили: 78 губерний, 21 область, 2 отдельных округа, 812 уездов и 16 760 волостей. К 1917 г. 9 губерний были оккупированы противниками России в войне.

Население страны делилось на сословия: дворяне, духовенство, мещане и крестьяне. Но по реальному положению в обществе накануне 1917 г. выделялись четыре социальные группы:

1) высшая государственная бюрократия, генералитет, помещики-землевладельцы, крупные и средние предприниматели, высшее духовенство, академики, профессора – вместе с семьями составляли примерно 3% населения;

2) мелкие предприниматели, городские обыватели, офицерский корпус, кустари, ремесленники, мелкие чиновники, духовенство и др. – около 8% населения;

3) крестьянство – 69% населения (в т. ч. зажиточное – 19%, среднее – 25%, бедное – 25%);

4) промышленные рабочие (3–3,5 млн человек), транспортные, строительные, сельскохозяйственные рабочие, батраки (2 млн человек), прислуга, люмпены и т. д. – около 20% населения [107, с. 111].

Таким образом, в социальной структуре общества преобладали малоимущие и неимущие слои, причем как в городе, так и в деревне. Средний класс, в принципе, отсутствовал. В составе фабрично-заводских рабочих 54% составляли женщины и подростки. На нужды войны в стране работало три четверти промышленных предприятий.

К 1917 г. на фронт были мобилизованы около 16 млн человек. В составе действующей армии на пяти фронтах к марту 1917 г. находилось 7 млн человек. Потери России в войне составили около 3 млн убитых и пропавших без вести, 3 млн находились в плену. К весне 1917 г. довоенная русская армия (1,5 млн кадровых солдат и унтер офицеров, 70 тыс. – офицерский корпус, 40 тыс. – гвардия, лучшие казачьи части) перестала существовать. Практи-

чески в строю не осталось никого из 5 млн человек запаса первой очереди, мобилизованных в первые месяцы войны [108, с. 161].

Экономика страны развивалась однобоко. Гражданские отрасли промышленности сократили производство в десятки раз. К лету 1916 г. по сравнению с довоенными оптовые цены на хлеб выросли – на 91%, сахар – 48%, мясо – 138%, масло – 145%, соль – 256%. Реальная зарплата рабочих составляла 75–80% от довоенной. При наличии в стране зимой 1916 г. около 800 млн пудов товарного хлеба произошло резкое сокращение его поставок в город. На базе несоизмеримости цен рос конфликт между городом и деревней. Один пуд железа равнялся 1,5 пудам пшеницы в 1914 г., 6–8 пудам в 1916 г. За 1 пуд пшеницы в 1914 г. можно было приобрести 10 аршин ситца, а в 1916 г. – только 2.

Важным фактором усиления социально экономического кризиса стала небывалая дискредитация власти. В годы войны самодержавие дошло до последней черты. Авторитет царской власти резко упал. Организационно-управленческий кризис монархии проявился в так называемой «министерской чехарде». С начала войны сменилось четыре председателя Совета министров, шесть министров внутренних дел, четыре военных министра, три министра иностранных дел.

На фоне снижения жизненного уровня в обществе формируется устойчивый стереотип сознания – во всем виноваты буржуи. При этом буржуями в массовом сознании были все богатые, зажиточные люди, а нередко и бедные, но чисто и опрятно одетые. Так, солдаты считали буржуями всех офицеров, фронтовики – тыловиков, пехота – артиллеристов и т. д. Углубление антибуржуазной ориентации массового сознания прямо вело к стремлению отнять у буржуев все и разделить «по справедливости». Все это происходило в условиях психологической усталости народа и вело к формированию психологии гражданской войны.

Определенную роль в углублении общенационального кризиса сыграло и снижение авторитета и влияния Православной церкви. Занимая подчиненное по отношению к монархическому государству положение и в силу этого лишенная возможности играть самостоятельную роль, РПЦ сама переживала кризис.

Такова лишь краткая характеристика социальных процессов, которые требовали незамедлительного решения кардинальных вопросов жизни российского общества: укрепления власти; разрешения противоречий между властью и обществом; решения аграрного, рабочего и национального вопросов; прекращения войны и др.

Хронологически революционные события 1917 г. начались 23 февраля и завершились 25–26 октября приходом к власти большевиков. В нашей исторической литературе, учебниках свержение самодержавия связывалось с деятельностью партии большевиков, но в этом утверждении было больше лукавства, чем истины. Безусловно, большевики готовили революцию, многое делали для ее приближения, но стихийный взрыв народного возмущения застал большевиков, как и другие политические партии, врасплох.

Приход к власти большевиков можно расценивать как выход из конкретной ситуации, сложившейся в стране в 1917 г. При этом, на наш взгляд, не следует переоценивать роль партии большевиков, преувеличивать их влияние на развитие революционного процесса. В самом деле, политика глубоких реформ, если бы ее решилось проводить Временное правительство, могла бы снять социальное напряжение в стране. Большевики умело использовали в борьбе за власть разногласия среди противников, бунтарскую стихию и радикальные настроения малограмотных низов, желавших немедленного улучшения жизни, а также антивоенные настроения солдат, особенно в тыловых гарнизонах. Большевики пришли к власти, совершив государственный переворот под общедемократическими лозунгами: «Вся власть Советам!», «Земля – крестьянам!», «Мир – хижинам, война – дворцам!» [83, с. 348].

Таким образом, революция 1917 г. в России была объективно обусловленной социальной революцией, которая началась с решения вопроса о власти, политического переустройства государства и решения противоречий общественного развития как демократическая, а закончилась антибуржуазной, антикапиталистической, пролетарской с установлением власти диктатуры пролетариата и переходом к строительству государственного социализма. Российское общество революцией ответило на кризис западного типа развития в начале XX в. и отвергло его.

Российская революция 1917 г. была закономерным результатом цивилизационного развития страны, конкретным выходом из конкретной ситуации, сложившейся в ней к тому времени. В условиях развертывания революционного процесса после падения монархии существовали достаточно реальные шансы не допустить раскола общества и распада государства. Однако политическая элита России оказалась не способна обеспечить общественное согласие, личные амбиции оказались у многих политиков выше интересов страны. Противостояние в обществе, обострившееся с весны 1917 г., после прихода к власти большевиков и попыток создания коалиционного правительства стало усиливаться.

В исторической науке по сегодняшний день нет единого мнения о том, когда началась Гражданская война. От этого, на первый взгляд относительно частного вопроса, зависит сама концепция Гражданской войны, понимание ее сущности, того, какие силы и по каким причинам оказались в нее втянутыми. Одни историки полагают, что Гражданская война как вооруженное противостояние разных социальных сил, как форма классовой борьбы началась 25–26 октября 1917 г. и вместе с октябрьским переворотом составляет единый процесс социалистической революции. Другие по традиции считают, что Гражданская война в России началась в мае 1918 г., когда к этому времени сформировались основные центры антибольшевистского движения. А поводом послужил мятеж Чехословацкого корпуса. Третьи Гражданскую войну в России рассматривают как многофазное явление, начало которому положили февральско – мартовские события 1917 года [3, № 3, с. 24].

В отличие от обычных войн Гражданская война не имеет четких границ – ни временных, ни пространственных. В самом общем виде гражданскую войну можно представить как обусловленную глубокими социальными, политическими, экономическими и другими противоречиями вооруженную борьбу за власть между различными группами и слоями населения внутри какой-либо страны.

Однако Гражданская война в России имела свои особенности. По мнению академика Ю. А. Полякова, «...Гражданская война – это длившаяся около 6 лет вооруженная война между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие соци-

альные, национальные и политические противоречия, прошедшая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции» [89, № 6, с. 32–33].

При этом причины Гражданской войны в России крылись не в попытках различных партий и группировок захватить (или вернуть) политическую власть, а в глубинных общественных процессах, которые привели общество к той грани, за которой начался этап вооруженного насилия, массовых репрессий и государственного террора. Гражданская война в России включала в себя борьбу социалистических, анархических, буржуазно-демократических, реакционно-монархических сил, центробежных и центростремительных тенденций, национальных и политических течений.

Если ретроспективно оценивать предпосылки и причины Гражданской войны в России, то их можно свести к следующему:

- обострение социальных противоречий в российском обществе, которые накапливались в течение десятилетий и даже веков и предельно углубились в ходе Первой мировой войны. Конфликт власти и общества был настолько глубоким, что защитников у самодержавия в феврале – марте 1917 г. не оказалось, их просто не было в многомиллионной стране;

- бездумная политика ведущих политических партий, которые не смогли стабилизировать ситуацию после свержения самодержавия. Борьба за армию в условиях продолжавшейся войны привела к ее развалу;

- захват власти большевиками и стремление свергнутых классов восстановить свое господство;

- противоречия в лагере социал-демократических партий, которые на выборах в Учредительное собрание получили более 80% голосов, но не сумели обеспечить согласие ценой взаимных уступок;

- вмешательство иностранных государств во внутренние дела России. Интервенция стала катализатором Гражданской войны, а

поддержка странами Антанты белогвардейских войск и правительства во многом обусловила длительность этой войны;

- грубейшие просчеты большевиков, всего Советского правительства в целом ряде важных вопросов внутренней политики (раскол деревни летом 1918 г., расказачивание, политика «военного коммунизма» и др.);

- социально психологический аспект Гражданской войны, в которой насилие воспринималось как универсальный метод решения многих проблем. Взаимное ожесточение людей девальвировало цену человеческой жизни [108, с. 178–179].

Представляется важным отметить, что, являясь частью, этапом общего революционного процесса, Гражданская война имеет и свою собственную периодизацию. Автор придерживается точки зрения тех ученых, которые считают, что Гражданская война в России имела место с 1917 г. по 1922 г. Ее масштабы, состав участников, формы борьбы позволяют в данных временных рамках выделить следующие основные этапы [54, с. 491].

Первым этапом Гражданской войны стали события февраля – марта 1917 г. Это был ее пролог. Свидетельство тому – вооруженные столкновения в Петрограде, которые носили весьма ожесточенный характер и привели к значительным жертвам. Это было начало борьбы за власть.

На втором этапе Гражданской войны (март – октябрь 1917 г.) происходило усиление социально-политического противостояния в обществе. Временное правительство не сумело разрешить накопившиеся противоречия, ответить на самые насущные требования трудящихся.

Третий этап Гражданской войны (октябрь 1917 г. – март 1918 г.) характеризовался насильственным свержением Временного правительства, установлением Советской власти, началом формирования Белого движения, новым расколом общества и распространением вооруженной борьбы.

Четвертый этап Гражданской войны составляют события, которые имели место с марта по июнь 1918 г. Он характеризовался дальнейшей эскалацией насилия в стране. Гражданская война практически не затухала ни на день. Теперь ее вели силы, потер-

певшие поражение в Октябре. Боевые действия против Советской власти в рамках данного этапа носили ожесточенный, но локальный характер.

В рамках пятого этапа, который обычно называют «большой Гражданской войной» (лето 1918 г. – конец 1920 г.), в стране развернулись полномасштабные боевые действия между массовыми регулярными войсками, в том числе и иностранными. Ожесточение противостоящих друг другу сторон вылилось в красный и белый террор, проведение партизанской борьбы, милитаризацию экономики.

Шестой этап Гражданской войны (1921–1922 гг.) вошел в историю как этап ее постепенного затухания. Он характеризовался поражением Белого движения и завершением ширококомандных боевых действий на фронтах. В то же время экономический и политический кризис, охвативший Советскую республику на рубеже 1920–1921 гг., сопровождался широким вовлечением в Гражданскую войну многомиллионных масс крестьян. Почвой для столь массового антибольшевистского движения стало острое недовольство продразверсткой и жесткими мерами, которыми она осуществлялась.

Таким образом, на арене Гражданской войны была представлена многообразная палитра политических интересов. Казалось, что альтернативу составляют белые и красные. Однако ни белые (при иностранной поддержке), которые контролировали временами большую часть территории страны, ни красные, при опоре на внутренние силы, не имели твердых шансов на победу, если бы их не поддержали другие массовые силы.

Одной из антисоветских сил была *военная интервенция*, которая изменила соотношение сил в России не в пользу Советов, сделала исход борьбы неопределенным, затянула войну, в огромной степени умножила жертвы и страдания народа России, наложила огромный отпечаток на его психологию, на политику руководства по обе стороны фронта. Многие историки, говоря об интервенции, имеют в виду интервенцию Антанты. Между тем, германское вторжение в пределы России в феврале – марте 1918 г. было самой настоящей интервенцией, независимо от того, полу-

чили они юридическое оформление в виде мирного договора или нет. Австро-германо-турецкая экспансия вышла далеко за рамки подписанных документов.

Германская интервенция ослабила страну, лишив ее огромных территорий, ухудшив тем самым экономическую обстановку. Она изменила соотношение политических сил на оккупированных территориях, способствуя приходу к власти элементов, враждебных Советам. А это в свою очередь толкало Советы на усиление репрессий, террора. Таким образом, интервенция Германии способствовала эскалации насилия с обеих сторон, что было важнейшим фактором дальнейшего развязывания Гражданской войны.

Итоги шестилетнего противостояния обернулись для России величайшей трагедией. За годы революции и Гражданской войны население страны уменьшилось почти на 13 млн чел. Из общего числа потерь – 2 млн погибли на фронтах, 7,5 млн умерли от голода и болезней, 1,5 млн составили жертвы террора, около 2 млн эмигрировали из страны. Сумма экономического ущерба, нанесенного стране, включая имущественные потери населения, превышала 50 млрд золотых рублей. Промышленное производство в 1920 г. по сравнению с 1913 г. уменьшилось в 5 раз, сельское хозяйство производило продукции на 40% меньше, чем до войны [90, с. 98].

В результате Гражданской войны произошли глубочайшие изменения в российском обществе. Резко снизилась роль религии и церкви. Были ликвидированы целые классы. Серьезные потери понесли духовенство, казачество, зажиточное крестьянство. Беднейшие слои городского и сельского населения улучшили свое экономическое положение и оказывали влияние на политическую жизнь страны. Определенное количество из них получили доступ к управлению страной, что привело к противопоставлению этих слоев населения другим слоям общества. Обостренность классового сознания достигла предела. В результате – страна на десятилетия разделилась на победителей и побежденных.

Вместе с тем в результате победы в Гражданской войне большевикам удалось сохранить государственность, суверенитет и территориальную целостность страны, фактически утраченные в

ходе разрушения Российской империи. И хотя победа большевиков в Гражданской войне привела к свертыванию демократии, господству однопартийной системы, необходимо признать, что Советская республика нашла приемлемые формы государственно-го устройства, объединившие народы России.

И в заключение несколько слов об уроках Гражданской войны. Как представляется, у российского общества существуют два полюса: или «народ безмолвствует», или «бунт бессмысленный и беспощадный». Причем переход от одного к другому занимает совсем немного времени. В таком ментальном поле особая ответственность ложится на политическую элиту страны. Как было отмечено на XXI Всемирном русском народном собрании, который проходил под названием «Россия в XXI веке: исторический опыт и перспективы развития», высшая миссия власти – стремиться к консенсусу по главным вопросам и искать общественные компромиссы по спорным темам, их решения, не допуская перерастания в серьезные проблемы.

Исторический опыт свидетельствует, что гражданскую войну легче предотвратить, чем остановить. Главный урок столь трагической истории революционных потрясений заключается в том, что востребованное обществом созидательное и творческое развитие происходит не через революцию, а через консолидацию общества и свободу самореализации для каждого человека.

Но, к сожалению, и сегодня психология гражданской войны не просто присутствует, а нередко и реанимируется, сознательно нагнетается как отдельными политиками, так и некоторыми средствами массовой информации. Ведь, если посмотреть в историю чуть дальше, оказывается, что в России чуть ли не каждую сотню лет гремит бессмысленный и беспощадный бунт. То Смута, то декабристы, то Ленин, то Ельцин... И все время встает вопрос – не наклевывается ли новая заварушка. Причем потрясения 1991 г., возможно, еще не окончены. Наше общество по-прежнему делят на красных и белых. А это тревожный симптом.

А. М. Цыганков,
*первый заместитель начальника
Главного военно-политического управления
Вооруженных сил Российской Федерации*

Заключение

Завершая работу нашей конференции, хотел бы остановиться на итогах и уроках Гражданской войны, имеющих, на мой взгляд, значение, выходящее за рамки «чистой» науки.

Главным итогом Гражданской войны стала победа большевиков и отражение ими военной интервенции. Они сумели мобилизовать все наличные силы и средства в стране, организовать их централизованное и умелое использование, в кратчайшие сроки сформировать Красную армию и организовать всеобщее военное обучение. Вся страна фактически была превращена в единый военный лагерь.

Одним из источников победы новой, большевистской власти стала ее всемерная забота о поддержании высокого морально-политического состояния личного состава и организации воспитательной и агитационной работы в войсках с целью убедить командиров и красноармейцев в правильности общего политического курса. Здесь большевики, безусловно, превзошли своего противника – Белое движение и интервентов.

В этой связи трудно переоценить роль военных комиссаров, своей убежденностью и личным примером увлекавших массы красноармейцев и командиров на безусловное выполнение поставленных перед войсками задач. Такие видные деятели партии, как А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, Н. И. Подвойский, И. В. Сталин и другие, занимая посты членов Реввоенсоветов армий и фронтов, являлись политическими комиссарами самого высокого ранга и многое сделали для обеспечения твердого и надежного управления войсками.

Вместе с тем итоги Гражданской войны носят далеко не однозначный характер.

Да, большевикам удалось в основном сохранить территорию бывшей Российской империи. Но – именно в основном. Были утрачены Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия, Карская область. Воссоединение с Прибалтикой, Бессарабией, западными областями Украины и Белоруссии потребовало в дальнейшем огромных усилий и было узаконено лишь по итогам Второй мировой войны.

Безотносительно к обоснованности идейной базы, на которой вели противоборство красные и белые, Гражданская война стала величайшей трагедией в истории России. По разным оценкам, в боях, от голода, болезней, террора и разгула бандитизма погибло от 8 до 13 млн человек. Около 2 млн человек, в том числе значительная часть интеллектуальной и культурной элиты, были вынуждены эмигрировать.

Тяжкий удар был нанесен по экономике. Огромный промышленный потенциал был утрачен, разрушена система прежних экономических связей. Россия буквально лежала в руинах. Еще одним следствием Гражданской войны стал массовый голод 1921–1922 гг. в европейской части страны и на прилегающих территориях.

Суровые реалии Гражданской войны привели к усилению централизации политической власти, деятельность которой, в силу вынужденных обстоятельств, приняла едва ли не диктаторский характер. Фактическое слияние государственных и партийных органов означало принципиальный отход от концепции советского народовластия, создав тем самым предпосылку для последующего утверждения тоталитарной системы управления.

Необходимо также отметить общее огрубление нравов и девальвацию нравственных принципов. Если в начале Гражданской войны обе противоборствующие стороны еще придерживались элементарных моральных норм (известны случаи, когда красные под честное слово отпускали захваченных в плен врагов), то вскоре такое поведение стало исключением. Белый и красный террор

накрыл страну. Для восстановления здоровой моральной атмосферы в обществе потребовались многие годы.

Если говорить об исторических уроках Гражданской войны, то к ним, на наш взгляд, могут быть отнесены следующие.

Во-первых, Гражданская война в России, отличавшаяся особым ожесточением, лишь на время привела к разрешению социальных противоречий, накопившихся в стране. По мере того, как динамика в развитии советского общества постепенно сходилась на нет, вновь стало нарастать глубинное противоречие между частными и общественными интересами, что в конечном счете привело к радикальным общественным изменениям в 1990-е гг.

Таким образом, Гражданская война в России лишней раз продемонстрировала, что в ходе подобных конфликтов основополагающие проблемы общественной жизни не решаются, а чаще всего лишь «консервируются», загоняются вглубь.

Во-вторых, события очередного «смутного времени», пережитого в те годы нашей страной, говорят о том, что Гражданскую войну легче предотвратить, чем остановить. При этом исключительную роль здесь играет позиция вооруженных сил. Быстрой эскалации Гражданской войны во многом способствовал развал армии, размежевание военного командования по политическим взглядам и идеологическим предпочтениям, причины которого (как глубинные, так и ситуативные) нуждаются в дальнейшем исследовании.

В-третьих, Гражданская война, как это уже не раз было в российской истории, сопровождалась вмешательством иностранных государств, стремившихся воспользоваться ослаблением России и поживиться ее национальным достоянием. Именно этим фактором – иностранным вмешательством – обусловлены масштабность и длительность Гражданской войны в России.

В-четвертых, разрушительные последствия Гражданской войны потребовали огромных усилий по восстановлению экономики, возвращению к нормальному ритму жизни. Как следствие, мобилизационная модель развития страны сохранялась вплоть до Великой Отечественной войны. Этому способствовала также враждебность

внешнего окружения, обусловленная, в том числе непримиримостью политико-идеологических позиций СССР, с одной стороны, и большинства его соседей – с другой.

В-пятых, в войнах гибнут, как правило, лучшие представители общества, что негативно сказывается на генетическом потенциале нации. Это верно и по отношению к России. Кроме того, в результате Гражданской войны за пределами страны оказалась значительная или даже большая часть ее интеллектуальной элиты. Эти люди, а в дальнейшем и их потомки служили уже не России, а вносили свой вклад в развитие других государств – Франции, США, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Китая.

Непосредственным следствием Гражданской войны стало, таким образом, «обеднение» российского социума, «усреднение» социально-культурного уровня населения страны.

И последнее. Несмотря на то, что после рассмотренных на нашей конференции событий прошло более 100 лет, многие проблемы, связанные с Гражданской войной, нуждаются в дальнейшем исследовании. В частности по-прежнему актуальным остается вопрос, была ли эта братоубийственная схватка неизбежной.

Подводя итоги нашей конференции, хотел бы подчеркнуть, что трагедия Гражданской войны в России лишней раз убеждает в самоценности гражданского мира. В этой связи сверхзадачей органов власти и политических партий является своевременное установление источников социальной конфронтации для ее прекращения цивилизованными методами, осуществление необходимых реформ в интересах всего общества, гуманизация общественных отношений.

Самостоятельной задачей является выработка и утверждение на государственном уровне единых приоритетов духовной жизни, формирование идейно убежденной, сильной духом личности, в том числе воина-государственника – надежного и преданного защитника Отечества, носителя традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Значительную роль в этом процессе призваны сыграть вновь образованные в армии и на флоте военно-политические органы.

Их деятельность направлена на создание и поддержание такой морально-политической атмосферы в Вооруженных силах, которая отвечает интересам эволюционного развития российской государственности, побуждает людей в погонах служить интересам не отдельных партий, а обществу в целом, обеспечивает безусловное понимание и поддержку личным составом решений Верховного главнокомандующего и министра обороны.

Наш общий гражданский долг – сделать все от нас зависящее, чтобы исключить даже самую возможность повторения такой остроты противостояния в обществе, каким стала Гражданская война 1918–1922 гг.

Литература

1. *Аверченко С. В.* Создание и деятельность в годы Первой мировой войны в России подвижных авиаремонтных мастерских-поездов // Военно-исторический журнал. – 2018.
2. Алфавит революции. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/alfavit-revoluyut-sii-chast-pervaya/>
3. *Арзамаскин Ю. Н.* Гражданская война в контексте Российской истории: реалии объективного подхода // Военный академический журнал. – 2017.
4. *Арзамаскин Ю. Н.* Революционная парадигма в истории России: от осмысления к консолидации // Гуманитарное наследие советской цивилизации (к 100-летию ВОСР) : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции. 7 ноября 2017 г. Химки. – М. : Академия МЧС, 2017.
5. *Артузов А. Х.* Лекции по истории ВЧК-ОГПУ [Стенограмма]. – М., 1928.
6. *Бегидов А., Ершов В., Парфенова Е., Пивовар Е.* Российская военная эмиграция в 1920-е – 1930-е годы. – Нальчик, 1998.
7. *Беликова Л. И.* Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (Приморская организация РКП(б) в 1917–1922 гг.). – Хабаровск : Кн. изд-во, 1967.
8. *Березин П. Ф.* Красная авиация в борьбе с белополяками. – М. : Воениздат, 1940.
9. *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. – М., 2004.
10. *Васильев В.* Помощники Дзержинского // Чекисты. – Л : Лениздат, 1977.
11. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии : документы и материалы : в 2 т. – Минск : Государственное изд-во БССР, 1957.
12. *Верховский А.* Интервенцию не допустим // Огонек. – 1929.
13. *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России 1917–1920 гг. – М., 1965.
14. Внешняя политика Японии: история и современность. – М. : Вост. литература, 2008.
15. Военная история : учебник. – 2-е изд., доп. и испр. / А. С. Киселев, Т. Л. Абашидзе, А. С. Антокольский [и др.] / под общ. ред. В. В. Паршина. – М. : ВУ, 2003.

16. Военная история: / А. С. Киселев, Ю. Н. Арзамаскин, В. Б. Горячев [и др.] / под общ. ред. А. В. Маклачкова. – М. : ВУ, 2016.
17. Военная история Отечества с древних времен до наших дней : в 3 т. – М. : Мосгорархив, 1995.
18. Военная энциклопедия : в 8 т. – М. : Воениздат, 1997–2004.
19. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917–1922) : сборник документов. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1989.
20. *Войтиков С. С.* Высшие командные кадры Красной армии. – М., 2010.
21. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. – М., 2002.
22. Всероссийский национальный центр : сб. док. – М., 2001.
23. *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «русской Смуты» : статьи и документы. – М., 2013.
24. *Генералъ А. И. Деникинъ.* Очерки русской Смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. [Репринтное воспроизведение издания]. – Париж, 1922.
25. *Геруа А.* Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании / сост. И. В. Домнин. – М. : Русский путь, 1999. Российский военный сборник.
26. *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР : в 2 кн. – М. : Политиздат, 1980.
27. *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. – М., 2001.
28. *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. – М. : Вече, 2014.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
30. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1987.
31. *Гухман Б. А.* Основные вопросы экономики СССР (в таблицах и диаграммах). – М., 1928.
32. Дальневосточная республика. – 1920. – 2 ноября. – № 147.
33. Даугава. – 1980.
34. Дело генерала Л. Г. Корнилова : материалы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его участниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. // Сборник документов и материалов. – М., 2003. – Т. 2.
35. Денежное обращение и кредитная система Союза ССР за 20 лет : сборник важнейших законодательных материалов за 1917–1937 гг. – М. : Госфиниздат, 1939.

36. Деникин А. И. Очерки русской Смуты : в 3 т. – М. : Айрис-пресс, 2006.
37. Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 : сборник док. – М. : Изд-во «Материк», 2007.
38. Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова. – М. : «Вече», 2014.
39. Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Крушение власти в армии. Февраль – сентябрь 1917 г. : в 5 т. – Мн., 2002.
40. Деникин А. И. Очерки русской Смуты: Крушение власти и армии. – Мн. : Харвест, 2002.
41. Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917–1922. Белые армии. – М., 1998.
42. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922) : в 4 т. – М. : Воениздат, 1971–1974.
43. Домнин И. Краткий очерк военной мысли русского зарубежья // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Российский военный сборник. – М., 1999. – Вып. 16.
44. Домнин И. Военная грань российской эмиграции // Русское зарубежье: государственно-патриотическая и военная мысль. Российский военный сборник (далее РВС). – М., 1994. – Вып. 6.
45. Елисеев С. П. Организационное строительство советских Военно-воздушных сил (1917–1920 гг.). – М. : ВУНЦ ВВС ; Военно-воздушная академия имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, 2011.
46. Естественное движение населения Союза ССР. 1923–1925. Центральное статистическое управление. – М. : ЦСУ СССР, 1925.
47. Залесский П. И. Грехи старой России и ее армии / А. А. Керсновский, Н. Н. Головин, А. Л. Мариюшкин [и др.] // Философия войны : сборник. – М., 1995.
48. Зданович А. А. Латышское дело // Военно-исторический журнал. – 2004.
49. Известия ВЦИК.
50. Именной список потерь на фронтах в личном составе Рабоче-крестьянской Красной армии за время Гражданской войны. – М., 1926.
51. История артиллерии. – М., 1954.
52. История Гражданской войны в СССР : в 5 т. – М. : Госполитиздат, 1935–1960.
53. История отечественной артиллерии : в 3 т. ; в 8 кн. – М., 1962–1964.

54. История : учебник / Н. М. Белозеров, Ю. Н. Арзамаскин, А. Г. Бесов [и др.] / под ред. А. П. Волкова. – М., 2014.

55. *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. – М. : Наука, 1988.

56. Как это было: Революция – 1917 и начало Гражданской войны. Обзор прессы 100-летней давности. URL: <https://newdaynews.ru/revolution-1917/619562.html>

57. Какая армия нужна России? РВС. – М., 1995.

58. *Каржанский Н. С.* Чехословаки в России. – М., 1918.

59. *Керсновский А. А.* История русской армии : в 4 т. – М., 1994.

60. Клио. – 2012.

61. Конституция РСФСР 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussrfsr/1918/chapter/95fa77a9ae133f491225ac6c30bb9ebf>

62. *Корнеев О. Ф.* Отечественное холодное оружие. Центральный ордена Красной Звезды музей Вооруженных Сил СССР. – М. : Воениздат, 1978.

63. Красная книга ВЧК : в 2 т. – 2-е изд., уточн. – М. : Политиздат, 1989.

64. Красная летопись.

65. *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Берлин, 1921.

66. *Краснов П. Н.* Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата императорской Российской армии. – М., 1992.

67. *Куль и Г. Дельбрюк.* Крушение германских наступательных операций 1918 г. – М., 1935.

68. *Кутаков Л. Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. – М. : Международные отношения, 1964.

69. Чекисты Петрограда на страже Революции : в 2 кн. / В. А. Кутузов, В. Ф. Лепетюхин, В. Ф. Седов, О. Н. Степанов. – Л. : Лениздат, 1987.

70. *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. – Петрозаводск : Изд-во «Версо», 2013.

71. В. И. Ленин и ВЧК : сборник документов (1917–1922 гг.). – 2-е изд., доп. – М., 1987.

72. *Ленин В. И.* Полное собр. соч. : в 55 т. – М., 1967–1975.

73. *Мальшев В. П.* Борьба за власть Советов на Амуре. – Благовещенск : Амурское кн. изд-во, 1961.

74. *Мариюшкин А. Л.* Помни войну! Вопросы современной и будущей войны // А. А. Керсновский, Н. Н. Головин, А. Л. Мариюшкин [и др.] // Философия войны : сборник. – М., 1995.

75. *Мариюшкин А.* Трагедия русского офицерства // Офицерский корпус русской армии. РВС. – М., 2000.

76. Мировые войны XX века : 4 кн. – М., 2002.

77. Народное хозяйство СССР в цифрах. – М., 1925.

78. Население России в XX веке : исторические очерки. – М., 2000.

79. Наставление по применению авиации на войне. Рабоче-крестьянской Красной армии. – М. : Полевое управление авиации и воздухоплавания при штабе Рев. воен. сов. респ., 1919.

80. *Озеров И. Х.* Основы финансовой науки. – 4-е изд. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911.

81. Оперативно-розыскной словарь : учебное пособие. – М., 2008.

82. Отечественная военная история. С древних времен до наших дней : в 3 т. – М., 2003.

83. Отечественная история : учебник. – 2-е изд., исправ. и доп. – М. : ВУ, 2010.

84. Отчет об операциях Красной флотилии за период с 1.12.1919 г. по 25.11.1920 г. – М., 1920.

85. *Пайнс Р.* Московские центры. Политический фронт в Гражданской войне в России // Вопросы истории. – 2009.

86. Партийно-политическая работа в Красной армии (апрель 1918 – февраль 1919 гг.) : документы. – М., 1961.

87. Первая мировая война 1914–1918 годов : в 6 т. – Т. 1. Происхождение и основные события войны. – М. : Кучково поле, 2014 ; – Т. 2. Начало и развертывание войны (1914–1915 годы), 2015 ; – Т. 3. Военные действия на сухопутных театрах войны (1916–1918 годы), 2015 ; – Т. 4. Война на море, 2017 ; – Т. 5. Экономика и оружие войны, 2017 ; – Т. 6. Итоги и последствия войны, 2017.

88. Письменное слово. Листовки Гражданской войны (1918–1922 гг.) – М., 1967.

89. *Поляков Ю. А.* Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. – 1992.

90. *Поляков Ю. А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. – М., 1986.

91. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. // Труды ЦСУ. – М., 1921.

92. *Прочко И. С.* Артиллерия в боях за Родину. – М. : Воениздат, 1957.
93. Революционное движение в русской армии в 1917 г. : сборник документов. – М., 1968.
94. Российская история. – 2011.
95. Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : в 4 кн. – М., 1998.
96. Российский государственный архив ВМФ (далее – РГА ВМФ).
97. Российский государственный военный архив (РГВА).
98. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
99. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
100. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. – М., 2010.
101. Русская военная доктрина. РВС. – М., 1994.
102. Русские офицеры о революции / И. А. Корешкин. – М. : Абрис, 2017.
103. Русское зарубежье: государственно-патриотическая и военная мысль. РВС. – М., 1994.
104. *Савинкин А.* Защита России // Русское зарубежье: государственно-патриотическая и военная мысль. РВС. – М., 1995. – Вып. 6.
105. *Савич Н. В.* Воспоминания. – СПб., 1993.
106. Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. – М. : Известия, 1974.
107. *Семин В. П.* История России : учебное пособие. – М., 2015.
108. *Семин В. П., Арзамаскин Ю. Н.* История : учебное пособие. – М., 2015.
109. *Слащов Я. А.* Причины разложения старой русской армии во время европейской войны // Военный вестник. – 1922.
110. Сосредоточение усилий партии на военной работе [Электронный ресурс]. URL: <https://scibook.net/voennaya-istoriya/sosredotochenie-usilii-partii-voennoy-30168.html>
111. *Троцкий Л. Д.* Вокруг Октября // Силуэты: политические портреты. – М., 1991.
112. *Тюленев И.* Первая конная в боях за социалистическую Родину : очерк боевых действий. – М., 1938.
113. *Урланис Б. Ц.* Война и народонаселение Европы. – М., 1960.
114. *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Лавр Корнилов. – М. : Молодая гвардия, 2006.

115. Малоизвестные страницы отечественной авиационной промышленности. Завод Терещенко / А. Харук, Р. Мараев, М. Адаменко [и др.] // Авиация и время. – 2007.
116. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ).
117. Центральный музей Вооруженных сил. 80 лет на службе Отечеству : исторический очерк, посвященный созданию и становлению музея. – М. : ЦМВС, 1999.
118. *Чаадаева О.* Корниловщина. – М. ; Л. : Молодая гвардия, 1930.
119. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920 : документы и материалы. – М. : Кучково поле, 2018.
120. *Эрлихман В. В.* Потери народонаселения в XX веке : справочник. – М., 2004.

Содержание

<i>А. М. Цыганков</i> Вступление	3
<i>В. Н. Воронов</i> Гражданская война 1917–1922 гг. в России: уроки истории	7
<i>Д. Н. Филипповых</i> Презентация фундаментального многотомного труда «Первая мировая война 1914–1918 гг.»	18
<i>Г. И. Письменский</i> Создание Красной армии: опыт и уроки	25
<i>П. С. Казарин</i> Организация и осуществление стратегического руководства вооруженной борьбой в годы Гражданской войны в России	37
<i>Н. В. Илиевский</i> Интервенция и Гражданская война в России: аспекты взаимосвязи	47
<i>С. Д. Половецкий</i> Политическая работа в Красной армии в годы Гражданской войны	55
<i>М. С. Полянский</i> Гражданская война в России: особенности массового сознания противоборствующих сторон	61
<i>Г. М. Ипполитов</i> Моральный дух группировок красных войск на юге России и его укрепление в 1918 году: взгляд сквозь столетие	65
<i>О. В. Кепель</i> Воинская дисциплина и моральный дух в русской армии в годы Первой мировой войны	71
<i>В. Н. Суряев</i> Особенности Гражданской войны на территории современной Беларуси (1917–1920 гг.)	83

<i>В. П. Зимонин</i> Интервенция Антанты на Дальнем Востоке	90
<i>Н. С. Кирмель</i> Сотрудничество и противостояние белогвардейских контрразведывательных органов и разведслужб интервентов	96
<i>А. С. Русак</i> К вопросу о Гражданской войне в белорусских губерниях бывшей Российской империи.....	100
<i>А. А. Зданович</i> Военный переворот в Москве в 1919 г. Реальны ли были планы Колчака и Деникина?	106
<i>О. В. Саксонов</i> Корниловский мятеж 1917 г.: военная диктатура или диктатура правительств?	123
<i>Б. Н. Недбайло</i> Создание чехословацких вооруженных формирований на территории России в годы Первой мировой войны	138
<i>К. А. Абрамян</i> Чехословацкий корпус: от вооруженного нейтралитета к боевым действиям (февраль – май 1918 г.)	148
<i>Ю. В. Рубцов</i> Влияние Первой мировой войны на развитие военного дела: выводы русской военной эмиграции	156
<i>В. С. Параскевов</i> Роль артиллерии Красной армии в борьбе против интервентов на Северном фронте (1918–1919 гг.)	173
<i>А. И. Репинецкий</i> Людские потери военнослужащих противоборствующих сторон в годы Гражданской войны	180

<i>А. А. Тушков</i> К вопросу о военно-морском строительстве на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны	185
<i>Ю. А. Лебедев</i> Финансовое обеспечение армии и военного строительства в годы Гражданской войны	202
<i>Л. Д. Сабуров</i> Холодное и стрелковое оружие, имеющее мемориальное значение, в экспозиции Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации «Вооруженная борьба периода Гражданской войны в России»	210
<i>С. В. Аверченко</i> Использование опыта Первой мировой войны при создании и при- менении в годы Гражданской войны в красном Воздушном флоте авиационных ремонтных поездов-мастерских	220
<i>Ю. Н. Арзамаскин</i> От Первой мировой к Гражданской войне в России: уроки совре- менникам	225
<i>А. М. Цыганков</i> Заключение	236
Литература	241

Научное издание

ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ:
УРОКИ ИСТОРИИ

Материалы международной военно-исторической конференции,
посвященной 100-летию начала Гражданской войны в России
(г. Москва, 13 ноября 2018 г.)

Старший корректор И. В. Садырова
Компьютерный макет подготовлен К. А. Юрасовой

№ 1 Е – 104.116 / 19. Подписанов в печать 8.03.2019 г.
Бумага офсетная № 1. Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Объем – 15,75 п. л. Уч.-изд. л. – 14,65. Тираж 100 экз. Зак. 104

РИО Военного университета. 123001, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14
Типография Военного университета.